

ОТЧЕТЪ

0

ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМІЙ МАКАРІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXIII-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1890.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книппеля, въ Ригѣ.

Цена 1 руб. 5 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1890 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о присужденіи Академією Наукъ премій митрополита Макарія въ 1889 году, читанный въ публичномъ засѣ- даніи Академіи 19-го сентября 1889 года. Непремѣн- ный Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.	1— 27
I. О сочиненіи профессора Н. П. Петрова: Трѣніе въ ма- шинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости. Опи- саніе и результаты опытовъ. Спб. 1886 года. Рецензія профессора В. Л. Кирпичева.	28— 46
II. О сочиненіи генераль-маіора М. Н. Лебедева: «Описа- ніе тріангуляціи въ Болгаріи, произведенной въ 1877, 1878 и 1879 годахъ». Рецензія профессора Николаев- ской Академіи Генеральнаго Штаба Н. Я. Цингера..	47— 56
III. О сочиненіи: Памятникъ законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовули. Сербскій законникъ. Сборники византійскихъ законовъ. Изслѣдо- ваніе Тимоея Флоринскаго. Кіевъ. 1888 г. Рецензія профессора Варшавскаго университета Ѳ. Ѳ. Зпгеля..	57—113
IV. О сочиненіи профессора А. А. Кочубинскаго: Нача- льные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888. 8°. 324. СЛ. Отзывъ Академика И. В. Ягича.	114—128
V. Рукописное сочиненіе К. Ф. Ордина: «Покореніе Фин- ляндіи». Отзывъ генераль-лейтенанта Н. Ѳ. Дубро- вина.	129—160

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВЪ 1889 ГОДУ,

читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 19-го сентабря 1889 года,
Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Падавшее на нынѣшній годъ соисканіе премій митрополита Макарія привлекло на судъ Академіи значительное число важныхъ ученыхъ трудовъ и если Академія, выбирая, для награжденія, лучшія изъ лучшихъ сочиненій, могла радоваться, что награды выпали на долю достойнѣйшихъ, то она не могла не сожалѣть о томъ, что нѣсколько весьма замѣчательныхъ трудовъ должны были остаться неувѣнчанными, единственно по ограниченности числа наградъ. По Высочайше утвержденнымъ главнымъ положеніямъ для присужденія Академіею Наукъ премій митрополита Макарія, въ одинъ конкурсъ можетъ быть присуждается не болѣе двухъ полныхъ премій (по 1500 р. каждая) и трехъ неполныхъ (по 1000 р. каждая), причемъ раздробленіе этихъ премій не допускается. Къ назначенному для приѣма сочиненій сроку было представлено авторами 16 сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныхъ; къ нимъ присоединилось еще два сочиненія, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса.

Назначенная Общимъ Собраніемъ Академіи Комисія для ихъ разсмотрѣнія и для присужденія премій состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ г.г. Академикомъ Я. К. Грота, А. К. Наука, Ф. В. Овсянникова, М. И. Сухомлинова, В. Г. Имшенецкаго, А. А. Куника, А. В. Гадолина и Н. О. Дубровина.

По предварительномъ просмотрѣ вошедшихъ въ конкурсъ сочиненій, Комисія нашла, что три изъ нихъ, какъ не отвѣчающія условіямъ Положенія и Правилъ о преміяхъ митрополита Макарія, не могутъ быть допущены къ соисканію; кромѣ того одно изъ представленныхъ сочиненій было взято авторомъ обратно до постановленія о немъ приговора Комисіи; для остальныхъ, затѣмъ, 14 сочиненій Комисія избрала специальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды Академикомъ, частью изъ постороннихъ ученыхъ, отъ которыхъ и получила, къ назначенному для того сроку, обстоятельные разборы переданныхъ на ихъ судъ сочиненій.

По внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства всѣхъ участвовавшихъ въ конкурсѣ трудовъ и основываясь, при томъ, на заключенія о нихъ рецензентовъ, Комисія удостоила два сочиненія *полныхъ* премій, а тремъ изъ остальныхъ назначила *неполныя* преміи.

I. Одно изъ увѣчаныхъ полною преміею сочиненій озаглавлено:

Трѣніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости — описаніе и результаты опытовъ. Сочиненіе проф. генераль-лейтенанта Ник. Павл. Петрова.

Ник. Павл. Петровъ уже много лѣтъ занимается изученіемъ сложныхъ явленій трѣнія, имѣющихъ громадное для механики значеніе; Академія еще въ 1884 г. имѣла случай, присужденіемъ г. Петрову Ломоносовской преміи, публично засвидѣтельствовать свое уваженіе къ изслѣдованіямъ, произведеннымъ имъ по теоріи трѣнія для открытія законовъ его. Настоящій трудъ г. Петрова, подтверждая и обобщая первоначальныя изысканія

автора, имѣеть важное значеніе, какъ теорія, тщательно провѣренная и опирающаяся на результаты обширныхъ опытовъ, произведенныхъ изслѣдователемъ согласно съ намѣченнымъ имъ въ 1883 г. планомъ.

Въ обстоятельной рецензій, составленной по приглашенію Академіи Директоромъ Харьковскаго Практическаго Технологическаго Института професоромъ Викт. Львов. Кирпичевымъ, ученый критикъ подвергъ подробному разбору значеніе и составъ труда г. Петрова.

Не вдаваясь въ изложеніе специальныхъ подробностей, которыми рецензентъ подтверждаетъ дѣлаемую имъ оцѣнку труда г. Петрова, ограничимся здѣсь лишь передачею и сопоставленіемъ тѣхъ общихъ соображеній, по которымъ рецензентъ признаетъ за г. Петровымъ честь открытія совершенно новаго пути для теоретическаго и опытнаго изученія весьма важныхъ вопросовъ прикладной механики и указанія новаго и плодотворнаго метода изслѣдованія.

Треніе, говоритъ проф. Кирпичевъ, представляетъ столь сложное физическое явленіе, что, по мнѣнію многихъ ученыхъ, оно даже не поддается точному изслѣдованію и, не подчиняясь опредѣленнымъ законамъ, разсматривается лишь какъ случайный элементъ, сопровождающій другія физическія явленія, такъ что большинство математическихъ теорій, въ своихъ выводахъ, до послѣдняго времени, не принимали во вниманіе тренія, которое такимъ образомъ долгое время представлялось какъ бы необходимымъ отличіемъ дѣйствительнаго конкретнаго явленія отъ возможныхъ теоретическихъ представленій.

Важная роль однакоже, которую треніе играетъ въ вопросахъ прикладной механики, побуждала ученыхъ заниматься изученіемъ этого сложнаго явленія, и изслѣдованія, произведенныя Кулономъ, а потомъ Мореномъ, дали возможность установить законы тренія и найти величины коефициентовъ тренія, далеко впрочемъ не исчерпавъ вопроса и не обнявъ всѣхъ случаевъ тренія. Въ области практики, между прочимъ, техники убѣдились,

что ни законы Кулона-Морена, ни добытыя ими величины коэффициентовъ тренія не имѣютъ мѣста въ важномъ для механики случаѣ тренія вращающихся осей при хорошей обильной смазкѣ, какая примѣняется нынѣ для желѣзнодорожныхъ вагоновъ, фабричныхъ приводныхъ валовъ и т. п.

Исслѣдованія и опыты, предпріятыя въ этомъ направленіи Гирномъ, Кирхвегеромъ, Бекельбергомъ, Тёрстеномъ и др. показали, что, руководствуясь теоріею Кулона-Морена и величинами коэффициентовъ тренія, данными Мореномъ, можно иногда получить величины тренія въ 200 разъ превышающія истину; но, разрушивъ прежнюю теорію, экспериментаторы не построили новой, не открыли общихъ законовъ тренія и ограничились лишь нахожденіемъ частныхъ рѣшеній для спеціальныхъ случаевъ. Опыты эти, по мнѣнію пр. Кирпичева, въ научномъ отношеніи малоплодотворные, не доставили выдающихся результатовъ и для практики, такъ какъ вслѣдствіе сложности и неразъясненности обстоятельствъ, вліяющихъ на величину тренія, нельзя было видѣть, какимъ образомъ полученныя на опытахъ данныя могли быть примѣняемы къ дѣйствительнымъ практическимъ случаямъ.

Честь перваго освѣщенія этой области науки, находящейся, какъ видно изъ приведеннаго выше, въ хаотическомъ состояніи, принадлежитъ проф. Петрову. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что при хорошей смазкѣ между трущимися тѣлами постоянно находится слой жидкаго масла, разобщающій собою трущіяся твердыя тѣла, которыя слѣдовательно не прикасаются непосредственно одно къ другому, такъ что здѣсь является лишь случай тренія жидкостей, г. Петровъ на этомъ основаніи построилъ гидродинамическую теорію тренія хорошо смазанныхъ тѣлъ, изложенную въ его сочиненіи, напечатанномъ въ 1883 г.

Пересчитывая въ заключеніе этого труда найденныя имъ положенія касательно законовъ тренія, самъ г. Петровъ въ 1883 г. признавалъ эти положенія только вѣроятными, но не безспорными. Онъ говоритъ, что ихъ можно сдѣлать несомнѣнными только путемъ

опытовъ, которые доставили бы средство для провѣрки болѣе строгой, чѣмъ до сихъ поръ было сдѣлано.

Разсмотрѣнное пр. Кирпичевымъ новое сочиненіе Н. П. Петрова составляетъ собою продолженіе и необходимое дополненіе первой его книги, въ которой вопросы тренія разбирались теоретически, тогда какъ въ новомъ сочиненіи представлена экспериментальная ихъ разработка.

Такъ какъ на основаніи гидродинамической теоріи тренія осей сила эта опредѣляется внутреннимъ и внѣшнимъ треніемъ смазывающей жидкости, то прежде всего необходимо было произвести рядъ опытовъ съ цѣлью опредѣленія величины этихъ сопротивленій для употребительныхъ смазочныхъ жидкостей. Имѣя эти величины и пользуясь формулами гидродинамической теоріи можно уже дѣлать извѣстныя предсказанія относительно той величины тренія, которая получится на осяхъ машинъ при употребленіи той или другой смазки. Затѣмъ нужно на опытѣ провѣрить эти предсказанія и если они будутъ оправдываться, то это должно считаться доказательствомъ справедливости принятой теоріи. Поэтому все экспериментальное изслѣдованіе, принятое г. Петровымъ, распадается естественно на два отдѣла, потребовавшіе два совершенно различныхъ рода опытовъ: первая часть изслѣдованія есть чисто физическая — изученіе внутреннего и внѣшняго тренія жидкостей; вторая часть есть прикладная—и заключается въ изученіи тренія въ машинахъ.

При своихъ опытахъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, г. Петровъ постоянно руководился своею гидродинамическою теоріею, представляющую связующую нить изслѣдованія; этимъ работа г. Петрова отличается отъ многихъ другихъ опытовъ, которые производились безъ опредѣленнаго плана и руководящихъ взглядовъ, при чемъ лица, производившія эти изслѣдованія надѣялись, что сами опыты укажутъ, какая должна быть составлена теорія, но въ концѣ концовъ ожиданія ихъ не оправдывались и значительные труды, ими потраченные, принесли гораздо меньше плодовъ, чѣмъ сколько можно было ожидать.

Совсѣмъ иначе поступилъ профес. Петровъ. Начиная свою работу, онъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, и чисто практическую цѣль: изслѣдованія его велись съ тѣмъ, чтобы получить свѣдѣнія о величинѣ тренія въ машинахъ при употребленіи различныхъ смазочныхъ матеріаловъ, при чемъ надлежало особенно подробно изучить минеральныя смазочныя масла, которыя добываются изъ нефтяныхъ остатковъ, такъ какъ эти сравнительно новыя смазочныя матеріалы, имѣющіеся въ многочисленныхъ видовзмѣненіяхъ, значительно дешевле растительныхъ маселъ и представляютъ особый интересъ для русской техники, ибо Кавказская нефть даетъ большое количество нефтяныхъ остатковъ, а самое выгодное примѣненіе ихъ есть приготовленіе изъ нихъ смазочныхъ маселъ.

Путемъ сравненія тренія, при употребленіи до 12 различныхъ сортовъ минеральныхъ маселъ, съ треніемъ при растительной смазкѣ (сурѣпнаго, оливковаго и спермацетоваго масла) г. Петровъ опредѣлилъ детально степень пригодности различныхъ минеральныхъ маселъ для смазки подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ, поставилъ внѣ сомнѣнія выгодность примѣненія нефтяныхъ смазочныхъ маселъ взамѣнъ растительныхъ смазокъ, и далъ возможность напередъ вычислить, какая экономія получится отъ этой замѣны; при этомъ, по замѣчанію рецензента, проф. Петровъ возвысился надъ грубымъ эмпиризмомъ, остающимся почти всегда бесплоднымъ. Авторъ весьма тщательно изучилъ всѣ полученные имъ результаты и такимъ критическимъ разборомъ извлекъ изъ нихъ значительное число вполне опредѣленныхъ заключеній, представляющихъ первостепенный интересъ для науки и практики.

Такимъ образомъ въ своемъ изслѣдованіи г. Петровъ остался вѣренъ правилу, высказанному еще Понселе: «безъ свѣточа теоріи практика не можетъ идти къ истинному совершенствованію».— Въ вопросѣ о треніи, замѣчаетъ рецензентъ, также какъ и въ другихъ областяхъ техники, подтвердилось то

правило, что чѣмъ выше теорія, тѣмъ плодотворнѣе оказываются ея результаты для практики.

Сочиненіе г. Петрова, по справедливости можетъ быть причислено къ тѣмъ истиннымъ усовершенствованіямъ, о которыхъ говоритъ Понселе, такъ какъ гидродинамическая теорія разбираемаго автора можетъ считаться настолько оправданною опытомъ, что ее возможно безъ опасеній прилагать къ практическимъ вопросамъ, предсказывая, какое будетъ треніе въ данномъ случаѣ, причемъ погрѣшность предсказываемой величины тренія противъ дѣйствительной не превыситъ нѣсколькихъ %.

Наковецъ въ особенную заслугу г. Петрову рецензентъ ставитъ то, что въ концѣ книги его приведены подробныя таблицы результатовъ главнѣйшихъ опытовъ и такимъ образомъ дана возможность каждому изслѣдователю провѣрить заключенія, выводимыя авторомъ изъ полученныхъ на опытѣ чиселъ, или вывести другія заключенія, а также замѣтить особенности, можетъ быть, не подмѣченныя экспериментаторомъ. Благодаря этому приему, авторъ представляетъ обширный собранный имъ матеріалъ въ распоряженіе всѣхъ желающихъ заняться разборомъ его.

Предыдущее краткое изложеніе содержанія сочиненія проф. Петрова приводитъ рецензента къ заключенію, что книга эта полна новыхъ, замѣчательныхъ результатовъ, приведенныхъ въ правильную систему.

Изслѣдованія проф. Петрова принесутъ еще много плодовъ для техники и будутъ способствовать разъясненію многихъ техническихъ вопросовъ.

«Вслѣдствіе этой работы, говоритъ проф. Кирпичевъ, необходимо пересмотрѣть многіе отдѣлы технической науки, которые болѣе или менѣе связаны съ треніемъ. Уже и теперь видно, что нѣкоторыя изъ установившихся правилъ машиностроенія должны подвергнуться измѣненію вслѣдствіе полученныхъ пр. Петровымъ результатовъ. Поэтому мы считаемъ, что отнынѣ гидродинамическая теорія тренія должна помѣщаться въ каждомъ учебникѣ прикладной механики, а найденныя г. Петро-

вымъ численныя величины для силы тренія должны получить мѣсто во всѣхъ справочныхъ книгахъ для инженеровъ.

II. Другое увѣнчанное полною премією сочиненіе имѣетъ заглавіемъ «*Описаніе триангуляціи въ Болгаріи, произведенной въ 1877, 1878 и 1879 годахъ*», составленное генералъ-маіоромъ М. Н. Лебедевымъ. (Т. 43 *Записокъ Воен. Топогр. Отдѣла Гл. Штаба*).

При оцѣнкѣ этого замѣчательнаго труда комисія имѣла удовольствіе пользоваться содѣйствіемъ профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, генералъ-маіора Николая Яковлевича Цингера.

Говоря о значеніи этого капитальнаго труда, рецензентъ отмѣчаетъ, что географическія свѣдѣнія о турецкихъ владѣніяхъ приобрѣтались всегда съ большими затрудненіями. Очень еще недавно карта Европейской Турціи могла основываться лишь на устарѣлыхъ глазомѣрныхъ съемкахъ, исполненныхъ русскими топографами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи во время и по окончаніи войны 1828 г., затѣмъ на отдѣльныхъ маршрутахъ иностранныхъ путешественниковъ и на рекогносцировкахъ, произведенныхъ русскими офицерами геодезистами въ 1867 — 1869 гг., въ видѣ продолженія русскаго градуснаго измѣренія дуги меридіана; при чемъ опорю для географическихъ картъ служили пункты, опредѣленные лишь въ небольшомъ числѣ и, при томъ, далеко не совершенными астрономическими способами. Отсюда ясно, какое важное значеніе для картографіи представили подробныя топографическія и опорныя для нихъ тригонометрическія работы, предпринятыя нашимъ Военно-Топографическимъ Отдѣломъ въ началѣ войны съ Турціею въ 1877 г. и разросшіяся до огромныхъ размѣровъ послѣ быстрого занятія нашими войсками въ 1878 года бѣльшей части Европейской Турціи.

Какъ составленіе въ 1877 г. плана для основныхъ тригонометрическихъ и астрономическихъ работъ, такъ и общее завѣдываніе ими для приведенія ихъ въ исполненіе было возложено

на автора разсматриваемаго сочиненія. Задача эта представлялась тѣмъ болѣе трудною, что г. Лебедеву съ 8-ю состоявшими въ его распоряженіи производителями работъ надлежало успѣть въ два года покрыть триангуляціею занятую русскими войсками Турецкую територію пространствомъ слишкомъ въ 100,000 кв. верстъ, тогда какъ необходимой быстротѣ работъ серьезно препятствовали безлюдность нѣкоторыхъ мѣстностей, оставленныхъ въ началѣ войны бѣжавшимъ населеніемъ, безпорядки и грабежи, начавшіеся почти повсемѣстно послѣ высту-пленія нашихъ войскъ, и наконецъ упорное сопротивление со стороны румынскихъ начальниковъ, встрѣчавшееся при соединеніяхъ нашей триангуляціи съ прежнею австрійскою на берегахъ Дуная.

Хотя по этимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, предначертанія проекта и не могли выполняться по писанному, какъ въ обыкновенное мирное время, тѣмъ не менѣе, по замѣчанію рецензента, благодаря глубокой обдуманности какъ плана, такъ и исполненія всѣхъ работъ, а равно благодаря, неутомимой настойчивости и распорядительности М. Н. Лебедева, воплѣвъ побѣдоносно и съ необычайною скоростью совершено было все предположенное, вызывавшееся практическими потребностями съѣмки, такъ что мы имѣемъ теперь подробныя карты большей части Балканскаго полуострова, основанныя уже на самыхъ прочныхъ данныхъ.

«Описаніе триангуляціи въ Болгаріи», составляющее обширный томъ in 4°, подраздѣляется на 5 главъ: въ 1-ой главѣ излагаются цѣль, планъ и общій порядокъ исполненія всѣхъ тригонометрическихъ работъ въ Болгаріи; въ слѣдующихъ трехъ — описываются въ подробности употреблявшіеся способы измѣренія базисовъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, а также всѣ послѣдовавшія затѣмъ вычисленія съ ихъ важнѣйшими результатами; въ послѣдней же главѣ разъясняются вычисленія геодезическихъ широтъ и долготъ тригонометрическихъ пунктовъ и, изъ сравненія этихъ координатъ съ опредѣленными астроно-

мически, дѣлается заключеніе о мѣстныхъ отклоненіяхъ отвѣсныхъ линий.

Независимо отъ непосредственныхъ практическихъ цѣлей г. Лебедевъ, имѣя въ своемъ распоряженіи, кромѣ 8 производителей тригонометрическихъ работъ, двухъ офицеровъ геодезистовъ съ двумя хорошими инструментами и достаточнымъ числомъ хронометровъ, достигъ при производствѣ астрономическихъ опредѣленій, разрѣшенія нѣкоторыхъ и научныхъ задачъ, которыя какъ бы попутно представлялись при его работахъ, но о которыхъ — казалось-бы нельзя было и думать при подобныхъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ опредѣлены астрономически широты и разности долготъ 47 пунктовъ триангуляціи, избранныхъ г. Лебедевымъ съ большою осмотрительностью такъ, чтобы яснѣйшимъ образомъ обнаружались мѣстныя отклоненія отвѣса на всей изслѣдованной территоріи вообще въ близи Балканскихъ горъ; приводимыя авторомъ вѣроятныя ошибки астрономическихъ широтъ и долготъ 47 пунктовъ его триангуляціи, показываютъ, что эти опредѣленія дѣйствительно не оставляютъ желать ничего лучшаго, потому что какъ широты, такъ и долготы многихъ изъ нихъ, опредѣленные по телеграфу, получены даже точнѣе, чѣмъ геодезическія. Вслѣдствіе этого сдѣланный авторомъ выводъ отклоненій отвѣса въ этихъ пунктахъ представляетъ собою весьма цѣнный матеріалъ, — такъ какъ онъ служитъ для опредѣленія истиннаго вида урovenной земной поверхности на изслѣдованномъ пространствѣ, что собственно и составляетъ цѣль геодезіи. Между тѣмъ такія данныя, столь дорого и трудно добываемыя, имѣются для очень немногихъ мѣстностей на землѣ и не отличаются нужною полнотою, по недостатку астрономическихъ опредѣленій долготъ.

Равнымъ образомъ г. Лебедевъ успѣлъ опредѣлить весьма точно высоты всѣхъ 1274 пунктовъ триангуляціи и на основаніи этихъ данныхъ въ IV главѣ своего сочиненія, представилъ прекрасный общій очеркъ поверхности Болгаріи и паденія рѣкъ, ее

орошающихъ, существенно важный и интересный потому, что имѣвшіяся до сихъ поръ гипсометрическія свѣдѣнія объ этой странѣ были крайне недостаточны.

Перечисливъ рядъ весьма важныхъ наблюдений, которыя г. Лебедевымъ произведены были по собственному почину, рецензентъ указываетъ на тѣсную связь этихъ наблюдений съ возлагавшимся на г. Лебедева чисто практическимъ дѣломъ; въ этомъ отношеніи работы М. Н. Лебедева представляются какъ образецъ практической дѣятельности, направленной прежде всего съ самому добросовѣстному исполненію служебнаго дѣла и какъ поучительный примѣръ столь желаемого всегда согласованія практической пользы съ изслѣдованіями чисто научнаго свойства; при этомъ, говоря о печатномъ трудѣ г. Лебедева, рецензентъ съ похвалою отмѣчаетъ, что яснымъ и подробнымъ изложеніемъ всѣхъ своихъ дѣйствій и мотивовъ, ихъ вызывавшихъ, авторъ даетъ полную возможность прослѣдить за ходомъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ выводовъ изъ его работъ.

Признавая поэтому сочиненіе М. Н. Лебедева «Описаніе триангуляціи въ Болгаріи» вполне самостоятельнымъ трудомъ, обогатившимъ разные отдѣлы науки многими новыми наблюдениями первостепенной важности и принимая, при томъ, во вниманіе, что безъ предприимчивости автора эти пріобрѣтенія для науки стали-бы совершенно невозможными или-же отделились-бы на долгое время, профессоръ Цингеръ считаетъ это сочиненіе какъ нельзя болѣе удовлетворяющимъ всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя поставлены для соисканія премій митрополита Макарія.

Неполныя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

1. Проф. Тим. Дм. Флоринскій *«Памятники законодательной дѣятельности Душана, Царя Сербовъ и Грековъ»*. Кіевъ 1888 г.

Разборомъ этого сочиненія, по приглашенію комисіи, зани-

мался профессоръ Варшавскаго университета Оед. Оед. Зигель, который извѣстенъ въ литературѣ своимъ цѣннымъ изслѣдованіемъ о Законникѣ Душана.

Главныя заключенія представленной г. Зигелемъ рецензіи заключаются въ слѣдующемъ.

Въ 40-хъ годахъ XIV вѣка въ трехъ славянскихъ государствахъ: Чехіи, Польшѣ и Сербіи были предприняты законодательныя работы, вслѣдствіе которыхъ чешскій *Majestas Carolina*, Польскій—Вислицкій Статутъ и Сербскій Законникъ Стефана Душана появились почти одновременно, и поэтому неудивительно, что не смотря на различіе въ исторической обстановкѣ и въ послѣдующихъ судьбахъ, они имѣютъ нѣкоторое сходство между собою. Кромѣ того, по отношенію къ нимъ, изслѣдователи поставлены въ довольно одинаковое положеніе: такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ вовсе не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ и извѣстія о первоначальномъ изданіи этихъ памятниковъ приходится черпать изъ краткихъ замѣчаній лѣтописцевъ или изъ мало содержательныхъ замѣтокъ, то изслѣдователи, для возстановленія текстовъ, должны основывать свои выводы на изученіи рукописей и на точномъ анализѣ ихъ содержанія.

Обращаясь къ законодательной дѣятельности Душана, съ цѣлью выяснитъ состояніе этого вопроса въ литературѣ, рецензентъ замѣчаетъ, что вниманіе ученыхъ прежде всего было привлечено къ изученію различныхъ сторонъ Сербской исторіи права: Маціевскій, Палацкій, Майковъ, Кретичъ останавливались преимущественно на *политическомъ* бытѣ древней Сербіи; что касается извѣстнаго труда самого рецензента о Законникѣ Душана, то онъ былъ главнымъ образомъ основанъ на одной только дотолѣ неизданной рукописи и сосредоточивался на внѣшней исторіи памятника. Вплоть до самаго изданія разсматриваемаго сочиненія г. Флоринскаго, по отзыву проф. Зигеля, изученіе Законника почти не подвинулось впередъ, хотя за это время не мало важныхъ сербскихъ памятниковъ появилось въ печати.

Причины такой остановки въ разработкѣ Законника Душана многочисленны. Для объясненія дѣятельности Душана, говорятъ пр. Зигель, необходимо было самостоятельно изслѣдовать отношенія сербскаго царства къ сосѣднимъ государствамъ, преимущественно къ Византіи; безъ такой исторической подготовки законодательныя работы Душана, какъ находившіяся въ тѣсной связи съ его политическими стремленіями, были бы не совсѣмъ повяты. Изученіе и описаніе рукописей могло быть выполнено только послѣ тщательныхъ розысковъ въ различныхъ библіотекахъ Австріи, Сербіи, Болгаріи; при томъ для этого были необходимы различныя филологическія познанія, не всегда встрѣчаемыя у историковъ-юристовъ. Для пониманія внутренняго устройства сербскаго государства чувствовалась потребность въ исторіи византійскаго государственнаго права, которымъ до сихъ поръ главнымъ образомъ занимались ради выясненія римскаго права; только труды почтенныхъ русскихъ византистовъ — Васильевскаго, Павлова, Успенскаго — начинаютъ объяснять общественный бытъ Византіи ради ея самой. Наконецъ, и это главное, результатомъ всѣхъ многолѣтнихъ, чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ розысканій были бы однѣ предположенія, а не положительныя данныя, такъ какъ, при отсутствіи судебныхъ книгъ и при однообразіи сербскихъ грамотъ нельзя провѣрить, насколько положенія Законника дѣйствительно проникли въ жизнь и руководили общественнымъ движеніемъ.

Не смотря на всѣ указанныя трудности, г. Флоринскій заваялся всестороннимъ выясненіемъ законодательной дѣятельности Душана. Въ 1880 г. онъ напечаталъ въ С.-Петербургѣ «Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова», въ которыхъ имѣется цѣнный матеріалъ для времени перваго сербскаго царя. Въ 1882 г. появилось большое сочиненіе г. Флоринскаго въ 2 частяхъ: «Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка», имѣвшее цѣлью подробно изобразить состояніе Византіи и Сербіи въ первой половинѣ XIV вѣка и уяснить отношенія обоихъ государствъ къ

сосѣднимъ странамъ. Такая подготовка была необходима для выясненія условій образованія Сербскаго царства и значенія политической дѣятельности Душана, политическіе планы котораго и вызвали его къ законодательнымъ реформамъ. Наконецъ въ 1883 году издана статья подъ заглавіемъ: «Политическая и культурная борьба на Греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV вѣка», пополнившая на основаніи новыхъ памятниковъ и подтвердившая уже высказанные взгляды автора.

Эти работы г. Флоринскаго останавливались болѣе на политическомъ положеніи государствъ Балканскаго полуострова; внутреннее же состояніе Сербіи и Византіи обращало на себя вниманіе автора вскользь и притомъ лишь на столько, на сколько оно вліяло на политическія силы Византіи и Сербіи; но эта историко-политическая сторона, по замѣчанію професора Зигеля, была только необходимымъ *вступленіемъ* къ изученію внутренняго состоянія сербскаго царства и такъ какъ нынѣ еще сохранившіеся источники того времени не изданы и критически не изучены, то г. Флоринскій и обратился къ поискамъ за новыми матеріалами въ важнѣйшихъ русскихъ и заграничныхъ хранилищахъ рукописей. Эти архивныя розысканія и послужили основаніемъ разбираемаго сочиненія, которое рецензентъ характеризуетъ словами автора какъ монографію объ источникахъ, относящуюся къ области филологической критики, необходимой спутницы критики собственно-исторической, и приводящую г. Флоринскаго къ тому выводу, что господствовавшій доселѣ взглядъ на объемъ и характеръ законодательной дѣятельности Душана требуетъ существенной поправки. Дѣятельность эта не ограничилась изданіемъ такъ называемаго Законника и грамотъ, какъ обыкновенно думаютъ; она выразилась въ явленіи еще болѣе важномъ: въ обнародованіи полнаго кодекса сербскихъ законовъ, въ которомъ собственно Душановъ Законникъ занималъ лишь одинъ небольшой отдѣлъ, и главную основу котораго составляли сборники византійскихъ законовъ — сокращенная Синтагма М. Властаря и Законъ царя Юстиніана». Такъ какъ два

послѣднихъ памятникъ еще не были обслѣдованы, то особенное вниманіе г. Флоринскаго обратилось на изученіе ихъ текстовъ и редакцій, критическое ихъ изданіе, подысканіе для нихъ греческихъ подлинниковъ и сличеніе съ послѣдними, опредѣленіе времени ихъ происхожденія, наконецъ уясненіе ихъ отношенія къ сербскому Законнику Душана. Относительно Законника г. Флоринскій ограничился сравнительно-критическимъ изученіемъ доступныхъ ему рукописей, классификаціей ихъ и рѣшеніемъ вопроса о редакціи памятникъ; наконецъ въ систематическомъ обзорѣніи грамотъ Душана выдѣлены всѣ законы и царскія повелѣнія, а также всѣ данныя для характеристики внутренняго состоянія Сербіи.

Къ сочиненію присоединены приложенія, заключающія въ себѣ доселѣ неизданные памятники; важнѣйшіе изъ нихъ: два Григоровичевыхъ списка Законника, Раковецкая рукопись, сокращенная Сянтагма М. Властаря (по 10 рукописямъ) и «Законъ царя Юстиніана» (по 6 рукописямъ).

Такимъ образомъ въ обширномъ трудѣ г. Флоринскаго заключаются двѣ стороны: въ немъ представлены многолѣтнія архивныя розысканія и критическія изданія весьма цѣнныхъ памятниковъ и представленъ совершенно новый взглядъ на законодательную дѣятельность Душана.

Тщательное, преисполненное эрудиціи критическое разсмотрѣніе труда г. Флоринскаго и сопоставленіе добытыхъ имъ данныхъ съ собственными изслѣдованіями приводятъ почтеннаго рецензента къ тому заключенію, что взглядъ г. Флоринскаго на законодательную дѣятельность Душана едва ли можетъ быть признанъ справедливымъ, хотя и въ немъ имѣется извѣстная доля истины. За то, что касается результатовъ многолѣтнихъ архивныхъ розысканій, описанія и критическаго изданія весьма важныхъ памятниковъ, опредѣленія ихъ состава и ихъ источниковъ, то эта и при томъ неизмѣримо болѣе важная сторона труда, по мнѣнію проф. Зигеля, остается внѣ всякихъ критическихъ замѣчаній, такъ какъ она выполнена безукоризненно.

Вслѣдствіе этого рецензентъ считаетъ сочиненіе г. Флоринскаго вполне достойнымъ преміи; такія работы, какъ работа почтеннаго кіевскаго професора появляются чрезвычайно рѣдко, сопряжены съ громадными затратами не только времени и труда, но даже денежныхъ средствъ и нуждаются въ поддержкѣ и поощреніи. Сочиненіе г. Флоринскаго, въ полномъ смыслѣ самостоятельное, существенно обогащаетъ науку, внося въ нее новые факты и наблюденія.

2) *Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія. Адмиралъ Шишковъ и Канцлеръ Румянцевъ.* Соч. пр. А. А. Кочубинскаго. Одесса. 1887—8 in 8° X—324 СЛІ стр.

Присуждая этому сочиненію премію, Комисія главнымъ образомъ основалась на авторитетномъ отзывѣ о немъ Академика И. В. Ягича, замѣчанія котораго сводятся къ слѣдующему.

Поставивъ себѣ задачею — рассмотреть и критически оцѣнить первые годы зарождавшагося въ Россіи, въ началѣ текущаго столѣтія, «славяновѣдѣнія», проф. Кочубинскій озаглавилъ свой трудъ именами двухъ передовыхъ дѣятелей въ этой области, адмирала Шишкова и канцлера Румянцева.

Помимо разныхъ источниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ какъ за границею, такъ и въ Россіи, доставившихъ автору обильныя свѣдѣнія по избранному имъ вопросу, г. Кочубинскій внесъ въ свой трудъ и самъ нѣсколько новыхъ—впервые имъ изданныхъ матеріаловъ, а именно: переписку канцлера Румянцева съ Бантышъ-Каменскимъ и Малиновскимъ, переписку Кеппена съ Ганкою и отчетъ Греча о его грамматикахъ Кеппену.

Хотя новособранные источники не настолько важны, чтобы на основаніи ихъ однихъ можно было создать исторію начальныхъ годовъ Русскаго Славяновѣдѣнія, но они послужили лишь, такъ сказать, первымъ толчкомъ къ работѣ, навели автора на благодарную тему, до него еще никѣмъ на разработанную. Взавшись за нее, онъ воспользовался богатыми указаніями, разсѣянными по

различнымъ повременнымъ изданіямъ, не только русскимъ, но и чешскимъ, польскимъ, для критической оцѣнки идей, одушевлявшихъ нашихъ предковъ въ началѣ текущаго столѣтія по части славянской филологіи, исторіи и археологіи, и для изображенія людей, посвятившихъ себя служенію этимъ идеямъ. Обширная характеристика — она обнимаетъ 324 стр. убористой печати — вышла, по замѣчанію г. Ягича, очень удачною; она написана живо, увлекательно, съ глубоко вникающею наблюдательностью свѣдущаго въ своей наукѣ спеціалиста, съ мѣткимъ взглядомъ знатока. Авторъ развернулъ передъ нами картину очень рельефно сгруппированныхъ кружковъ людей благородныхъ, болѣе или менѣе даровитыхъ, энергичныхъ и настойчивыхъ, стремившихся хотябы и различными путями, къ одной общей цѣли, навѣянной въ Россіи и къ западнымъ славянамъ романтизмомъ тогдашняго времени — къ изслѣдованіямъ своей родной старины, къ разыскванію всѣхъ возможныхъ слѣдовъ ея, къ собиранію, описыванію и изданію памятниковъ русской и славянской древности.

Все то, что намъ рассказываетъ авторъ о дѣятельности адмирала Шишкова, канцлера Румянцева, ихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ въ Россіи, и поклонниковъ или почитателей за границею, представляетъ, правда, только блестящій эпизодъ въ обширной, еще ненаписанной исторіи славянской филологіи, но нельзя не раздѣлять его чувства, когда онъ съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о незабвенныхъ годахъ для исторіи русской научной мысли первой четверти текущаго столѣтія, когда, ссылаясь на слова И. И. Срезневскаго, величаетъ Румянцевскую эпоху счастливымъ временемъ русской науки. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взять въ руки какое либо изъ классическихъ изданій, пущенныхъ въ свѣтъ щедрою рукою канцлера Румянцева, чтобы проникнуться почти тельнымъ уваженіемъ къ этому русскому меценату; стоитъ сравнить всѣ приемы этихъ изданій съ появлявшимися въ свѣтъ потомъ, въ теченіе второй и третьей четверти текущаго столѣтія, чтобы еще сильнѣе въ памяти нашей проснулось сознаніе долга признательности. Даже мысли и воззрѣнія, высказываемыя въ трудахъ

первыхъ русскихъ филологовъ, археологовъ и библиографовъ, несмотря на неполноту ихъ свѣдѣній, отличались симпатичнымъ престодушiемъ, спокойною объективностью. Понятное дѣло — всѣхъ ихъ одушевляла одинаковая любовь къ избранному предмету, ихъ прельщало великолѣпіе задачи, восторгала новизна открытiй; нѣтъ еще разочарованiй, не видно предвзятыхъ мыслей, неслышно взаимныхъ нареканiй. Въ скромное «славяновѣдѣніе» того времени не вторгся еще духъ высокомерiя и самолюбiя, не дѣлалось различiя между братьями старшими и младшими, большими и меньшими, не осуждались цѣлыя племена изъ за исторически сложившихся фактовъ, не было повода поднимать жалобы на неблагодарность и т. д. Однимъ словомъ, общая цѣль всѣхъ стремленiй стояла высоко, какъ недостижимый идеалъ, котораго не заслоняли и не затмѣвали неприглядныя стороны реальной дѣйствительности.

Вотъ какую эпоху въ исторiи умственного движенiя Россiи выбралъ себѣ г. Кочубинскiй для критической разработки въ своемъ сочиненiи. Хорошія стороны предмета нашли отзывчиваго цѣнителя, благородство стремленiй сообщилося перу его и онъ не поспешилъ похвальными отзывами объ истинныхъ заслугахъ, хотя въ то же время не умолчалъ и о слабыхъ сторонахъ времени и людей. Какъ и можно было ожидать, авторъ не довольствовался удобною ролью хвалителя «temporis acti», не ограничился пересказомъ того, что находилъ въ своихъ источникахъ; напротивъ, вездѣ слышенъ также голосъ современнаго критика, подвергающаго мнѣнію дѣдовъ и прадѣдовъ суду внуковъ, обогатившихся опытами, измѣнившихъ кой въ чемъ прежніе взгляды. Такимъ образомъ изложеніе предмета приняло характеръ субъективныхъ соображенiй, на первый планъ выступило личное мнѣніе автора; читая книгу проф. Кочубинскаго, знакомишься на столько же съ дѣятельностью Шишкова, Румянцева и ихъ сообщниковъ, на сколько и со взглядами современнаго славяновѣда на значеніе той эпохи. «Выставляю это, говоритъ г. Ягичъ, не въ упрекъ автору; напротивъ, охотно сознаюсь, что

отъ сочиненія подобнаго рода, написаннаго въ этомъ духѣ, ожидаю значительной пользы. Оно читается съ большимъ интересомъ и если что въ состояніи расшевелить дремлющія сочувствія къ этой отрасли изслѣдованій въ Россіи, то скорѣе всего можно ожидать полезнаго дѣйствія отъ такихъ бойко написанныхъ очерковъ». Обращаясь къ вопросу о томъ, на сколько эта характеристика времени и людей можетъ рассчитывать на общее согласіе и въ состояніи ли и мы усвоить себѣ взгляды автора, рецензентъ заявляетъ, что онъ занимался, параллельно съ профессоромъ Кочубинскимъ, тѣмъ же вопросомъ, только съ другого конца. Пока проф. Кочубинскій собиралъ матеріалы для уясненія зарождавшейся славянской науки въ Россіи, г. Ягичъ вносилъ немало подобныхъ же матеріаловъ въ изданія нашей Академіи, для освѣщенія просыпавшагося въ то же время славизма у западныхъ и южныхъ славянъ. Первымъ томомъ источниковъ г. Ягича авторъ могъ уже воспользоваться для своихъ критическихъ очерковъ, что онъ и сдѣлалъ вполне добросовѣстно. Почти на каждой страницѣ «Начальныхъ годовъ русскаго славяновѣдѣнія» видно, что какъ это, такъ и прочія изданія нашей Академіи (переписка Востокова, Евгенія, Исторія російской Академіи) оказали автору существенную помощь. Но г. Ягичъ еще съ большимъ удовольствіемъ констатируетъ фактъ, что между нимъ и авторомъ существеннаго разногласія въ оцѣнкѣ эпохи и главныхъ дѣятелей ея не оказывается. По мнѣнію рецензента, у проф. Кочубинскаго обрисовка дѣятельности адмирала Шишкова, рассказъ о громадныхъ заслугахъ канцлера Румянцова, характеристика Кеппена, Востокова, Калайдовича съ одной, Добровскаго, Копитара, Ганки съ другой стороны — все это написано прекрасно, убѣдительно и въ концѣ концовъ — справедливо. Только взрѣдка приходилось рецензенту останавливаться на томъ или другомъ соображеніи, которое поражало его неожиданностью и казалось неосновательнымъ. Указывая на нѣсколько такихъ мѣстъ, г. Ягичъ замѣчаетъ, что авторъ отнесся нѣсколько пристрастно къ адмиралу Шишкову въ первой части своего сочиненія. Слѣ-

довало ли столь рѣзко подсмѣиваться и издѣваться надъ этимологическими заблужденіями его, когда знаемъ, что это былъ общій недугъ того времени? Не унаслѣдовалъ ли онъ эту страсть отъ временъ императрицы Екатерины? Да и сама задача, нѣсколько узко понятая, о составленіи русскаго словаря, не была ли намѣчена російской академіи уже издавна? Положимъ, онъ усердствовалъ въ этомъ дѣлѣ не по разуму, но все-таки едва ли справедливъ упрекъ, сдѣланный ему (на стр. 14), что онъ-де «поглотилъ своею безбрежною этимологическою дѣятельностью всю академію, принявъ въ себя всѣ ея раннія увлеченія, безъ возраженія повелъ ее за собой, а съ собою увлекъ и въ могилу». Шишковъ считалъ главнымъ завѣщаніемъ для російской академіи — составленіе словаря. Стало быть съ формальной точки зрѣнія онъ былъ правъ; бѣда только въ томъ, что именно какъ филологъ и этимологъ онъ отличался замѣчательною бездарностью. Но гдѣ же тѣ сочлены, которые видя бесплодность затѣй Шишкова могли воспротивиться? Не относится ли упрекъ, сдѣланный Шишкову, въ равной мѣрѣ и къ нимъ? Въ оправданіе Шишкова нужно кромѣ того замѣтить, что онъ не помѣшалъ поступленію въ академію людямъ гораздо даровитѣе его, какъ напр. Востокову и Евгенію. Не говоритъ ли также въ его пользу сочувственное отношеніе его къ ходатайствамъ Кеппена, о которыхъ и самъ авторъ отзывается, во второй части своего сочиненія, съ полнымъ одобреніемъ? Въ одномъ, конечно, теперь уже никто не сомнѣвается: Шишковъ, какъ славянорусскій филологъ, зналъ очень мало, воображалъ же себѣ очень много.

Самая главная часть сочиненія проф. Кочубинскаго посвящена возвеличенію заслугъ канцлера Румянцева. Отдавая полную справедливость восторженнымъ отзывамъ автора, рецензентъ замѣчаетъ, что не видитъ причины выставять кружокъ Румянцева какъ прямую противоположность и противовѣсъ «бреднямъ» Шишкова. Конечно, научное направленіе главныхъ дѣятелей, сгруппировавшихся около Румянцева, не соответствовало идеаламъ Шишкова, но никакой вражды, никакого

противорѣчія тутъ не было; они расходились, но не стояли другъ другу поперекъ дороги. Это были два различныхъ направленія, одно историческое (московское, по мнѣнію автора), другое сравнительное (петербургское), которыя не исключали другъ друга, а при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы взаимно пополняться. Мы видимъ дѣйствительно, что такъ называемый Румянцовскій кружокъ относился не менѣе почтительно къ Добровскому, чѣмъ Шишковъ и російская академія, что съ обѣихъ сторонъ одинаковымъ образомъ выражалось сочувствіе и оказывалась поддержка Вуку Караджичу. Не состоялъ ли Востоковъ такъ сказать на службѣ у Румянцова, а въ то же время былъ же членомъ и російской академіи? а Калайдовичъ трудился надъ Іоанномъ эксархомъ подъ покровительствомъ и на средства канцлера и все таки, окончивъ свой трудъ, поднесъ его Шишкову и дорожилъ отзывомъ академіи, въ чемъ мы не видимъ ничего неяснаго или непонятнаго (стр. 131). Поэтому считаемъ непозволительною утрировкой говорить про Петербургъ, что онъ былъ штабъ-квартирой Шишковской этимологіи (стр. 38), когда всѣмъ извѣстно, что тотъ же Петербургъ далъ кружку Румянцова — Оленина, Ермолаева, Востокова и Кеппена.

Излагая кипучую дѣятельность Румянцовскаго кружка авторъ затронулъ много любопытныхъ вопросовъ, вывелъ много замѣчательныхъ людей. О всѣхъ ихъ нельзя было подробно распространяться, но эскизы набросаны умѣлою рукою. Особенно удалась автору характеристика Калайдовича. Полное теплаго сочувствія отношеніе къ этому судьбою не избалованному труженнику составляетъ нѣсколько лучшихъ страницъ въ сочиненіи проф. Кочубинскаго.

У автора есть свои любимцы, въ числѣ ихъ—Евгеній и Востоковъ. Оба конечно вполне заслуживаютъ живѣйшей признательности, но надо остерегаться излишествъ панегирика. Роль Евгенія нѣсколько преувеличена, къ заблужденіямъ его авторъ непомѣрно снисходителенъ въ сравненіи съ рѣзкостью, обрушив-

шеюся на голову бѣднаго Шишкова. Въ характеристикѣ Востокова тоже слишкомъ громко звучитъ хвалебная струнка. Авторъ приписываетъ «своеобразно сложившимся обстоятельствамъ», что Востоковъ не сталъ русскимъ Гриммомъ и не положилъ основъ исторіи славянскихъ языковъ (стр. 178); но едва ли въ этихъ несбывшихся надеждахъ, которыхъ впрочемъ современники Востокова и не высказывали, виноваты только «своеобразно сложившіяся обстоятельства». По словамъ проф. Кочубинскаго выходитъ чуть ли не личнымъ оскорбленіемъ для Востокова, что и онъ долженъ былъ принять нѣкоторое участіе въ изданіи русскаго перевода грамматики Добровскаго. Такой взглядъ на «анахроническія» Institutiones Добровскаго рецензентъ признаетъ положительно невѣрнымъ. Не отрицая крупныхъ ошибокъ грамматики, г. Ягичъ замѣчаетъ, что онѣ касаются только двухъ частей ея, науки о звукахъ и формахъ, во всемъ же прочемъ грамматика Добровскаго не только не представляла ничего «анахроническаго» или отсталого, а напротивъ стройностью и полнотою, грамматическимъ глубокомысліемъ превышала чуть ли не всѣ подобнаго рода сочиненія въ европейской грамматической литературѣ. Поэтому можно конечно жалѣть, что переводъ грамматики явился въ непереработанномъ видѣ, въ чемъ много виновата торопливость Погодина — но никакъ нельзя и не должно переводъ этотъ дѣлать ответственнымъ за неоявленіе грамматики Востокова. Слова автора, что эта книга (переводъ церковнослав. грамматики Добровскаго) «на цѣлыя десятилѣтія, почти до самой смерти Востокова, затормозила въ русской школѣ благое дѣйствіе благихъ научныхъ мыслей великаго нашего учителя о славянскомъ и отечественномъ языкахъ» — переполнены исторической несправедливости; они плохо маскируютъ одинъ чувствительный пробѣлъ въ дѣятельности Востокова. Если бы Востоковъ, какъ авторъ продолжаетъ (стр. 187), — давно приготовлялъ «историческую, т. е. научную грамматику церковно-славянскаго языка, какъ понимаетъ ее современное славяновѣдѣніе», цѣлыя дѣсятилѣтія, послѣ состоявшагося вто-

ропяхъ изданія Погодинова перевода, оставалось въ его распоряженіи, а Академія Наукъ, въ которой Востоковъ продолжалъ быть членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности послѣ прекращенія російской академіи, не отказалась бы напечатать и его грамматику, такъ какъ она охотно напечатала его словарь.

И на счетъ учебниковъ русскаго языка, написанныхъ Востоковымъ по порученію, у рецензента сложился совсѣмъ другой взглядъ, чѣмъ тотъ, который авторъ высказываетъ объ этомъ дѣлѣ (на стр. 196—7). Востоковъ конечно долженъ былъ принести жертву труда и времени для составленія учебниковъ, но жертва эта была не напрасно сдѣлана; а чтобы онъ пожертвовалъ также своимъ авторитетомъ, взявшись за это дѣло, эта мысль уже не выдерживаетъ критики.

Въ связи съ темою своего сочиненія, проф. Кочубинскій встрѣтился съ вопросомъ объ учрежденіи при университетахъ особыхъ кафедръ по славяновѣдѣнію и о «призваніи славянъ» для занятія этихъ кафедръ. И этому эпизоду, нелишнему большаго интереса, посвящена отдѣльная глава, обнимающая чуть ли не треть всего сочиненія. Въ этой любопытной главѣ читатель найдетъ много новаго. Авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія отчасти изъ переписки между Кеппеномъ и Ганкою, имъ же впервые изданной, отчасти изъ писемъ и отзывовъ самихъ чеховъ между собою. Матеріалы послѣдняго рода, хотя и напечатаны въ доступныхъ чешскихъ изданіяхъ или журналахъ, въ Россіи мало извѣстны, они и по языку доступны лишь специалистамъ-славистамъ. Поэтому русская литература поставитъ проф. Кочубинскому въ заслугу, что онъ пересадила отрывки этого матеріала, много толкующаго о Россіи, на почву русскую и на основаніи его изобразилъ мысли и желанія цѣлаго кружка людей, мечтавшихъ одно время о перенесеніи своей дѣятельности въ Россію.

Изложеніе этой главы можно назвать мастерскимъ. «Читая ее, говоритъ рецензентъ, я слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ разсказа, отдавалъ полную справедливость

искусству автора, сумѣвшаго извинить слабости людскія, принять въ расчетъ неподготовленность замысловъ, и въ то же время не пощадить тѣхъ, кто достоинъ порицанія передъ судомъ исторіи. Очень мѣтко охарактеризованъ симпатичный старикъ, геніальный Добровскій, по заслугамъ восхвалена свѣтлая личность Шафарика, удачно Ганка прозванъ юркимъ, въ поступкахъ Копитара вѣрно различено чрезвычайное остроуміе отъ злословія и другихъ дурныхъ качествъ этого не очень симпатичнаго характера. Только вліяніе этого «слависта-мефистофеля» на серба Вука Караджича, по моему, изображено невѣрно. Я удивляюсь, что и проф. Кочубинскій повторяетъ прежнія сказки о сознательномъ желаніи Копитара разъединить черезъ Вука сербовъ отъ русскихъ (стр. 18. 231), о литературномъ расколѣ, имъ вызванномъ, о его австрійской пропагандѣ (258) среди сербовъ. Я считаю лишнимъ доказывать, что все это не такъ; повторю только сказанное мною уже давно. Вукъ сдѣлалъ по отношенію къ націонализациі сербскаго языка то, что Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ въ области языка русскаго. Неудовольствіе автора могло, пожалуй, накинуться на Вукову ореографію; реформа Вука дѣйствительно мыслима и безъ введенія принципа фонетическаго въ ореографію. Послѣднее было вправду дѣломъ Копитара, но и это объясняется безъ коварныхъ плановъ разъединенія, безъ австрійской пропаганды, гораздо проще индивидуальнымъ характеромъ Копитара. Несмотря на замѣчательную эрудицію, Копитаръ былъ, какъ человекъ, очень недалководивенъ, съ мелочными провинціальными взглядами, безъ малѣйшаго политическаго чутья. Вышедшій изъ маленькой среды, раздѣлявшій мелкое самолюбіе сильно развитое въ славянскихъ племенахъ, не имѣвшій случая близко сойтись съ жизнью большихъ славянскихъ народовъ, русскаго или польскаго, онъ наивно увлекался примѣромъ древне-греческой литературы, процвѣтавшей безъ единства литературнаго языка и полагаалъ, что такіе же идеалы литературной разрозненности осуществимы также и среди славянъ! Для литературной и культурной кристаллизациі

славянскихъ племень у него не было ни малѣйшаго смысла. Въ этомъ заключалось его роковое заблужденіе, это былъ его грѣхъ, но и только. Пора бы перестать приписывать ему коварные планы тамъ, гдѣ дѣйствовали лишь наивныя убѣжденія самолюбиваго провинціала. Какъ извѣстно, смѣшныя протесты его противъ иллиризма не помѣшали объединенію сербовъ и хорватовъ, потому что условія, благопріятствовавшія объединенію, коренились глубоко въ жизни народа. Такъ и сербскій языкъ вошелъ бы въ свои естественныя права и помимо Копитара или Вука: вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ до появленія Вука; но Вуку обязана сербская письменность удивительно простою графикою, пригодность которой признается всѣми безпристрастными русскими учеными. Замѣчательно, что русскимъ Румянцовскихъ временъ орографическая реформа Вука не помѣшала отнестись къ молодому и даровитому сербу съ теплымъ сочувствіемъ.

Въ заключеніе своего въ высшей степени интереснаго отзыва г. Ягичъ говоритъ, что онъ считаетъ трудъ проф. Кочубинскаго первымъ шагомъ, сдѣланнымъ для критической исторіи славяновѣдѣнія въ Россіи и цѣннымъ вкладомъ въ очень небогатую по славяновѣдѣнію литературу, и потому признаетъ его достойнымъ одной изъ наградъ, имѣющихся въ распоряженіи Академіи.

3) *Покореніе Финляндіи. Опытъ историческаго описанія.* Сочиненіе Гофмейстера Двора Е. И. В. Кесаря Филип. Ордина (*рукопись*).

Членъ Академіи Н. Ѳ. Дубровинъ, на котораго было возложено Комисією разсмотрѣніе объемистой рукописи этого сочиненія, представилъ подробный разборъ, давшій возможность Комисіи увѣнчать сочиненіе г. Ордина премією Макарія.

Хотя для исторіи покоренія Финляндіи мы имѣемъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго и гр. Сухтелена, но они по преимуществу носятъ на себѣ *военный* характеръ, касаясь лишь послѣдней войны въ царствованіе императора Александра I и, при томъ они изданы за полъ-вѣка предъ симъ, когда близость

времени препятствовала объективной оцѣнкѣ лицъ и событій; что касается мелкихъ статей, находимыхъ въ русской журналистикѣ, то и онѣ, главнымъ образомъ, касаются описанія военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, и содержатъ въ себѣ весьма мало для разъясненія вопросовъ политическихъ и внутренней жизни.

Такимъ образомъ г. Ординъ является *первымъ русскимъ* изслѣдователемъ въ этой области, тѣмъ болѣе счастливымъ, что обладаетъ знаніемъ шведскаго языка, необходимаго при изслѣдованіи такого вопроса, какъ присоединеніе Финляндіи. Получивъ разрѣшеніе пользоваться архивными документами, авторъ не оставилъ безъ вниманія печатной литературы и изслѣдованій своихъ предшественниковъ, а это, конечно, придаетъ особое значеніе его изслѣдованію.

Трудъ г. Ордина распадается на три части — въ первой излагаются отношенія Россіи къ Финляндіи съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Императора Александра I; во второй описывается Шведская война до Фридрихсгамскаго мира и, наконецъ, въ третьей рѣчь идетъ о созваніи Финляндскаго сейма, о внутреннемъ устройствѣ Финляндіи и о мирныхъ переговорахъ въ Фридрихсгамѣ.

Разбирая вопросы политическіе и внутренней жизни г. Ординъ, по замѣчанію рецензента, даетъ въ своемъ изслѣдованіи столь много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ, по истинѣ, является выдающимся приобрѣтеніемъ для русской исторической науки; при этомъ самое обиліе архивнаго, никому неизвѣстнаго матеріала побудило автора снабдить свое изслѣдованіе большимъ числомъ драгоценныхъ приложений (въ видѣ наиболѣе важныхъ документовъ изъ шведскихъ источниковъ въ переводѣ на русскій языкъ). Касаясь частныхъ сочиненія, рецензентъ признаетъ, что г. Ординъ, подавленный богатствомъ архивнаго матеріала, не избѣгъ повтореній, которыя, несомнѣнно, будутъ имъ самимъ замѣчены при печатаніи его изслѣдованія. Другой недостатокъ, замѣченный ген. Дубровинымъ, это тотъ, что

указавъ вообще на источники, которыми онъ пользовался, авторъ пишетъ цѣлыя главы безъ всякихъ ссылокъ, а это лишаетъ читателя возможности повѣрять цитаты. Эти немногіе недостатки выкупаются существенными достоинствами: нѣтъ историческаго событія, для котораго авторъ не представилъ бы новыхъ фактовъ, не привелъ бы новыхъ документовъ. Самою важною и интереснѣйшею частью труда рецензентъ признаетъ описаніе внутренняго устройства Финляндіи по ея присоединеніи, созваніе Боргосскаго сейма и заключеніе Фридрихсгамскаго мира — здѣсь все ново и основано на документахъ, до сихъ поръ неизданныхъ. Въ заключеніе своей рецензіи ген. Дубровинъ пишетъ: «присоединяя къ достоинствамъ труда спокойное и безпривстрасное отношеніе автора къ излагаемымъ событіямъ, я считаю своею обязанностью просить Академію удостоить сочиненіе г. Ордина большой Макарьевской преміи».

По присужденіи всѣхъ премій, Комисія положила выразить глубочайшую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, а именно директору Харьковскаго Технологическаго Института Викт. Львов. Кирпичеву, профессору Варшавскаго университета Оед. Оед. Зигелю, начальнику Николаевской Военной Инженерной Академіи Свиты Его Императорскаго Величества, генераль-маіору Ник. Карл. Шильдеру, профессору Военно-Медицинской Академіи Алекс. Ив. Таренецкому, профессорамъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генераль-маіорамъ: Ник. Яков. Цингеру и Алексѣю Казим. Пузыревскому, профессору С.-Петербургскаго университета Оад. Франц. Зелинскому.

I.

О СОЧИНЕНИИ ПРОФЕСОРА Н. П. НЕТРОВА: ТРЕНИЕ ВЪ МАШИНАХЪ И ВЛІЯНІЕ НА НЕГО СМАЗЫВАЮЩЕЙ ЖИДКОСТИ. ОПИСАНІЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТОВЪ. СПБ. 1886 года.

Рецензія професора В. Л. Кирпичева.

Трение, составляющее предметъ разсматриваемаго сочиненія, есть одно изъ самыхъ сложныхъ физическихъ явленій. Многіе даже считаютъ, что оно вовсе не поддается точному изслѣдованію и не подчиняется опредѣленнымъ законамъ, и разсматриваютъ трение какъ чисто случайный элементъ, неизбѣжно сопровождающій другія физическія явленія. Поэтому при изученіи другихъ явленій стараются устранить трение, и только при этомъ условіи надѣются достигнуть достаточной точности. Большинство математическихъ теорій при своихъ выводахъ вовсе не принимаетъ во вниманіе трение, которое такимъ образомъ долгое время представлялось какъ бы необходимымъ отличіемъ всякаго дѣйствительнаго явленія отъ возможныхъ теоретическихъ представлений. Однако такимъ исключеніемъ тренія изъ разсмотрѣнія рѣдко можно удовлетвориться и важная роль тренія въ вопросахъ, относящихся къ области Прикладной Механики побудила ученыхъ заняться наконецъ изученіемъ и этого сложнаго явленія, съ цѣлью открыть его законы. Всѣмъ извѣстны знаменитыя

изслѣдованія по этому вопросу, произведенныя Кулономъ а потомъ Мореномъ; ими установлены законы тренія и найдены величины коэффициентовъ тренія, встрѣчающіеся въ настоящее время во всѣхъ учебникахъ и справочныхъ книгахъ по Механикѣ. Эти изслѣдованія представляютъ весьма замѣчательный шагъ по пути научнаго изученія тренія, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать исчерпывающими вопросъ и обнимающими всѣ случаи тренія. Напротивъ того, уже давно техники-практики убѣдились, что ни законы Кулонъ-Морена, ни полученныя ими величины коэффициентовъ тренія не имѣютъ мѣста въ одномъ очень важномъ случаѣ, а именно въ случаѣ тренія вращающихся осей, при хорошей, обильной смазкѣ, примѣняемой въ настоящее время для желѣзнодорожныхъ вагоновъ, фабричныхъ приводныхъ валовъ и т. п. Это было доказано съ полною ясностью Гирномъ, который, со свойственнымъ ему умѣніемъ находить слабыя стороны установившихся теорій и указывать противорѣчащія имъ опыты, совершенно распаталъ прежнее зданіе теоріи вредныхъ сопротивленій въ машинахъ. Всѣ дальнѣйшія, произведенныя за тѣмъ изслѣдованія (Кирхвегера, Бокельберга, Терстона и др.) вполне подтвердили непримѣнимость теоріи Кулонъ-Морена къ случаю хорошо смазанныхъ осей. Опыты эти показываютъ, что руководствуясь означенною теоріей и величинами коэффициентовъ тренія, данными Мореномъ, можно иногда получить величину тренія въ 200 разъ большую истинной. Такимъ образомъ необходимо придти къ заключенію, что законы Кулонъ-Морена, справедливые при условіяхъ имѣвшихся въ опытахъ этихъ ученыхъ, не могутъ быть примѣняемы при тѣхъ условіяхъ смазки и движенія, какія имѣютъ мѣсто въ настоящее время для осей желѣзнодорожныхъ вагоновъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Мы, вѣроятно, весьма мало удалимся отъ истины если скажемъ, что этимъ отрицательнымъ результатомъ почти исчерпывается все доставленное наукѣ означенными новыми изслѣдованіями. Разрушивъ прежнюю теорію, экспериментаторы не построили новой, не открыли общихъ законовъ тренія, и огра-

ничились лишь находженіемъ частныхъ рѣшеній для спеціальныхъ случаевъ. Опыты съ ясностью показали, что треніе есть болѣе сложное явленіе, чѣмъ это прежде полагали, но факторы, отъ которыхъ зависитъ эта сложность, остались не вполне выясненными. И для практики эти опыты не доставили особенно выдающихся результатовъ; вслѣдствіе сложности и неразъясненности обстоятельствъ, вліяющихъ на величину тренія, нельзя было видѣть, какимъ образомъ полученные на опытахъ данныя могли быть примѣняемы къ дѣйствительнымъ, практическимъ случаямъ. Достаточно указать, что даже не была опредѣлена съ достовѣрностью величина коэффициента тренія вагонныхъ осей, при обыкновенныхъ условіяхъ движенія поѣздовъ, и разные изслѣдователи давали для этого коэффициента величины сильно между собою различавшіяся.

Професору Петрову принадлежитъ честь перваго освѣщенія этой области науки, находившейся до него въ хаотическомъ состояніи. Онъ обратилъ вниманіе, подобно другимъ изслѣдователямъ, на то обстоятельство, что при хорошей смазкѣ между трущимися тѣлами постоянно находится слой жидкаго масла, раздѣляющій трущіяся твердыя тѣла, которыя слѣдовательно не прикасаются непосредственно одно къ другому, такъ что здѣсь мы имѣемъ случай тренія жидкости. На этомъ основаніи онъ построилъ гидродинамическую теорію тренія хорошо смазанныхъ тѣлъ, которая изложена въ его сочиненіи о треніи, напечатанномъ въ 1883 г. и удостоенномъ Ломоносовской преміи. Теорія эта поставила вопросъ о треніи осей на совершенно новую почву и связала его съ другими вопросами физики, и главнымъ образомъ съ вопросомъ о внутреннемъ и внѣшнемъ треніи жидкостей. Такимъ образомъ удалось сложный вопросъ свести на болѣе простые; притомъ въ большинствѣ случаевъ внѣшнее треніе жидкости оказываетъ здѣсь лишь слабое вліяніе; имъ можно пренебречь и остается лишь внутреннее треніе жидкостей, сравнительно легко опредѣляемое. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія эта дала указанія на то, въ чемъ должно состоять испытаніе смазочныхъ матеріаловъ

при опредѣленіи сравнительныхъ достоинствъ ихъ и примѣнимо-сти въ машинахъ.

Своей гидродинамической теоріей тренія профессоръ Петровъ указалъ совершенно новый путь, по которому должно идти теоретическое и опытное изученіе вопроса о треніи, путь, общавшій вполнѣ разъяснить темныя стороны явленія, затруднявшія предъидущихъ изслѣдователей. Такое указаніе новаго и плодотворнаго метода изслѣдованія представляетъ главную заслугу этого труда, въ заключеніи котораго авторъ, перечисляя найденныя имъ положенія, касающіяся законовъ тренія, признаетъ эти положенія вѣроятными, но не безспорными. Онъ говоритъ, что ихъ можно сдѣлать несомнѣнными «только путемъ опытовъ, способныхъ доставить матеріалъ, годный для провѣрки болѣе строгой, чѣмъ до сихъ поръ было сдѣлано». Нельзя было не согласиться тогда съ высказаннымъ имъ тамъ же мнѣніемъ, что для техники совершенно необходимы новыя опыты надъ треніемъ, такъ какъ слѣдуетъ наконецъ прекратить блужданіе въ потьмахъ по такому важному вопросу. Всѣ сдѣланные до послѣдняго времени опыты мало могли служить для провѣрки гидродинамической теоріи тренія, такъ какъ при производствѣ ихъ не имѣлось въ виду этой многообъщающей теоріи, а потому или не соблюдались извѣстныя условія, или не были наблюдаемы нѣкоторыя данныя, которыя должны быть извѣстны для того, чтобы примѣненіе теоріи было возможно. Разбирая лучшіе изъ прежнихъ опытовъ профессоръ Петровъ могъ показать, что они не противорѣчатъ его теоріи, но отъ этого до полнаго подтвержденія ея еще далеко, и производство новыхъ опытовъ было необходимо. Организация этихъ опытовъ была указана профессоромъ Петровымъ еще въ 1883 году, и подлежащая теперь нашему разбору книга его, вышедшая въ 1886 году, содержитъ въ себѣ результаты обширныхъ опытовъ, произведенныхъ имъ согласно съ намѣченнымъ въ 1883 году планомъ.

Это новое сочиненіе Н. П. Петрова составляетъ поэтому продолженіе и необходимое дополненіе первой его книги, въ ко-

торой вопросъ разбирался теоретически, тогда какъ здѣсь представлена экспериментальная разработка его. Изслѣдованіе велось авторомъ такимъ образомъ, чтобы кромѣ изученія общихъ законовъ тренія получить также свѣденія о величинѣ тренія въ машинахъ при употребленіи различныхъ смазочныхъ матеріаловъ. Надлежало особенно подробно изучить минеральныя смазочныя масла, которыя добываются изъ нефтяныхъ остатковъ. Эти сравнительно новые смазочные матеріалы, имѣющіеся въ многочисленныхъ водоизмѣненіяхъ, значительно дешевле растительныхъ маслъ, и представляютъ особый интересъ для русской техники, такъ какъ кавказская нефть даетъ большое количество нефтяныхъ остатковъ, а самое выгодное примѣненіе ихъ есть приготовленіе изъ нихъ смазочныхъ маслъ, и производство это уже приняло въ Россіи довольно значительные размѣры. Но несмотря на то, что минеральная смазка употребляется многими желѣзными дорогами, всетаки не имѣлось данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ увѣренностью сравнивать треніе при употребленіи этого матеріала съ треніемъ при растительной смазкѣ, а потому и нельзя было сказать выгодно ли употребленіе минеральныхъ маслъ.

Такъ какъ на основаніи гидродинамической теоріи тренія осей сила эта опредѣляется внутреннимъ и внѣшнимъ треніемъ смазывающей жидкости, то прежде всего необходимо было произвести рядъ опытовъ съ цѣлью опредѣленія величинъ этихъ сопротивленій для употребительныхъ смазочныхъ жидкостей. Имѣя эти величины и пользуясь формулами гидродинамической теоріи, можно уже дѣлать извѣстныя предсказанія относительно той величины тренія, которая получится на осяхъ машинъ при употребленіи той или другой смазки. Затѣмъ нужно на опытѣ провѣрить эти предсказанія, и если они будутъ всегда оправдываться, то это должно считаться доказательствомъ справедливости принятой теоріи. Поэтому все экспериментальное изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса распадается естественно на два отдѣла, и требуются два совершенно различныхъ рода опы-

товъ: первая часть изслѣдованія есть чисто физическая — изученіе внутренняго и внѣшняго тренія жидкостей; вторая часть есть прикладная, и заключается въ изученіи тренія въ машинахъ. Профессоръ Петровъ исполнилъ эту двойную задачу и результаты его работъ изложены въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Гидравлическія сопротивленія смазочныхъ матеріаловъ, извѣстныя подъ названіемъ внутренняго и внѣшняго тренія, прежде почти вовсе не были изучаемы. Единственная заслуживающая вниманіе работа по этой части есть изслѣдованіе внутренняго тренія сурѣпнаго масла, произведенное О. Е. Мейеромъ; но въ опытахъ этихъ, предѣлы измѣненія температуръ, при которыхъ опредѣлялось треніе, были не достаточно широки; притомъ противъ этихъ опытовъ представляются извѣстныя возраженія, такъ что числа, полученныя Мейеромъ для тренія сурѣпнаго масла, не могли считаться несомнѣнными¹⁾. Можно сказать, что профессоръ Петровъ, начиная свое изслѣдованіе тренія смазочныхъ жидкостей, почти не имѣлъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ. Изъ числа разныхъ возможныхъ способовъ для опредѣленія внутренняго тренія жидкостей онъ выбралъ пріемъ Пуазейля, заключающійся въ наблюденіи времени истеченія жидкостей черезъ тонкія и длинныя трубки подъ извѣстнымъ давленіемъ. Тщательный критическій разборъ этого пріема указалъ автору какія предосторожности должны быть соблюдаемы при опытахъ и какой степени точности можно при этомъ достигнуть. Сообразно съ этими данными былъ устроенъ приборъ, на которомъ производились авторомъ опыты. Полученные имъ результаты отличаются особою правильностью и точностью. Въ этомъ можно убѣдиться разсматривая числа, полученныя г. Петровымъ для внутренняго тренія воды, и сравнивая ихъ съ числами, полученными Пуазейлемъ²⁾. Разница между тѣми и другими не превосхо-

¹⁾ Сомнѣніе это теперь оказывается имѣющимъ полное основаніе; опыты Н. П. Петрова дали для внутренняго тренія сурѣпнаго масла числа до 5 разъ большія противъ полученныхъ О. Е. Мейеромъ.

²⁾ Сравненіе это сдѣлано авторомъ на стр. 64 его сочиненія.

дять $+ 0,0046$ или $- 0,0089$ наблюдаемой величины, и всегда меньше ошибокъ отдѣльныхъ наблюденій встрѣчающихся у Пуазейля. Мы не затрудняемся поэтому помѣстить наблюденія г. Петрова, по степени точности ихъ, наряду съ опытами Пуазейля, пользующимися репутаціей весьма тщательныхъ физическихъ наблюденій.

Г. Петровъ опредѣлялъ внутреннее треніе при различныхъ температурахъ, трехъ маслъ органическаго происхожденія (сурьфинаго, оливковаго и спермацетоваго), и 12 различныхъ минеральныхъ маслъ. Сверхъ того онъ изслѣдовалъ нѣсколько смѣсей растительныхъ маслъ съ минеральными; подобныя смѣси употребляются для смазки машинъ, и изученіе ихъ представляло большой интересъ для техники. Отмѣтимъ полученный при этомъ любопытный результатъ: оказалось, что внутреннее треніе смѣси не можетъ быть опредѣляемо изъ внутреннихъ треній составныхъ частей, дѣлая вычисленіе по арифметическому правилу смѣшенія. — Небольшія примѣси жидкости съ малымъ треніемъ къ жидкости съ большимъ треніемъ доставляютъ смѣсь, у которой внутреннее треніе значительно меньше, чѣмъ у второй изъ этихъ жидкостей. Значеніе такого результата для практики ясно само собою. Въ связи съ нимъ находится имѣющій первостепенное значеніе для техники выводъ, сдѣланный авторомъ на основаніи этихъ опытовъ: ни плотность жидкости, ни температура вспышки или воспламененія ея, принимавшіяся до сихъ поръ техниками за самые характерные признаки минеральныхъ смазочныхъ маслъ, не могутъ доставить достаточныхъ указаній для сужденія о величинѣ внутренняго тренія этихъ жидкостей, опредѣляющаго ихъ смазывающую способность. Такимъ образомъ прежніе техническіе способы изслѣдованія и сравненія смазывающихъ жидкостей должны быть оставлены. Для сужденія же о величинахъ ихъ внутренняго тренія опыты г. Петрова даютъ богатый матеріалъ.

Затѣмъ авторъ произвелъ нѣсколько опытовъ для опредѣленія величины внѣшняго тренія смазывающихъ жидкостей. Сущ-

ность прибора остается при этомъ таже, какъ и при опредѣленіи внутренняго тренія, но необходимо произвести два опыта съ двумя трубками различныхъ діаметровъ. Самые опыты относятся къ числу наиболѣе деликатныхъ, такъ какъ здѣсь требуется особая точность наблюдений, рѣдко достигаемая даже при наиболѣе тщательныхъ опытахъ. Тѣмъ не менѣе г. Петрову удалось преодолѣть представлявшіяся затрудненія и онъ получилъ величины внѣшняго тренія для нѣсколькихъ смазочныхъ матеріаловъ, хотя при этомъ пришлось ограничиться извѣстнымъ приближеніемъ, и не оказалось возможнымъ достигнуть той же степени точности, съ какою авторомъ получены величины внутренняго тренія. Можно сказать, что эти опыты представляютъ первое и единственное заслуживающее довѣрія опредѣленіе внѣшняго тренія жидкостей, такъ какъ до настоящаго времени имѣлись лишь неудачныя попытки опредѣленія этого тренія. Между тѣмъ знаніе его величины въ высшей степени интересно, такъ какъ она встрѣчается во многихъ теоретическихъ выводахъ, относящихся къ движенію жидкостей. Большинство изслѣдователей, занимавшихся этими выводами считали, что внѣшнее треніе значительно превышаетъ внутреннее, а потому выводы упрощались посредствомъ отбрасыванія членовъ содержащихъ множителями отношеніе внутренняго тренія къ внѣшнему. Числа, полученные г. Петровымъ для тренія въ предѣлахъ отъ 11 до 60° Ц. подтверждаютъ справедливость упомянутаго воззрѣнія, и такимъ образомъ подкрѣпляютъ многіе выводы разныхъ авторовъ. Особенное значеніе имѣютъ эти числа для гидродинамической теоріи тренія г. Петрова; въ выведенномъ имъ выраженіи для тренія машинныхъ частей входитъ, въ знаменателѣ, сумма трехъ членовъ:

$$\varepsilon + \frac{\mu}{\lambda_1} + \frac{\mu}{\lambda_2},$$

гдѣ ε — есть толщина слоя смазывающей жидкости

μ — внутреннее треніе ея

λ_1 и λ_2 — внѣшнія тренія ея о цапфу и подшипникъ; поэтому

для сознательнаго примѣненія этой теоріи необходимо имѣть свѣденія не только о величинахъ внутренняго тренія, но и о внѣшнемъ треніи.

Имѣя изъ опыта эти величины, авторъ могъ приступить къ экспериментальной проверкѣ своей гидродинамической теоріи хорошо смазанныхъ осей. Какъ извѣстно на основаніи этой теоріи сила тренія цапфъ въ подшипникахъ выражается формулой:

$$F = \frac{\mu \cdot V \cdot Q}{\epsilon + \frac{\mu}{\lambda_1} + \frac{\mu}{\lambda_2}}, \dots \dots \dots (1)$$

гдѣ V — скорость окружности цапфы

Q — поверхность прикосновенія трущихся частей

ϵ , λ_1 , λ_2 , μ — имѣютъ вышеобъясненные значенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дроби $\frac{\mu}{\lambda_1}$ и $\frac{\mu}{\lambda_2}$ малы въ сравненіи съ ϵ , получается болѣе простая формула

$$F = \frac{\mu \cdot V \cdot Q}{\epsilon} \dots \dots \dots (2);$$

при этомъ авторъ считаетъ, что толщина ϵ обратно пропорціональна корню квадратному изъ давленія приходящагося на единицу площади прикосновенія трущихся тѣлъ. Формулы эти приводятъ къ заключеніямъ, отличающимся отъ общепринятыхъ понятій о треніи; эта сила оказывается зависящею отъ скорости и отъ поверхности прикосновенія трущихся тѣлъ; зависимость ея отъ давленія не выражается простой пропорціональностью. Входящая въ формулу величина внутренняго тренія жидкости μ есть функція температуры, а такъ какъ при треніи всегда происходитъ нѣкоторое нагрѣваніе, то становится ясною необходимость изученія теплородныхъ явленій, развивающихся при вращеніи цапфы въ подшипникѣ. Зависимость между всѣми этими величинами выражена професоромъ Петровымъ помощію особой формулы¹⁾ и для примѣненія ея предложено весьма простое гео-

¹⁾ Стр. 214 разбираемаго сочиненія.

метрическое построение, которое позволяет графически рѣшать многочисленные вопросы относительно тренія въ машинахъ при употребленіи разныхъ смазокъ, если извѣстны кривыя, представляющія собою зависимость внутренняго тренія этихъ смазокъ отъ температуры. Такъ какъ эти кривыя были получены авторомъ при его опытахъ, то онъ могъ постоянно пользоваться своимъ графическимъ приѣмомъ, который слѣдуетъ считать драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для техники. Помощію его становится вполне яснымъ и нагляднымъ измѣненіе величины тренія при разныхъ обстоятельствахъ, вліяніе внѣшней температуры, теплопроводности подшипника и т. п. на треніе осей. Сравненіе смазывающихъ способностей разныхъ маселъ, и предсказанія относительно того, какое должно быть въ данномъ случаѣ треніе, значительно облегчаются. Авторъ совершенно справедливо придаетъ этому графическому приѣму особое значеніе и постоянно пользуется имъ при изученіи и координированіи результатовъ своихъ опытовъ надъ треніемъ въ машинахъ. Самые опыты направлены такъ, чтобы всегда было удобно проверять правильность означеннаго приѣма, который такимъ образомъ становится основною нитью, объединяющею всѣ многочисленные результаты опытовъ. Объ обширности этихъ изслѣдованій могутъ дать понятіе слѣдующія данныя. Сначала опыты производились съ приборомъ фирмы Klein, Schanzlin und Becker, составляющимъ видоизмѣненіе прибора Тёрстена для измѣренія тренія; затѣмъ г. Петровъ, по выясненіи недостатковъ этого прибора, передѣлалъ его и на передѣланной машинѣ были изслѣдованы 12 разныхъ смазочныхъ маселъ. Жидкости эти были весьма разнообразныхъ качествъ; наибольшее внутреннее треніе представляло черное вагонное масло, наименьшее — олеонидъ Рагозина; первое изъ нихъ превосходило второе при 20° Ц. въ 35 разъ, а при 52° Ц. въ 18 разъ. Давленія на цапфу измѣнялись отъ 475 до 2854 килограммовъ, т. е. отъ 9 до 54 атмосферъ. Скорости поверхности цапфы мѣнялись отъ 300 до 2200 мм. въ секунду. Всѣхъ опытовъ было сдѣлано 192.

Недовольствуясь этимъ, авторъ произвелъ другой еще болѣе обширный рядъ опытовъ съ особой машиной, имъ самимъ конструированной, въ которой измѣряется треніе вагонной оси въ обыкновенныхъ вагонныхъ буксахъ, такъ что треніе происходитъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ. Этотъ рядъ опытовъ представляетъ наибольшій интересъ для техники. Масла, взятыя для опытовъ были по своимъ внутреннимъ треніямъ весьма разнообразны, и въ этомъ отношеніи можно сказать, что они обнимаютъ всѣ употребительныя смазывающія жидкости. Тутъ были масла: сурѣнное, спермацетовое, 8 продажныхъ минеральныхъ маселъ изъ Кавказской нефти, 7 смѣсей такихъ маселъ съ пиронафтомъ, смѣсь одного изъ густыхъ маселъ съ вазелиномъ, и нефтяные остатки. Различіе внутреннихъ треній было весьма большое: внутреннее треніе болѣе густой жидкости (смѣси съ вазелиномъ) превосходило внутреннее треніе болѣе жидкой (смѣси съ пиронафтомъ) при 20° Ц. въ 40 разъ, а при 55° Ц. въ 11 разъ. Пять разныхъ давленій, которымъ подвергался смазывающій слой заключались въ предѣлахъ 16,5 и 90 атм. Скорости поверхности цапфы мѣнялись отъ 236 до 925 мм. Внѣшнія температуры измѣнялись отъ — 11 до + 26° Ц. Смазываніе цапфы производилось какъ сверху такъ и снизу; были испробованы два употребительныхъ въ желѣзнодорожной практикѣ приема смазки снизу. Число всѣхъ опытовъ, произведенныхъ съ вагонною осью, доходить до 400, и во время производства ихъ ось сдѣлала болѣе 10,000,000 оборотовъ.

Г. Петровъ приводитъ въ концѣ своей книги подробныя таблицы результатовъ главнѣйшихъ опытовъ и такимъ образомъ даетъ возможность каждому изслѣдователю провѣрить заключенія, выводимыя авторомъ изъ полученныхъ на опытѣ чиселъ, или вывести другія заключенія, а также замѣтить особенности можетъ быть не подмѣченныя самимъ экспериментаторомъ. Однимъ словомъ авторъ предоставляетъ обширный собранный имъ матеріалъ въ распоряженіе всѣхъ желающихъ заняться разборомъ

его. Самъ авторъ весьма тщательно изучилъ всѣ полученные имъ результаты, и тонкимъ критическимъ разборомъ ему удалось извлечь изъ нихъ значительное число вполне опредѣленныхъ заключеній, представляющихъ первостепенный интересъ для науки и практики.

Самое деликатное данное во всемъ этомъ изслѣдованіи представляетъ толщина слоя смазывающаго матеріала (ϵ въ формулѣ (2) для тренія, или сумма $\epsilon_1 = \epsilon + \frac{\mu}{\lambda_1} + \frac{\mu}{\lambda_2}$ въ формулѣ (1)). Величина эта весьма мала и непосредственное измѣреніе ея не можетъ быть произведено, а приходится находить ее косвеннымъ путемъ изъ другихъ данныхъ. Здѣсь возбуждаются вопросы объ измѣняемости величины ϵ (или ϵ_1); спрашивается, одинакова ли она, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, для разныхъ маселъ? зависитъ ли она отъ скорости движенія и температуры, дѣйствительно ли она пропорціональна корню квадратному изъ давленія на единицу площади? Професоръ Петровъ многократно во время своего изслѣдованія возвращается къ этимъ вопросамъ, и старается также получить возможное рѣшеніе ихъ не только изъ своихъ собственныхъ наблюденій, но и изъ опытовъ другихъ ученыхъ, а именно: Гирна, Ламанскаго, Бьючэмпъ Тоуера и Вудбюри. Г. Петровъ нашелъ, что на величину ϵ оказываетъ существенное вліяніе измѣненіе температуры неодинаково расширяющихся подшипника и цапфы и происходящее при этомъ измѣненіе кривизны трущихся поверхностей. Вліяніе этого обстоятельства тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ больше уголъ, на которомъ цапфа охватывается подшипникомъ, такъ что если этотъ уголъ равенъ двумъ прямымъ, то быстрыя и значительныя повышенія и пониженія температуры цапфы сильно измѣняютъ величину ϵ . Отсюда выходитъ правило, что для правильности результатовъ опытовъ, означенный уголъ обхвата долженъ быть не великъ, что и соблюдалось авторомъ при его опытахъ съ вагонной осью, причемъ уголъ обхвата былъ всего 70° , слѣд. измѣняемость отъ температуры не должна была быть велика. Между тѣмъ во мно-

гихъ прежнихъ опытахъ на это вовсе не обращали вниманія, и результаты опытовъ поэтому должны сопровождаться большими неправильностями.

Другое обстоятельство, также существенно вліяющее на толщину слоя смазки, есть постоянное притираніе цапфы къ подшипнику. При вращеніи эти тѣла вытираютъ одно другое, причемъ видъ ихъ поверхности, а также и толщина слоя смазки, измѣняются а слѣд. и треніе также замѣтно перемѣняется. Если обстоятельства движенія долгое время остаются одни и тѣже, то наконецъ подшипникъ и цапфа другъ къ другу притираются, т. е. почти прекращается замѣтное измѣненіе ихъ поверхностей, и тогда величина тренія становится постоянною. Только тогда начинаютъ получаться болѣе правильные результаты. Авторъ постоянно слѣдитъ за этимъ притираніемъ, отбрасывая числа, получавшіяся сначала для тренія, пока происходило замѣтное истираніе, для чего иногда требовалось до 200000 оборотовъ цапфы; такимъ образомъ ему удалось получить очень правильные результаты.

Можно было ожидать, что толщина слоя смазки будетъ разная для разныхъ сортовъ смазки, опредѣляясь величиною ихъ внутреннего тренія; но сдѣланный авторомъ разборъ опытовъ Гирна надъ различными маслами при одинаковыхъ температурахъ смазывающаго слоя приводитъ къ тому важному заключенію, что толщина слоя смазки мало мѣняется при замѣнѣ одной смазывающей жидкости другою.

Такимъ образомъ, хотя ϵ величина измѣняющаяся, но для перваго приближенія можно принять, что при соблюденіи извѣстныхъ условій толщина слоя смазки ϵ , или сумма $\epsilon + \frac{\mu}{\lambda_1} + \frac{\mu}{\lambda_2}$, есть величина постоянная. Это допущеніе значительно упрощаетъ разборъ опытовъ и сравненіе разныхъ смазокъ между собою; при немъ примѣненіе найденнаго авторомъ графическаго приема для рѣшенія этихъ вопросовъ дѣлается весьма легкимъ.

Сравнивая результаты, получаемые при такомъ допущеніи

съ числами, полученными при опытахъ, авторъ нашелъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они прекрасно согласуются между собою, но иногда разница между тѣми и другими болѣе значительна и доходитъ до 30% определяемой величины. Конечно такія отступленія не особенно велики, и во всякомъ случаѣ полученное первое приближеніе много предпочтительнѣе прежнихъ понятій о треніи, когда считая коэффициентъ тренія постояннымъ можно было иногда ошибаться гораздо больше. Во многихъ вопросахъ о треніи ошибки не превышающія 30% смѣло могутъ быть допущены; тогда возможно свободно пользоваться этимъ первымъ приближеніемъ, которое даетъ весьма простое рѣшеніе для вопроса въ высшей степени сложнаго и запутаннаго. Но такое приближеніе не всегда достаточно; для нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ, напр. при выборѣ смазывающаго матеріала для вагонныхъ осей или фабричныхъ приводовъ, необходимо имѣть большую степень точности. Поэтому проф. Петровъ, на основаніи своихъ опытовъ, составилъ эмпирическую поправку перваго приближенія, или второе приближеніе, примѣняя которое сдѣлаемъ въ величинахъ тренія ошибки не превышающія 5%, слѣд. здѣсь уже достигается достаточная для всѣхъ техническихъ вопросовъ точность. При выводѣ этой поправки авторъ убѣдился, что величина ея зависитъ не отъ какихъ либо случайныхъ обстоятельствъ, напр. неуправляемыхъ различій въ состояніи поверхностей цапфъ или подшипниковъ, а есть прямой результатъ свойствъ смазывающихъ жидкостей, притомъ свойствъ, находящихся въ прямой связи съ внутреннимъ треніемъ. По его мнѣнію, хотя связь эта еще неизвѣстна въ точности, но тѣмъ не менѣе можно сказать, что если какое нибудь новое, еще не испытанное, минеральное масло будетъ имѣть внутреннее треніе одинаковое съ треніемъ одного изъ испытанныхъ маслъ, то и поправочные коэффициенты втораго приближенія будутъ одинаковы для этихъ маслъ. Эмпирическая формула для этой поправки содержитъ внутреннее треніе маслъ при одной и той же температурѣ (20° Ц.); ею авторъ предполагаетъ пользоваться и для нахождения поправокъ для тѣхъ сор-

товъ маслъ, которые не были имъ испытаны. Въ виду того, что г. Петровымъ испытаны разнообразныя сорты смазокъ, весьма различной степени густоты, — можно считать это предположеніе вполне допустимымъ. Такимъ образомъ найденное второе приближеніе весьма расширяетъ область, къ которой могутъ быть примѣняемы выводы автора.

При опытахъ г. Петрова разъяснилось нѣсколько интересныхъ техническихъ вопросовъ, относительно которыхъ до его изслѣдованій понятія были смутны и сбивчивы. Во первыхъ вполне опредѣлилось замѣтное вліяніе температуры окружающаго воздуха на величину тренія, которое совершенно отрицалось многими выдающимися техниками (напр. Кирхвегеромъ). Это вліяніе находится весьма легко при помощи упомянутаго графическаго приѣма, и результаты его вполне подтвердились опытомъ. Оказывается, что измѣненіе вѣшной температуры съ -6° до $+32^{\circ}$ Ц. можетъ увеличить коэффициентъ тренія въ три раза; слѣд. вѣшная температура есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на величину тренія. Затѣмъ авторъ нашелъ, что предѣлъ допустимыхъ давленій на цапфы, т. е. давленій при которыхъ смазка еще не вытѣсняется изъ промежутка между трущимися поверхностями, значительно больше, чѣмъ найденный при другихъ опытахъ. Напр. новѣйшіе опыты Бьюгэмпъ Тоуэра дали для этого предѣла 38 атм. при сурѣнномъ маслѣ и 42 атм. при минеральномъ, тогда какъ у г. Петрова давленія доходили до 75 атмосферъ (при сурѣнномъ) и до 90 атм. (при минеральномъ маслѣ) и все таки смазка еще не вытѣснялась изъ промежутка между цапфой и подшипникомъ. Вліяніе скорости вращенія и размѣровъ трущейся поверхности на величину тренія прекрасно выяснены опытами г. Петрова. Изъ нихъ оказывается, что полезно уменьшать поверхность тренія до извѣстнаго предѣла; слѣд. современное стремленіе строителей машинъ дѣлать по возможности большія поверхности тренія, основанное на прежнихъ понятіяхъ о независимости тренія отъ величины поверхности, не можетъ

быть вполне правильнымъ, и вѣроятно строители въ этомъ отношеніи нерѣдко переходятъ въ крайность. Далѣе, разбирая вліяніе скорости на величину тренія, авторъ показываетъ отчего происходитъ противорѣчіе между заключеніями разныхъ наблюдателей относительно значенія этого фактора. Противорѣчіе это есть только кажущееся, и легко объясняется различіемъ въ теплопроводности приборовъ, служившихъ для производства опытовъ.

Изучая вліяніе матеріала, изъ котораго сдѣланъ подшипникъ, на величину тренія, авторъ находитъ для двухъ наиболее употребительныхъ матеріаловъ: металла Баббита и бронзы, что первый даетъ треніе на 12 — 20% меньше втораго. Вліяніе разныхъ способовъ смазки осей (щеткой, плавающимъ цилиндромъ) хотя было подвергнуто изслѣдованію, но полученные результаты не позволяютъ еще дѣлать окончательныя заключенія. Также автору не удалось на основаніи произведенныхъ имъ опытовъ провѣрить справедливость положенія, что толщина смазывающаго слоя обратно пропорціональна корню квадратному изъ давленія на единицу поверхности. Эта сторона явленія и общій вопросъ о толщинѣ слоя смазки требуютъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Предъидущее краткое изложеніе содержанія сочиненія проф. Петрова показываетъ, что разбираемая нами книга полна новыхъ, замѣчательныхъ результатовъ, приведенныхъ въ правильную систему. При своихъ опытахъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, авторъ постоянно руководился своей гидродинамической теоріей, представляющей связующую нить изслѣдованія. Этимъ отличается его работа отъ многихъ другихъ опытовъ, которые производились безъ опредѣленнаго плана и руководящихъ взглядовъ, причемъ лица, производившія эти изслѣдованія, надѣялись, что сами опыты укажутъ какая должна быть составлена теорія. Ожиданія ихъ не оправдались, и значительные труды, потраченные ими, принесли гораздо меньше пользы, чѣмъ можно было предполагать. Совсѣмъ иначе поступилъ профессоръ Петровъ. Хотя, начиная свою работу, онъ имѣлъ въ виду между прочимъ и чисто практическую цѣль — нахожденіе вѣрныхъ способовъ

изслѣдованія годности минеральныхъ маселъ для смазки подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ —, но онъ возвысился надъ грубымъ эмпиризмомъ, остающимся почти всегда бесплоднымъ. При всѣхъ своихъ трудахъ онъ придерживался правила, высказаннаго Понслэ и приводимаго г. Петровымъ въ качествѣ эпиграфа къ одному изъ его сочиненій: «безъ свѣточа теоріи практика не можетъ идти къ истинному совершенствованію». И въ вопросѣ о треніи также какъ и въ другихъ областяхъ техники подтвердилось то правило, что чѣмъ выше и точнѣе теорія тѣмъ плодотворнѣе оказываются ея результаты для практики. Сочиненіе г. Петрова по справедливости можетъ быть причислено къ тѣмъ истиннымъ совершенствованіямъ, о которыхъ говоритъ Понслэ. Если мы вспомнимъ и соберемъ всѣ свѣденія о треніи хорошо смазанныхъ тѣлъ, имѣвшіяся до появленія разбираемой книги и сравнимъ ихъ съ нашими современными свѣденіями, полученными вслѣдствіе опытовъ автора, то замѣчаемъ значительный успѣхъ. Прежде мы не знали ни законовъ этого явленія, ни численныхъ величинъ тренія въ разныхъ случаяхъ. Объ этихъ величинахъ можно было только дѣлать предположенія, рискуя получить величину тренія въ нѣсколько десятковъ разъ большую или меньшую истинной. Были предложены разные способы для испытанія и сравненія смазочныхъ матеріаловъ, но не знали правильны ли эти способы и можно ли полагаться на нихъ. Самый живой практической вопросъ — возможность замѣны дорогихъ растительныхъ маселъ дешевыми минеральными смазками — не былъ рѣшенъ, по неимѣнію вѣрныхъ величинъ коэффициентовъ тренія. Наконецъ хотя гидродинамическая теорія тренія профессора Петрова представлялась заслуживающею полнаго вниманія, однако техники справедливо не рѣшались руководствоваться ею, такъ какъ она не была надлежащимъ образомъ подтверждена опытами. — Теперь же мы можемъ считать теорію эту достаточно оправданною опытомъ, слѣд. возможно безъ опасеній прилагать ее къ практическимъ вопросамъ, и можемъ предсказывать какое будетъ треніе въ данномъ случаѣ, дѣлая ошибку всего въ

нѣскольکو процентовъ предсказываемой величины. Теперь мы знаемъ какое изъ физическихъ свойствъ жидкости характеризуетъ пригодность ея для смазки, и получили способъ для изслѣдованія и сравненія разныхъ смазывающихъ жидкостей. Нефтяныя смазочныя масла изучены детально, выгодность примѣненія ихъ взамѣнѣ растительныхъ смазокъ поставлена внѣ всякаго сомнѣнія и дана возможность напередъ вычислить какая экономія получится отъ этой замѣны.

Изслѣдованія проф. Петрова принесутъ еще много плодовъ для техники и будутъ способствовать разъясненію многихъ техническихъ вопросовъ, въ которыхъ треніе играетъ первостепенную роль. Не можемъ не упомянуть здѣсь объ одномъ приложеніи этихъ изслѣдованій, сдѣланномъ проф. Петровымъ уже послѣ напечатанія разбираемаго сочиненія, и сообщенномъ въ статьяхъ его о треніи, которыя помѣщены въ №№ 1 и 2 Инженернаго Журнала за текущій годъ. Дѣло идетъ объ измѣреніи тренія осей въ самомъ желѣзно-дорожномъ поѣздѣ, во время его движенія. Всѣ лабораторныя опыты надъ треніемъ не вполне убѣдительны для практическихъ техниковъ, которые предпочитаютъ имъ данныя, выведенныя изъ дѣйствительной службы поѣздовъ, изъ опытовъ надъ самими поѣздами. Подобныя чисто практическіе опыты производились уже нѣскольکو разъ и изъ нихъ были выведены коэффициенты тренія вагонныхъ осей; но эти числа нельзя было считать вполне достовѣрными, такъ какъ величину тренія осей выводили находя на опытѣ полное сопротивленіе поѣзда, при небольшихъ скоростяхъ движенія, и вычитая изъ этого полного сопротивленія треніе втораго рода колесъ о рельсы. Если пренебrecь сопротивленіемъ воздуха и нѣкоторыми другими сопротивленіями, то означенная разность дастъ треніе осей въ подшипникахъ. При этомъ коэффициентъ тренія получался отъ 0,018 до 0,026. Конечно этотъ способъ не могъ дать надежныхъ результатовъ и проф. Петровъ показалъ, что величины 0,025 и даже 0,014 навѣрное значительно превышаютъ истинныя величины коэффициентовъ тренія вагонныхъ осей.

Затѣмъ онъ воспользовался опытами Бельроша, который наблюдалъ нагрѣваніе вагонныхъ буксъ во время хода поѣзда; комбинируя эти наблюденія со своими опытами надъ треніемъ вагонной оси, проф. Петровъ получилъ, что при условіяхъ имѣвшихся въ поѣздѣ изслѣдованномъ Бельрошемъ (скорость 60 километровъ въ часъ, смазка сурѣпнымъ масломъ) коэффициентъ тренія осей былъ 0,005, т. е. гораздо меньше того, который принимается всѣми изслѣдователями движенія поѣздовъ. Такимъ образомъ треніе вагонныхъ осей составляетъ значительно меньшую долю общаго сопротивленія поѣзда, чѣмъ до сихъ поръ принимали; а потому другія сопротивленія поѣзда должны быть больше, чѣмъ прежде считали. Отсюда слѣдуетъ, что употребительныя формулы, выражающія сопротивленіе поѣзда, должны быть значительно измѣнены. Также теряютъ силу многіе прежніе расчеты относительно выгодности замѣны одной смазки другою, основанные на невѣрной величинѣ коэффициента тренія.

Примѣръ этотъ показываетъ какое новое освѣщеніе могутъ получить разные техническіе вопросы отъ примѣненія къ нимъ результатовъ изслѣдованій профессора Петрова.

Вслѣдствіе этой работы необходимо пересмотрѣть многіе отдѣлы технической науки, которые болѣе или менѣе связаны съ треніемъ. Уже и теперь видно, что нѣкоторые изъ установившихся правилъ машиностроенія должны подвергнуться измѣненію вслѣдствіе полученныхъ проф. Петровымъ результатовъ. Поэтому мы считаемъ, что отнынѣ гидродинамическая теорія тренія должна помѣщаться въ каждомъ учебникѣ Прикладной Механики, а найденныя г. Петровымъ численныя величины для силы тренія должны получить мѣсто во всѣхъ справочныхъ книгахъ для инженеровъ.

II.

О СОЧИНЕНІИ ГЕНЕРАЛЪ - МАЮРА М. Н. ЛЕБЕДЕВА: «ОПИСАНІЕ ТРИАНГУЛЯЦИИ ВЪ БОЛГАРИИ, ПРОИЗВЕДЕННОЙ ВЪ 1877, 1878 И 1879 ГОДАХЪ».

Рецензія професора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба Н. Я. Цингера.

Географическія свѣдѣнія о турецкихъ владѣніяхъ приобретались всегда съ большими затрудненіями. Еще очень недавно карта Европейской Турціи могла основываться лишь на устарѣлыхъ глазомѣрныхъ съемкахъ, исполненныхъ русскими топографами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи во время и по окончаніи войны 1828 года, затѣмъ на отдѣльныхъ маршрутахъ иностранныхъ путешественниковъ, да еще на рекогносцировкахъ, произведенныхъ русскими офицерами-геодезистами въ 1867—1869 годахъ подъ видомъ продолженія русскаго градуснаго измѣренія дуги меридіана; опорю же для карты служили пункты, определенныя лишь въ небольшомъ числѣ и притомъ далеко не совершенными астрономическими способами. Вслѣдствіе того подробныя топографическія съемки и опорныя для нихъ тригонометрическія работы, предпріятыя нашимъ Военно-Топографическимъ Отдѣломъ въ самомъ началѣ войны съ Турціей въ 1877 году и разросшіяся почти вдругъ до огромныхъ размѣровъ послѣ быстраго занятія нашими войсками въ 1878 году большей части Европейской Турціи, получали особенно важное значеніе для картографіи. Тогда полковнику Генеральнаго Штаба и геодези-

сту М. Н. Лебедеву, на котораго было возложено какъ составленіе самаго плана для основныхъ тригонометрическихъ и астрономическихъ работъ, такъ и общее завѣдываніе ими для приведенія ихъ въ исполненіе, представилась весьма не легкая во многихъ отношеніяхъ задача: не болѣе какъ съ 8-ю производителями работъ, данными въ его распоряженіе, успѣть въ два года покрыть триангуляціей все вышесказанное занятое пространство слишкомъ въ 100,000 кв. верстъ. Предначертанный проектъ не могъ, конечно, выполняться по писанному, какъ въ обыкновенное, мирное время. Безлюдность нѣкоторыхъ мѣстностей, оставленныхъ въ началѣ войны бѣжавшимъ населеніемъ, безпорядки и грабежи, начавшіеся почти повсемѣстно послѣ выступленія нашихъ войскъ, наконецъ упорное противодѣйствіе со стороны румынскихъ начальниковъ, встрѣчавшееся при соединеніяхъ нашей триангуляціи съ прежней австрійской на берегахъ Дуная, — являлись неожиданными и серьезными препятствіями необходимой быстротѣ работъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря неутомимой энергіи, настойчивости и распорядительности М. Н. Лебедева, вполне побѣдоносно и съ необычайною скоростью¹⁾ совершенно было все предположенное, вызывавшееся практическими потребностями съемки; такъ что мы имѣемъ теперь подробныя карты большей части Балканскаго полуострова, основанныя уже на самыхъ прочныхъ опорныхъ данныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было сдѣлано еще и многое для разрѣшенія чисто научныхъ задачъ, которыя какъ бы попутно представлялись при его работахъ, но о которыхъ, казалось бы, нельзя было и думать при подобныхъ обстоятельствахъ. Чтобы оцѣнить должнымъ образомъ эти обильные и важные для науки результаты его поучительной дѣятельности въ Болгаріи, заключающіеся именно въ его сочиненіи: *«Описаніе триангуляціи въ Болгаріи, произведенной въ*

¹⁾ На опредѣленіе одного тригонометрическаго пункта каждый наблюдатель тратилъ въ среднемъ не болѣе 2-хъ или 3-хъ дней, включая сюда и время для постройки пирамидъ, и необходимые переѣзды съ одного пункта на другой.

1877, 1878 и 1879 годах», необходимо имѣть въ виду все вышесказанное ¹⁾).

Сочиненіе М. Н. Лебедева составляетъ собою обширный томъ in quarto, съ 170 стр. одного текста, подраздѣленнаго на 5 главъ, и поясненнаго многими картами и чертежами.

Въ первой главѣ излагаются цѣль, планъ и общій порядокъ исполненія всѣхъ тригонометрическихъ работъ въ Болгаріи, въ слѣдующихъ трехъ — описываются въ подробности употребленные способы измѣренія базисовъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, а также всѣ послѣдовавшія затѣмъ вычисленія съ ихъ важнѣйшими результатами; въ послѣдней же главѣ разъясняются вычисленія геодезическихъ широтъ и долготъ тригонометрическихъ пунктовъ и, изъ сравненія этихъ координатъ съ опредѣленными астрономически, дѣлается заключеніе о мѣстныхъ отклоненіяхъ отвѣсныхъ линій. Окончательные числовые результаты, выведенные для угловъ и боковъ всѣхъ 2165 треугольниковъ сѣти и для координатъ опредѣляемыхъ ими 1274 пунктовъ, занимаютъ 120 добавочныхъ къ сочиненію страницъ.

Какъ широкой планъ, такъ и исполненіе всѣхъ работъ отличаются глубокою обдуманностью. Не довольствуясь связями своей триангуляціи съ старыми австрійскими пунктами на Дунаѣ, М. Н. Лебедевъ обезпечилъ ея точность самостоятельнымъ измѣреніемъ, въ наивыгоднѣйшихъ для того мѣстахъ, 6-ти базисовъ отъ 3 до 5 верстъ длиною, и азимута каждаго изъ нихъ. 7 основныхъ рядовъ треугольниковъ между этими базисами и еще 12 промежуточныхъ рядовъ составили 17 сомкнутыхъ полигоновъ, покрывшихъ, вмѣстѣ съ тремя дополнительными нивелиръ-теодолитными рядами, почти сплошь всю Болгарію и восточную Румелію; а столь связанная система естественно должна была препятствовать значительному накопленію ошибокъ отъ не-

¹⁾ Какъ извѣстно, Импер. Русское Геогр. Общество признало ученія заслуги М. Н. Лебедева въ Болгаріи единственнымъ, безпримѣрнымъ въ своемъ родѣ географическимъ подвигомъ и удостоило ихъ высшей награды — Константиновской медали.

вѣрности угловъ, которые приходилось измѣрять небольшими и во многихъ отношеніяхъ несовершенными инструментами. Обращено было также особенное вниманіе на возможно частыя примыканія триангуляціи къ Черному, Мраморному и Эгейскому морямъ, чтобы изъ геодезической нивелировки получить наиболѣе благонадежныя абсолютныя высоты всѣхъ пунктовъ сѣти. Но, кромѣ 8-и производителей тригонометрическихъ работъ, въ распоряженіе М. Н. Лебедева были предоставлены еще два офицера-геодезиста съ двумя хорошими инструментами и достаточнымъ числомъ хронометровъ для производства астрономическихъ опредѣленій, въ которыхъ могла встрѣтиться надобность; и онъ воспользовался этими средствами какъ нельзя лучше, опредѣливъ астрономическія широты и разности долготъ 47 пунктовъ своей триангуляціи, избранныхъ имъ съ большою предусмотрительностью такъ, чтобы яснѣйшимъ образомъ обнаружались мѣстныя отклоненія отвѣса на всей изслѣдованной территоріи вообще и въблизи Балканскихъ горъ въ особенности.

Эта послѣдняя, серьезная въ научномъ отношеніи, задача, придававшая особенный интересъ всѣмъ вышепоименованнымъ работамъ, безъ сомнѣнія, побуждала прилагать всевозможныя мѣры для увеличенія ихъ точности, а затѣмъ вызвала и болѣе тщательную обработку всего собраннаго матеріала, чѣмъ то требовалось для одной лишь картографической цѣли. И дѣйствительно, обработка триангуляціи произведена авторомъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ и съ большимъ знаніемъ дѣла. Прежде всего представились большія трудности при уравнивательныхъ вычисленіяхъ сѣти, сдѣлать которыя авторъ считалъ своимъ долгомъ, чтобы удовлетворить всѣмъ безъ исключенія геометрическимъ условіямъ: угловымъ, діагональнымъ, базиснымъ и полигоннымъ; а общее число таковыхъ доходило до 1733, если даже не считать третъекласныхъ опредѣленій, доставлявшихъ еще 1000 условій. О педантическомъ примѣненіи въ этомъ случаѣ наивыгоднѣйшаго съ теоретической точки зрѣнія способа наименьшихъ квадратовъ, конечно, не могло быть и рѣчи, по невыполнимости

его на дѣлѣ; болѣе же простые приемы уравниваній, особенно для сложныхъ сѣтей, образующихъ сомкнутые полигоны, должно сказать къ сожалѣнію, совсѣмъ еще не выработаны въ геодезіи. Однако это не заставило автора совершенно отказаться отъ своего намѣренія, а, напротивъ, побудило его разработать и установить самому довольно простую и вполне опредѣленную систему исправленія измѣренныхъ угловъ сѣти, сначала по небольшимъ частямъ, а затѣмъ и во всей совокупности, при помощи послѣдовательныхъ приближеній. Въ ней нельзя назвать рациональнымъ только приемъ для замыканія какого нибудь полигона исправленіемъ однихъ лишь его боковъ; да и самъ авторъ, не считая этотъ приемъ удачнымъ, употребляетъ его только въ виду большей простоты вытекающихъ изъ него формулъ и вычислений; но, тѣмъ не менѣе, къ совершенно самостоятельной попыткѣ автора установить общую систему уравниванія, посредствомъ которой приведеніе всей сложной сѣти въ формальный порядокъ все-таки достигалось, нельзя отнестись иначе, какъ съ уваженіемъ. Точно также весьма простые и хорошо обдуманная правила были установлены и для удовлетворенія всѣмъ необходимымъ условіямъ, явившимся въ числѣ 2042 при вычисленіяхъ высотъ пунктовъ. Менѣе и отдѣльно обработанными остались только три небольшихъ нивелиръ-теодолитныхъ ряда, которые, впрочемъ, какъ дополнительные и второстепенные, не имѣли важнаго значенія въ общей сѣти. Заключительныя вычисленія боковъ всѣхъ треугольниковъ и координатъ всѣхъ пунктовъ триангуляціи производились по обыкновеннымъ, издавна принятымъ у насъ въ Россіи формуламъ и правиламъ.¹⁾

Вообще, яснымъ и подробнымъ изложеніемъ всѣхъ своихъ дѣйствій и мотивовъ, ихъ вызывавшихъ, авторъ даетъ полную

¹⁾ Громадность всѣхъ вычисленій болгарской триангуляціи поймется яснѣе, если мы скажемъ, что они занимаютъ болѣе 3800 страницъ, распределенныхъ въ 25 большихъ томахъ, не считая 62 полевыхъ журналовъ; а на сколько тутъ участвовалъ матеріальный трудъ самого начальника, видно изъ того, что только въ 8 изъ этихъ томовъ не имѣется вычисленій, сдѣланныхъ собственною его рукою.

возможность прослѣдить за ходомъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ выводовъ изъ его работъ. Частныя возраженія на нѣкоторыя изъ его разсужденій и заключеній о точности отдѣльныхъ результатовъ мы считаемъ здѣсь неумѣстными, да притомъ же вовсе и несущественными, потому что превосходная, при бывшихъ средствахъ и обстоятельствахъ, точность болгарской триангуляціи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы не получимъ преувеличеннаго понятія о точности окончательныхъ изъ нея выводовъ, если скажемъ, согласно съ оцѣнками автора, что относительное положеніе пунктовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на 500 верстъ, опредѣлено въ ней съ вѣроятной ошибкой ± 10 саж., т. е. не болѣе $\pm \frac{2}{3}''$ въ разности широтъ и $\pm 1''$ въ разности долготъ; а что это вполне нормально и вовсе немного для той вѣроятной ошибки $\pm 3''3$, съ которою могли измѣряться горизонтальные углы, можно судить, напримѣръ, по сравненію съ извѣстнымъ русскимъ градуснымъ измѣреніемъ, въ которомъ длина дуги меридіана въ 2500 верстъ опредѣлилась съ вѣроятной ошибкой ± 6 саж. при точности угловъ, слишкомъ въ 6 разъ большей, и въ которомъ разстоянія въ 500 верстъ подлежали бы ошибкамъ ± 16 саж., еслибы углы измѣрялись съ той же ошибкой $\pm 3''3$. Оказывающаяся такимъ образомъ даже сравнительно болѣе большая точность болгарскихъ опредѣленій объясняется именно связнымъ сложеніемъ триангуляціи изъ многихъ рядовъ и доказываетъ, что заботы автора объ этой связности не пропали даромъ. Что же касается до численной вѣрности окончательныхъ выводовъ, то она вполне гарантируется: вопервыхъ — множествомъ разнообразныхъ повѣрокъ, представлявшихся при уравнивательныхъ вычисленіяхъ сѣти, вовторыхъ — двойными вычисленіями широтъ и долготъ и втретьихъ — отличнымъ согласіемъ съ австрійской триангуляціей.

Обращаясь теперь къ болѣе интересному въ научномъ отношеніи выводу отклоненій отвѣсныхъ линій, замѣтимъ прежде всего, что подробное описаніе астрономическихъ опредѣленій въ

Болгаріи составляет предметъ особаго сочиненія М. Н. Лебедева, пока еще только печатающагося; но изъ сообщеній, дѣлавшихся въ Импер. Рус. Географическомъ Обществѣ, намъ уже извѣстны неоспоримыя достоинства и этихъ работъ. Приводимыя авторомъ вѣроятныя ошибки астрономическихъ широтъ и долготъ 47-и пунктовъ его триангуляціи показываютъ, что эти опредѣленія дѣйствительно не оставляютъ желать ничего лучшаго; потому что какъ широты всѣхъ этихъ пунктовъ, такъ и долготы многихъ изъ нихъ, опредѣленныя по телеграфу, получены даже точнѣе, чѣмъ геодезическія. Вслѣдствіе того сдѣланный авторомъ выводъ отклоненій отвѣса въ этихъ пунктахъ есть очень цѣнный матеріалъ для обнаруженія всѣхъ такихъ особенно интересныхъ аномалій, которыя выходятъ изъ предѣловъ $+ 2''$ и $- 2''$; но для этого еще требуются очень обширныя вычисленія притягательнаго дѣйствія въ каждомъ пунктѣ ближайшихъ къ нему массъ горъ, чѣмъ и занятъ М. Н. Лебедевъ въ настоящее время. Пока же, по его мнѣнію, такія аномаліи можно подозрѣвать только на пространствѣ по Дунаю между Систовомъ и Силистріей, да еще между Ямболомъ и Бургасомъ; ибо вообще обнаруженныя отклоненія, достигающія даже очень значительныхъ величинъ $+ 20''$ и $- 15''$, происходятъ явнымъ образомъ отъ притяженія высокихъ возвышенностей Балканъ, Рыло и Родопъ или же отъ обратнаго дѣйствія глубокаго Чернаго моря. Все это видно весьма наглядно по тремъ картамъ, на которыхъ авторомъ показаны какъ найденныя уклоненія по широтѣ и долготѣ, такъ и равнодѣйствующія изъ нихъ въ каждомъ пунктѣ. Но, какъ бы то ни было, будутъ довершены самимъ авторомъ вышесказанныя вычисленія мѣстныхъ притяженій или нѣтъ, окажутся на основаніи ихъ какія нибудь аномаліи или не окажутся, значеніе для науки того матеріала, который имѣется уже теперь въ нашихъ рукахъ, нисколько не уменьшится; потому что онъ самъ по себѣ служитъ для опредѣленія истиннаго вида уровенной земной поверхности на изслѣдованномъ пространствѣ, что собственно и составляетъ цѣль геодезіи. Между тѣмъ такіа

данныя, столь дорого и трудно приобрѣтающіяся, имѣются для очень немногихъ мѣстностей на Землѣ и не отличаются притомъ желаемою полнотою, вслѣдствіе недостатка астрономическихъ опредѣленій долготъ. Все это придаетъ даннымъ, добытымъ М. Н. Лебедевымъ въ большомъ числѣ какъ для широтъ, такъ и для долготъ, особенно выдающуюся цѣну.

Высоты всѣхъ 1274 пунктовъ триангуляціи представляютъ другой весьма цѣнный результатъ работъ М. Н. Лебедева, доставившій самыя точныя и полныя данныя для гипсометріи Балканскаго полуострова. Для опредѣленія этихъ высотъ наблюдались взаимныя зенитныя разстоянія въ каждыя двухъ сосѣднихъ пунктахъ основной сѣти; вслѣдствіе того дѣйствіе земной рефракціи въ значительной степени исключалось, и разность высотъ такихъ пунктовъ получалась въ среднемъ съ очень небольшою вѣроятной ошибкой ± 1 футъ; а такъ какъ притомъ триангуляція примыкала въ 10 мѣстахъ къ маркамъ, установленнымъ въ Черномъ, Мраморномъ и Эгейскомъ моряхъ, то абсолютныя высоты пунктовъ, даже наиболѣе удаленныхъ отъ этихъ морей, опредѣлились съ вѣроятной ошибкой, не превышающей ± 1 саж. На основаніи этихъ точныхъ данныхъ авторъ дѣлаетъ, въ IV главѣ своего сочиненія, прекрасный общій очеркъ поверхности Болгаріи и паденія рѣкъ, ея орошающихъ, существенно важный и интересный потому, что имѣвшіяся до сихъ поръ гипсометрическія свѣдѣнія объ этой территоріи были крайне недостаточны; а на сколько они были не вѣрны, видно напримѣръ изъ того, что даже барометрически опредѣленные прежде высоты (Айдоса, Врацы, Этрополя) оказались ошибочными на 100 сажень. 1445 вышеупомянутыхъ паръ взаимныхъ зенитныхъ разстояній въ сосѣднихъ пунктахъ послужили автору для вывода въ той же IV главѣ коэффициента земной рефракціи, который оказался въ среднемъ -0.066 , соответствуя времени наблюденій между полднемъ и моментомъ наиболѣе покойныхъ изображеній; въ величинахъ же его, выведенныхъ, благодаря многочисленности наблюденій, для разныхъ мѣсяцевъ отдѣльно, обнаружился

довольно любопытный, вполне законный ходъ въ зависимости отъ средней мѣсячной температуры; оказалось также нѣкоторое, хоть и очень незначительное, увеличеніе этого коэффициента для большихъ разстояній. Всѣ эти изслѣдованія автора не лишены значенія въ вопросѣ о земной рефракціи, еще далеко не всесторонне изученномъ.

Въ работахъ М. Н. Лебедева обращаютъ на себя полное вниманіе еще усовершенствованія, достигнутыя имъ въ измѣреніи базисовъ, хотя они имѣютъ уже чисто специальный интересъ для практической геодезіи. Для этихъ измѣреній былъ употребленъ наипростѣйшій способъ В. Струве, состоящій въ послѣдовательномъ откладываніи длины деревяннаго жезла на натянутомъ вдоль базиса шнурѣ; но такъ какъ собственный прежній опытъ убѣдилъ М. Н. Лебедева, что неточность измѣреній происходитъ тутъ главнымъ образомъ отъ слишкомъ грубаго обычнаго сравненія длины жезла съ нормальнымъ масштабомъ посредствомъ штангенъ-циркуля и еще отъ постоянныхъ, свойственныхъ разнымъ лицамъ, ошибокъ въ отмѣткѣ концовъ жезла на шнурѣ, то въ Болгаріи онъ принимаетъ уже особыя мѣры для достиженія большей точности, которыя особенно поучительны въ виду частаго примѣненія этого способа измѣреній у насъ въ Россіи. Благодаря имъ самимъ проектированному компаратору, снабженному нониусами и лупами, опредѣленія длины жезловъ настолько улучшились, что вѣроятныя ошибки измѣреній, составившія прежде около $\frac{1}{70000}$ доли длины базисовъ, уменьшились до $\frac{1}{170000}$ и даже $\frac{1}{200000}$. При этомъ надо замѣтить, что всѣ базисы въ Болгаріи измѣрялись по два раза разными жезлами и по частямъ; а потому оцѣнка точности измѣреній основывалась всегда на достаточномъ числѣ данныхъ. Едва ли еще не важнѣе, по своей новизнѣ, изслѣдованія М. Н. Лебедева о вліяніи на эти измѣренія личныхъ ошибокъ, которыя у нѣкоторыхъ наблюдателей доходили до 0,004 дюйма на каждый саженный жезлъ и вліяніе которыхъ онъ ослаблялъ привлеченіемъ для измѣренія каж-

даго базиса многихъ лицъ. Цѣлая половина Бургасскаго базиса была измѣрена лишнихъ два раза, съ систематическою перемѣною наблюдателей при жезлахъ, исключительно съ цѣлю наилучшаго обнаруженія такихъ личныхъ разностей; остается только удивляться, что столь спеціальныя изслѣдованія оказались возможными при общей спѣшности всѣхъ работъ¹⁾.

Взглянемъ наконецъ на работы М. Н. Лебедева въ Болгаріи еще съ одной точки зрѣнія. Перечисливъ всѣ тѣ важныя наблюденія, которыя были сдѣланы имъ по собственной инициативѣ, мы замѣчаемъ самую тѣсную связь ихъ съ возлагавшимся на него чисто практическимъ и, повидимому, просто механическимъ дѣломъ. Но, естественно вызываясь этимъ послѣднимъ, они не только не приносили ему ни малѣйшаго ущерба, а напротивъ того въ значительной мѣрѣ способствовали наилучшему его выполненію. Въ этомъ отношеніи работы М. Н. Лебедева могутъ быть поставлены, какъ образецъ практической дѣятельности, направленной прежде всего къ самому добросовѣстному исполненію служебнаго долга, и какъ поучительный примѣръ столь желаемаго всегда согласованія практической пользы съ изслѣдованіями чисто научнаго свойства.

Признавая, на основаніи всего вышесказаннаго, сочиненіе М. Н. Лебедева: «Описаніе триангуляціи въ Болгаріи» вполне самостоятельнымъ трудомъ, обогатившимъ разные отдѣлы науки многими новыми наблюденіями первостепенной важности, и принимая притомъ во вниманіе, что безъ предпримчивости автора эти пріобрѣтенія для науки стали бы совершенно невозможными или же отодались бы на долгое время, должно считать это сочиненіе какъ нельзя болѣе удовлетворяющимъ всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя поставлены для соисканія премій митрополита Макарія.

¹⁾ Измѣренія базисовъ въ Болгаріи, составляющія предметъ II главы сочиненія М. Н. Лебедева, изложены съ большею подробностью въ особой статьѣ его, помѣщенной въ XXXVIII томѣ Записокъ В. Т. Отдѣла Главнаго Штаба.

III.

О СОЧИНЕНИИ: ПАМЯТНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДУШАНА, ЦАРЯ СЕРБОВЪ И ГРЕКОВЪ. ХРИСОВУЛЫ. СЕРБСКІЙ ЗАКОННИКЪ. СБОРНИКИ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ. ИЗСЛѢДОВАНИЕ ТИМОФЕЯ ФЛОРИНСКАГО. КІЕВЪ. 1888.

Рецензія професора Варшавскаго университета **Ө. Ө. Зигеля.**

Въ 40-выхъ годахъ XIV-го столѣтія въ 3 славянскихъ государствахъ, въ Чехіи, Польшѣ и Сербіи, предприняты были законодательныя работы. Мысль о кодификаціи въ Чехіи возникла еще въ концѣ XIII-го в. и нашла себѣ энергическаго поборника въ Карлѣ IV. Составленная кажется при личномъ его участіи около 1346 г. *Majestas Carolina* не получила однако обязательной силы, такъ что только при умиротвореніи страны послѣ гуситскихъ войнъ появилось въ Чехіи Уложение. Въ 1347 г. былъ изданъ въ Польшѣ Вислицкій Статутъ, вообще было положено начало широкой законодательной дѣятельности Казимира Великаго. Наконецъ въ 1349 г. возникъ въ Сербіи на соборѣ Законникъ Стефана Душана.

Всѣ эти славянскіе юридическіе памятники появились почти одновременно. Неудивительно, что, не смотря на различіе въ исторической обстановкѣ и въ послѣдующихъ судьбахъ, они имѣютъ нѣкоторое сходство между собою. Кромѣ того изслѣдователи поставлены по отношенію къ нимъ въ довольно сходное положеніе. Извѣстія объ ихъ изданіи сохранились, или въ очень

краткихъ замѣчаніяхъ лѣтописцевъ, или въ малосодержательной замѣткѣ (о Стефанѣ Душанѣ), такъ что ученымъ приходится основывать свои разысканія на изученіи рукописей и точномъ анализѣ ихъ содержанія. Притомъ Статуты Казимира Великаго и Законникъ Душана не дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; ихъ текстъ долженъ быть возстановленъ. Вслѣдствіе всего этого самый сжатый обзоръ работъ надъ этими тремя памятниками можетъ дать важныя указанія на пригодность различныхъ приѣмовъ для окончательнаго разъясненія этихъ первыхъ славянскихъ законодательныхъ работъ.

Majestas Carolina, какъ проэктъ не получившій примѣненія въ жизни, мало останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ. Только въ сравнительно недавнее время извѣстный знатокъ чешскаго права, проф. Челяковскій, обратилъ на нее вниманіе и пытался опредѣлить ея отношеніе къ *Ordo iudicii terrae*.

Зато разработка Статутовъ Казимира Великаго можетъ считаться законченною. Въ изученіи ихъ легко подмѣтить три періода. Первый заключаетъ въ себѣ возникновеніе сомнѣній о томъ, что общеизвѣстный текстъ Статутовъ аутентиченъ, и послыное ихъ разъясненіе на основаніи той или другой рукописи, случайно попавшей данному изслѣдователю. Второй періодъ открывается капитальнымъ трудомъ Гельцеля: *Starodawne prawa polskiego pomniki poprzedzone wywodem historyczno krytycznym tak zwanego prawodawstwa wislickiego Kazimiérza Wielkiego*, т. I. Варшава. 1856. Въ самомъ началѣ авторъ подробно описалъ всѣ извѣстныя въ его время рукописи Статутовъ; затѣмъ критически разобралъ высказанныя до него мнѣнія о нихъ; далѣе развилъ и послыно обосновалъ собственный свой взглядъ на ихъ появленіе, составъ и систему; наконецъ выяснилъ дальнѣйшую судьбу Статутовъ. Конечнымъ результатомъ этихъ работъ былъ предполагаемый аутентичнымъ текстъ Статутовъ, напечатанный во второй части сочиненія. Такимъ образомъ трудъ Гельцеля, при всей своей чрезвычайной важности, остановился на внѣшней исторіи Статутовъ. Внутреннее состояніе Польши на основаніи резуль-

татовъ Гельцеля задумалъ представить графъ Стадницкій въ статьѣ: *Przegląd krytyczny rozporządzeń tak zwanego statutu wislickiego. 1860.* Но его изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы оправдать эти результаты самымъ содержаніемъ Статутовъ, заставили усомниться въ вѣрности взглядовъ Гельцеля. Потребовался новый пересмотръ вопроса при помощи бѣльшого количества научныхъ данныхъ. Пересмотръ этотъ составляетъ 3-й періодъ и выполненъ знаменитымъ ученымъ Р. Губе. Онъ прежде всего, въ отдѣльномъ сочиненіи, изобразилъ при помощи грамотъ юридической бытъ Польши XIII-го в. ¹⁾ Затѣмъ напечаталъ подробное изслѣдованіе о самихъ Статутахъ, въ которомъ не только возстановилъ текстъ Статутовъ и изложилъ догматически ихъ содержаніе, но кромѣ того выяснилъ на основаніи грамотъ и судебныхъ книгъ примѣненіе отдѣльныхъ положеній Статутовъ въ жизни ²⁾. Наконецъ въ третьемъ сочиненіи Р. Губе попытался разрѣшить вопросъ, на сколько сама дѣйствительная юридическая жизнь (составленіе и содержаніе разнообразныхъ юридическихъ актовъ, а также судебная практика) видоизмѣнились подъ вліяніемъ Статутовъ во второй половинѣ XIV в. ³⁾.

Работы Р. Губе надъ законодательствомъ Казимира Великаго выполнены согласно послѣднимъ требованіямъ исторіи права. Почти въ плоть до 70-хъ годовъ XIX в. считалось вполне достаточнымъ основать свои выводы на законодательныхъ памятникахъ; пользоваться грамотами, лѣтописями, судебною практикою считалось роскошью. Теперь все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанию, что между закономъ и жизнью даже и нынѣ громадно различіе, а прежде оно должно было быть еще несравненно больше; что исторія права, дабы быть наукою положительною, должна опереть свои выводы на описаніи юридическихъ явленій обще-

1) *Prawo polskie w wieku trzynastym przedstawił i objaśnił ze źródeł współczesnych Romuald Hube. Warszawa. 1874.*

2) *Ustawodawstwo Kazimierza wielkiego. Warsz. 1881.*

3) *Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku. Warsz. 1886.*

ственного быта, а не только законодательства. Относительно собственно законодательства Казимира Великаго работы Губе выяснили тотъ весьма важный фактъ, что, хотя оно было задумано безъ внѣшняго вліянія и выполнено на основаніи анализа своего туземнаго, чисто польскаго быта, тѣмъ не менѣе оно оказало, какъ законодательство, т. е. какъ собраніе юридическихъ положеній, примѣненіе которыхъ должно быть вынуждено государственною властью, чрезвычайно мало вліянія. Все практическое значеніе Статутовъ даже въ концѣ XIV в., т. е. вскорѣ послѣ смерти Казимира, сводилось къ болѣе или менѣе удачной формулировкѣ уже ранѣе существовавшихъ юридическихъ обычаевъ ¹⁾.

Обращаясь теперь къ законодательной дѣятельности Душана съ цѣлію выяснитъ состояніе вопроса до появленія сочиненія г. Флоринскаго, мы видимъ, что прежде всего вниманіе ученыхъ было привлечено къ изученію различныхъ сторонъ сербской исторіи права. Маціевскій, Палацкій, Майковъ, Крстичъ и т. д. останавливались преимущественно на политическомъ бытѣ древней Сербіи; Законникъ болшею частію разсматривался, какъ памятникъ, доставляющій чрезвычайно важныя свѣдѣнія ²⁾. Въ 1872 г. появилось спеціальное изслѣдованіе автора этой рецензіи о Законникѣ Душана. Оно было преимущественно основано только на одной дотогѣ ненапечатанной рукописи и оставалось главнымъ образомъ на внѣшней исторіи памятника. Думаю, что изъ этой работы можно было сдѣлать между прочимъ два заключенія. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ о законодательной дѣятельности Душана можетъ быть предпринято съ

¹⁾ Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce, стр. 408: «Переходя теперь къ опредѣленію отношенія судебной практики въ концѣ XIV в. къ Статутамъ Казимира Великаго, можно вообще сказать, что практика сохранила изъ Статутовъ почти все, что въ нихъ было основано на стародавнемъ обычаѣ, а не приняла по болшей части того, что Статуты вводили новаго».

²⁾ Законникъ Стефана Душана Ф. Зигеля. 1 выпускъ. Спб. 1872 г. стр. 40—45. Въ приложеніяхъ изданъ Зак. по Призрѣнской рукописи.

успѣхомъ не ранѣе обстоятельнаго описанія всѣхъ существующихъ рукописей Законника, а самъ Стефанъ Душанъ является болѣе завоевателемъ, политикомъ, чѣмъ законодателемъ. Если ключъ къ правленію Казимира Великаго мы должны видѣть въ его законодательныхъ реформахъ (его напр. міролюбіе вызвано желаніемъ упрочить общественный порядокъ), то наоборотъ ключъ къ правленію Стефана Душана слѣдуетъ искать въ политическихъ планахъ создать на развалинахъ Византіи византійско-славянскую имперію ¹⁾).

Съ 70-хъ годовъ до самаго изданія разбираемаго сочиненія г. Флоринскаго изученіе Законника Душана почти не двинулось впередъ, хотя и появилось въ печати за это время не мало весьма важныхъ сербскихъ памятниковъ; сочиненіе О. Зигеля тоже не двинулось далѣе перваго выпуска. Причинъ этой остановки въ разработкѣ Законника было много. Для объясненія дѣятельности Душана требовалось цѣлое самостоятельное изслѣдованіе объ отношеніяхъ сербскаго царства къ сосѣднимъ государствамъ, преимущественно къ Византіи; безъ такой исторической подготовки законодательныя работы Душана, какъ находящіяся въ тѣсной связи съ его политическими стремленіями, были не совсѣмъ понятны. Изученіе и описаніе рукописей могло быть выполнено только послѣ тщательныхъ разысканій въ различныхъ библіотекахъ Австріи, Сербіи, Болгаріи; притомъ для того были необходимы различныя филологическія свѣдѣнія, чрезвычайно рѣдко встрѣчаемыя у историковъ-юристовъ. Для пониманія внутренняго устройства сербскаго государства чувствовалась крайняя нужда въ исторіи византійскаго государственнаго права, а исторіей византійскаго права до сихъ поръ главнымъ образомъ занимались ради выясненія римскаго права; только труды почтенныхъ русскихъ византинистовъ, Васильевскаго, Павлова, Успенскаго, начинаютъ объяснять общественный бытъ Византіи ради ея самой. Наконецъ, и это самое главное, резуль-

¹⁾ Тамъ же, стр. 33.

татомъ всѣхъ многолѣтнихъ, чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ разысканій были бы, какъ можно ожидать, однѣ предположенія, а не положительныя данныя; при отсутствіи судебныхъ книгъ и однообразіи сербскихъ грамотъ (почти только жалованныя грамоты въ пользу монастырей и церквей) не было надежды провѣрить, на сколько положенія Законника дѣйствительно проникли въ жизнь и руководили общественнымъ движеніемъ.

Не смотря на всѣ эти только что указанные нами трудности, Т. Д. Флоринскій занялся всестороннимъ выясненіемъ законодательной дѣятельности Душана. Прежде всего онъ напечаталъ въ 1880 г. въ СПбгѣ небольшую работу подъ заглавіемъ: «Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова»; она должна была увеличить матеріалъ для времени перваго сербскаго царя. Въ 1882 г. появилось большое сочиненіе г. Флоринскаго въ 2 частяхъ: «Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка». Этотъ трудъ имѣлъ цѣлью подробно изобразить состояніе Византіи и Сербіи въ первой половинѣ XIV в., а также уяснить отношеніе обоихъ государствъ къ сосѣднимъ странамъ. Такая подготовка была необходима. Р. Губе для выясненія Статутовъ Казимира Великаго чувствовалъ потребность въ изученіи польскаго общественнаго быта XIII-го в., ибо его недостатки побудили Казимира къ законодательной дѣятельности; для г. Флоринскаго необходимымъ введеніемъ должно было быть выясненіе «условія образованія Сербскаго царства и значенія политической дѣятельности Душана»¹⁾, ибо политическіе планы послѣдняго и вызвали его къ законодательнымъ реформамъ. Наконецъ въ 1883 г. издана не большая статья въ Кіевѣ подъ заглавіемъ: «Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV-го в.»; статья эта должна была служить пополненіемъ на основаніи новыхъ памятниковъ и бдльшимъ подтвержденіемъ уже высказанныхъ взглядовъ автора.

¹⁾ *Памятники законодательной дѣятельности Душана* Т. Флоринскаго. Предисловіе, стр. V.

Перечисленные нами работы г. Флоринскаго останавливались болѣе на политическомъ положеніи государствъ балканскаго полуострова; внутреннее состояніе Сербіи и Византіи обращало на себя только вскользь вниманіе автора и притомъ на столько, на сколько оно вліяло на политическія силы Византіи и Сербіи. Эта историко-политическая сторона была только необходимымъ вступленіемъ къ изученію внутренняго состоянія сербскаго царства. Но такъ какъ изданіе и критическое изученіе всѣхъ сохранившихся источниковъ этого времени еще не сдѣлано, то г. Флоринскій и обратился къ поискамъ за новыми матеріалами въ важнѣйшихъ русскихъ и заграничныхъ хранилищахъ рукописей. Эти архивныя разысканія и послужили основаніемъ разбираемаго сочиненія, на которое самъ авторъ смотритъ какъ «на монографію объ источникахъ, относящихся къ области филологической критики, необходимой спутницы критики собственно-исторической» ¹⁾. Конечный выводъ своихъ занятій надъ рукописями г. Флоринскій выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «господствовавшій доселѣ взглядъ на объемъ и характеръ законодательной дѣятельности Душана требуетъ существенной поправки. Дѣятельность эта вовсе не ограничивалась изданіемъ т. н. Законника и грамотъ, какъ обыкновенно думаютъ; она выразилась въ явленіи еще болѣе крупномъ и важномъ: въ обнаруженіи полнаго кодекса сербскихъ законовъ, въ которомъ собственно Душановъ Законникъ представлялъ лишь одинъ небольшой отдѣлъ, и главную основу котораго составляли сборники византійскихъ законовъ — сокращенная Синтагма М. Властаря и «Законъ царя Юстиніана» ²⁾. Такъ какъ два послѣднихъ памятника не были обследованы, то особенное вниманіе г. Флоринскаго было обращено на изученіе ихъ текстовъ и редакцій, критическое ихъ изданіе, подысканіе для нихъ греческихъ подлинниковъ и сличеніе съ послѣдними, опредѣленіе времени ихъ происхож-

¹⁾ Тамъ же, стр. VI.

²⁾ Тамъ же, стр. VII.

денія, наконецъ уясненіе ихъ отношенія къ сербскому Законнику Душана. Относительно Законника г. Флоринскій ограничился сравнительно-критическимъ изученіемъ доступныхъ ему рукописей, классификаціей ихъ и рѣшеніемъ вопроса о редакціи памятника. Наконецъ въ систематическомъ обзорѣ грамоть Душана выдѣлены всѣ законы и царскія повелѣнія, а также всѣ данныя для характеристики внутренняго состоянія Сербіи ¹⁾.

Къ сочиненію присоединены приложенія, заключающія въ себѣ доселѣ неизданные памятники; важнѣйшіе изъ нихъ: два Григоровичевыхъ списка Законника, Раковецкая рукопись, сокращенная Синтагма М. Властаря (по 10 рукописямъ) и «Законъ царя Юстиніана» (по 6 рукописямъ) ²⁾.

И такъ въ обширномъ трудѣ г. Флоринскаго заключаются двѣ стороны. Мы находимъ въ немъ изложеніе многолѣтнихъ архивныхъ разысканій и критическія изданія весьма цѣнныхъ памятниковъ, а также совершенно новый взглядъ на законодательную дѣятельность Стефана Душана. Мы отмѣчаемъ уже теперь эти двѣ стороны, потому что онѣ не безусловно связаны между собою; если новый взглядъ на Законникъ Душана и не будетъ усвоенъ наукою, напечатанные результаты архивныхъ занятій отъ этого нисколько не утратятъ своей цѣны.

Мы установили научныя требованія, которыя можно предъявлять къ работамъ, подобнымъ сочиненію г. Флоринскаго; мы опредѣлили состояніе литературной разработки законодательной дѣятельности Душана до появленія трудовъ г. Флоринскаго, а также указали на чрезвычайныя трудности затронутыхъ имъ вопросовъ; отмѣтили направленіе предшествующихъ работъ г. Флоринскаго и охарактеризовали словами самаго автора разбираемый трудъ. Послѣ этого общаго взгляда на сочиненіе г. Флоринскаго мы можемъ приступить къ спеціальному его разбору.

Введеніе (1 — 25) заключаетъ въ себѣ сопоставленіе резуль-

¹⁾ Тамъ же, стр. VII.

²⁾ Тамъ же, стр. VIII.

татовъ, добытыхъ, какъ въ первыхъ трудахъ автора, такъ и въ помѣщенныхъ далѣе историко-филологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ немъ авторъ опредѣляетъ личность Душана и его законодательную дѣятельность. Увлеченіе широкими политическими планами и византизмомъ приводитъ Душана не только къ провозглашенію Сербіи царствомъ и къ учрежденію патриаршества, но и къ законодательству. Последнее состоитъ изъ сербской, т. е. отчасти измѣненной и дополненной примѣнительно къ потребностямъ сербскаго народа и государства, кодификаціи византийскаго права въ формѣ извлеченія изъ Синтагмы Матвея Властаря и такъ называемаго Закона царя Юстиніана; собственно Законникъ представляетъ сербскіе законы, какъ дополненіе къ византийскому законодательству. Цѣлый этотъ кодексъ имѣлъ свою любопытную исторію и долго сохранялъ свое значеніе послѣ паденія сербскаго царства, въ турецкій періодъ. Самъ Законникъ не внесъ коренныхъ измѣненій въ государственный и общественный строй Сербіи, а напротивъ подтвердилъ его въ томъ видѣ, какъ онъ постепенно складывался въ теченіе двухъ столѣтій. Онъ узаконилъ привилегированное положеніе властелей и духовенства, утвердилъ печальное состояніе простаго народа и даже сохранилъ рабство. Это отсутствіе радикальныхъ реформъ ко благу народныхъ массъ, очевидно, находитъ себѣ полное объясненіе въ нежеланіи раздражать вліятельныя сословія, при помощи которыхъ Душанъ занялъ королевскій, затѣмъ царскій престолъ и надѣялся, можетъ быть, завоевать Константинополь. При всемъ томъ Законникъ имѣетъ и свѣтлыя стороны. Въ немъ проявляются стремленія Душана упорядочить монастырскую жизнь и поднять народную нравственность, обезпечить правильное отправленіе правосудія, уничтожить незаконные судебные поборы, прекратить разбои, грабежи и другія всевозможныя насилія, ограничить разнообразныя злоупотребленія властелей, пресѣчь пропаганду католицизма, поднять торговлю посредствомъ безопасности торговцевъ и свободы торговли, наконецъ улучшить состояніе убогихъ.

Такъ какъ введеніе составляетъ выводъ изъ всего послѣдующаго, то поэтому только критическимъ разборомъ дальнѣйшаго получимъ возможность отдѣлить доказанное отъ сомнительнаго. Сдѣлаемъ здѣсь только два замѣчанія. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе національной идеи, говоря, на стр. 6, что Душанъ не повялъ идеи національнаго и политическаго единства сербскаго народа и принесъ ее въ жертву широкимъ планамъ на юго-востокѣ, а на стр. 12, что этнографическая пестрота населенія была причиною отсутствія внутренняго единства, политической сплоченности. Въ средніе вѣка не только у Сербовъ и вообще у Славянъ, но и на западѣ только еще складывались большія національности. Людей соединяла преимущественно религія, затѣмъ занятія (военные со своими рыцарскими орденами, купцы съ гильдіями, ремесленники съ цехами). Самъ Неманя не является только объединителемъ сербскихъ земель; онъ стремится также въ Болгарію ¹⁾. Точно также слабость Душанова царства вытекала между прочимъ не столько изъ разноплеменности, сколько изъ глубокихъ культурныхъ различій между Греками, Сербами, Албанцами, Румынами. Что же касается вопроса о томъ, что новаго внесло законодательство Душана въ строй сербскаго народа и государства (стр. 17), то этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ окончательно только посредствомъ сравненія додушановскаго и послѣдушановскаго сербскаго общественнаго быта, а этого до сихъ поръ еще не сдѣлано.

Въ первомъ отдѣлѣ (26—168) г. Флоринскій даетъ намъ систематическое обозрѣніе грамотъ Душана, сохранившихся въ формѣ хрисовуловъ и простагмъ, или повель. Подъ хрисовуломъ понималась такая царская грамота, къ которой привѣшена золотая печать ²⁾; повеля есть переводъ греческаго *πρόσταγμα*, обоз-

¹⁾ Флоринскаго, Южные Славяне и Византія. Ч. II, стр. 10, 11.

²⁾ Hist. du droit byzantin par Mortreuil. Paris. MDCCCXLVI. t. III, стр. 127, 8. Относительно Сербіи: «свѣтли и златопечатни хрисовула крајства ми». 1345 г. № 2, стр. 67. Аеонскіе акты Т. Флоринскаго; «въ сіемъ златопечатленемъ хрисовуле». 1347 г. № CXII, стр. 127. Mon. serb. ed. Miklosich. Vien-

начавшаго царское повелѣніе ¹⁾. Въ Византіи не дѣлалось различія между разнообразными актами, выходившими отъ императора; въ Сербіи тѣмъ менѣе можно было ожидать этого. При всемъ томъ необходимо отмѣтить хрисовулы и простагмы отъ законовъ. Всѣ хрисовулы, при всей своей чрезвычайной важности, имѣютъ характеръ жалованныхъ грамотъ или международныхъ договоровъ, т. е. устанавливаютъ для извѣстной мѣстности или извѣстныхъ лицъ, въ видѣ льготы, исключенія, слѣдовательно по самому своему существу противорѣчатъ законамъ, какъ общимъ правиламъ для подданныхъ государства. Повели, какъ разрешающія обыкновенно какой-либо частный случай, еще менѣе подходятъ подъ понятіе закона. Значеніе хрисовуловъ и повелѣй чрезвычайно важно не какъ собранія законовъ, а какъ памятниковъ, раскрывающихъ передъ нами планы и мысли Душана. Съ этой точки зрѣнія г. Флоринскій мастерски и воспользовался документами Меникейскаго монастыря въ своемъ сочиненіи: «Южные Славяне и Византія» ²⁾. Хотя этотъ отдѣлъ о грамотахъ Душана и слѣдовало выдѣлить изъ той связи, въ какой онъ находится, тѣмъ не менѣе мы должны благодарить г. Флоринскаго за прекрасную критическую оцѣнку отдѣльныхъ грамотъ; онъ выдѣлялъ подложныя, подозрительныя и несомнѣнныя, онъ опредѣлялъ время написанія, приложилъ объясненія, иной разъ весьма подробныя (напр. стр. 80 и слѣд., 93 и слѣд.), установилъ лицъ, которыя выдали или къ которымъ относятся грамоты.

Дѣлаемая авторомъ выписки всего важнаго для сербскаго общественнаго быта кажутся намъ вполнѣ излишними. Онѣ имѣли-бы значеніе, если бы были приведены въ извѣстную систему; тогда онѣ пополюняли-бы и объясняли-бы одна другую.

пае. 1858; «записа се сизи златошпечатни хрисовѣль царства ми». 1849. № СХХVII, стр. 148 тамъ же. Иногда форма хрисовула придавалась судебнымъ рѣшеніямъ: стр. 71 № 5 и 73 № 6. Аеон. акты Т. Флорин.

¹⁾ Hist. du droit byz. par Mortreuil. t. III, стр. 125.

²⁾ Ч. II, стр. 111—121.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ важность ихъ еще болѣе увеличилась бы, если бы авторъ расширилъ свою задачу до изображенія историческаго очерка сербскаго быта, какъ введенія къ законодательной дѣятельности Душана. вмѣсто этихъ выписокъ желательно было бы найти хотя нѣкоторыя данныя объ исторіи византійско-сербской грамоты. Этотъ вопросъ совсѣмъ не затронуть въ литературѣ, а между тѣмъ онъ далъ себя чувствовать и г. Флоринскому; его оцѣнка достовѣрности грамоты чрезвычайно облегчилась бы, если бы онъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія объ обычной формѣ и содержаніи разнообразныхъ видовъ грамотъ въ Византіи. Для этого нужны не столько юридическія, сколько филологическія познанія, а для г. Флоринскаго, такъ много трудившагося въ архивахъ, кажется это даже не представляло особеннаго труда ¹⁾. Далѣе желательно было бы сопоставленіе языка сербскихъ хрисовуловъ и повель съ греческими памятниками того же рода. Эта работа филологическаго характера чрезвычайно важна для юридическихъ изслѣдованій. Было бы большимъ приобрѣтеніемъ для науки, если бы удалось подъ покровомъ латинскаго языка католическихъ славянъ и славянскихъ терминовъ, рабски составленныхъ по греческимъ образцамъ у православныхъ, открыть настоящія выраженія для юридическихъ понятій у славянъ. Весьма возможно, что и въ греческихъ грамотахъ найдется славянское вліяніе, какъ это усмотрѣлъ г. Флоринскій въ одномъ греческомъ хрисовулѣ Душана (стр. 73). Наконецъ укажемъ на одно упущеніе. Г. Флоринскій доказалъ ранѣе ²⁾ и подтвердилъ во многихъ мѣстахъ разбираемаго сочиненія дѣленіе сербскаго царства Душана на двѣ половины, управляемая одна по сербскимъ, а другая по византійскимъ установле-

¹⁾ Г. Флоринскій имѣлъ нѣкоторыя чисто эмпирическія свѣдѣнія объ этомъ, см. стр. 165, 167. Только послѣ изложенія исторіи византійской грамоты возможно возстановленіе по ней нѣкоторыхъ формъ сербскихъ грамотъ, почти для насъ утраченныхъ, о чемъ говоритъ г. Флоринскій на стр. 141. Хорошимъ образцомъ для такой работы можетъ служить Бруннера *Zur Rechtsgesch. der. roemisch. und german. Urkunde*. Berlin. 1880.

²⁾ Южные Славяне и Византія, ч. II, стр. 106 и 107.

ніямъ и обычаямъ. При обзорѣни грамотъ необходимо нужно было обратить вниманіе на это, такъ какъ иначе данныя, относящіяся къ византійскому устройству, могутъ быть отнесены къ Сербіи. Между тѣмъ г. Флоринскій этого не сдѣлалъ.

Отдѣлъ II (стр. 169—284) составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей сочиненія г. Флоринскаго. Здѣсь изложенъ результатъ многолѣтнихъ его архивныхъ разысканій. До его трудовъ мы имѣли крайне несовершенныя свѣдѣнія о рукописяхъ Законника; писатели обыкновенно довольствовались классификаціей рукописей, сдѣланной еще Шафарикомъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Г. Флоринскій далъ намъ, послѣ сравнительно-критическаго изученія всего извѣстнаго доселѣ рукописнаго матеріала, подробное описаніе рукописей (175—263) и на основаніи его классифицировалъ списки Законника по степени древности самыхъ списковъ, по степени древности представляемыхъ ими редакцій и по общему количеству содержащихся въ нихъ статей (263—268). Если автору не удалось установить болѣе точной классификаціи, то причина этого заключается въ самихъ описываемыхъ памятникахъ. Чрезвычайно трудно возстановить генеалогическую связь рукописей; притомъ послѣднія рѣдко помѣчены годами (изъ болѣе древнихъ только одна Быстрицкая), а порядокъ распредѣленія статей также не давалъ никакихъ точекъ опоры. Поэтому неудивительно, что описаніе рукописей доставило гораздо менѣе данныхъ для исторіи нашего памятника, чѣмъ описаніе рукописей Статутовъ Казимира Великаго для возстановленія первоначальнаго ихъ текста.

Подробное изученіе рукописей привело почтеннаго автора къ существенному измѣненію взгляда на происхожденіе и редакцію Законника (269—284). вмѣсто прежняго общераспространеннаго мнѣнія о возникновеніи Законника на двухъ соборахъ 1349 г. и 1354 г., г. Флоринскій высказалъ слѣдующее положеніе: «На соборѣ 1349 г. было положено только начало Законнику. Здѣсь выработана первоначальная его редакція, вѣроятно, заключавшая болѣе большую часть извѣстныхъ намъ статей. Впослѣд-

ствіи, въ теченіе слѣдующихъ 6 лѣтъ, къ ней постепенно прибавлялись новыя постановленія, исходившія прямо отъ лица царя. Въ полномъ своемъ видѣ Законникъ, насколько возможно его возстановить по дошедшимъ до насъ рукописямъ, представляетъ законодательный памятникъ, который творился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ столько же плодомъ дѣятельности собора 1349 г., сколько актомъ личной мудрости знаменитаго основателя Сербскаго царства» (274).

Это положеніе г. Флоринскаго можетъ быть принято только отчасти. Я считаю весьма правдоподобнымъ, что въ Законникѣ находятся статьи, заимствованныя изъ царскихъ повелѣній, изданныхъ между 1349 и 1355 г., и только въ послѣдствіи внесенныя въ Законникъ логофетомъ. Самъ характеръ нѣкоторыхъ статей, по справедливому замѣчанію г. Флоринскаго, указываетъ на это; этимъ также весьма естественно объяснить разнообразіе въ количествѣ статей и различіе въ ихъ распредѣленіи. Но существованіе собора 1354 г., на которомъ были изданы дополненія къ Законнику, отрицать трудно. Не говоря уже объ отмѣткѣ въ 5 древнихъ спискахъ (Ходошскомъ, Призрѣнскомъ, Второмъ Григоровичевомъ, Быстрицкомъ и Раковецкомъ) о 1354 г., чему авторъ напрасно не придаетъ значенія въ смыслѣ собора, за изданіе соборныхъ дополненій говоритъ ст. 166 Призрѣнскаго списка, которую авторъ не устранилъ своимъ объясненіемъ ¹⁾.

¹⁾ Ст. 166 гласитъ слѣдующее: «О приети людѣи. За людѣи. Кто боудѣ чѣга чловѣка пріель *прежде сіега събора*, да се ище *првымъ соудомъ*, како пише *оу првымъ законьникуоу*. Русскій дословный совершенно вѣрный переводъ, сдѣланный г. Флоринскимъ: «О людяхъ (зависимыхъ). Кто привялъ чьего чловѣка до сего собора, пусть (тотъ чловѣкъ) разыскивается первымъ судомъ, какъ написано въ первомъ Законникѣ». Авторъ говоритъ, что ссылка этой статьи могла бы быть отнесена только къ статьѣ 116 Пр. сп. (101 Ход.): «И кто исть чѣга чловѣка пріель ис тоужде землю, а оны не побѣглы отъ своего господара отъ соуда, ако даа книгу милостну цареву, да се не потвори, ако ли нѣ дасть милости да моу се врати»; между тѣмъ эта статья повторена въ послѣдствіи почти дословно въ ст. 141 Пр. сп. среди статей, относимыхъ къ собору 1354 г.: «О приемани чловѣка. Повелѣва царство ми: никто ничѣга чловѣка да не прима, ни царство ми, ни господа царица, ни пркьва, ни властѣлинь, ни прочіи любо кто чловѣкъ да не приими ничѣга чловѣка безъ книгѣ

Приведенныя въ примѣчаніи несообразности взаимнаго отношенія статей 166, 116 и 141 Пр. сп. падаютъ сами собою, если придать надлежащій смыслъ ст. 116, на которую только и можетъ ссылаться ст. 166. Въ ст. 116 запрещается принимать безъ царской грамоты на свои земли людей, бѣжавшихъ отъ господскаго, т. е. патримоніальнаго суда («а онъ ꙗ побѣгль отъ своега господара отъ соуда»). Практическое значеніе этой плохо отредактированной статьи состояло въ обезпеченіи правосудія, на что особенно было обращено вниманіе Душана. Требовалось устранить безнаказанность крестьянъ въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію патримоніальнаго суда, а потому необходимо было прекратить побѣги крестьянъ отъ господскаго суда. Далѣе желательно было уничтожить злоупотребленія, возможныя при судогвореніи въ патримоніальномъ судѣ. Наконецъ слѣдовало охранить отъ господской мести крестьянина, бѣжавшаго отъ злоупотребленій господскаго суда и обращавшагося съ основательными жалобами къ царю. Всѣхъ этихъ трехъ цѣлей и стремится достигнуть ст. 116. Она говоритъ, что человекъ, бѣжавшій отъ патримоніальнаго суда, возвращается назадъ къ прежнему господину, который такимъ образомъ можетъ снова привлечь его къ отвѣтственности. Но отсюда ст. 116 дѣлаетъ одно важное исключеніе, именно дозволяетъ переселеніе на другія земли бѣглецовъ, получившихъ «книгу милостну цареву», т. е. оправданныхъ придворнымъ царскимъ судьей. И такъ, по моему мнѣнію, ст. 116 находится въ тѣсной связи со ст. 71 Пр. сп. ¹⁾, на основаніи

царства ми, такози да се каже кто любо, како и невѣрныкъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Флоринскаго, оказывается, что въ обѣихъ статьяхъ равнообразно запрещенъ приемъ чужихъ людей безъ царской грамоты, т. е. не находится въ наличности то различіе условій, на которое указываетъ ст. 166 въ словахъ: «да се ище прьвымъ соудомъ, како нише оу прьвымъ законьникоу». Поэтому г. Флоринскій считаетъ исключительно возможнымъ относить слова: «спрежде сіега събора» къ собору 1349 г., а слова: «оу прьвымъ законьникоу» къ законамъ, изданнымъ кѣмъ-либо изъ предшественниковъ Душана или самимъ Душаномъ до собора 1349 г.

¹⁾ И кто невольнъ домде на дворъ царевъ, да се въсакомѣ оучини правда, свѣтъ отрока властешскаго.

которой всѣмъ несвободнымъ, кромѣ властельскаго раба, воздается на царскомъ дворѣ справедливость. Въ Законникѣ 1349 г. нѣтъ, думаю я, статей, прикрѣпляющихъ крестьянъ къ землѣ¹⁾; онѣ возникли позже. Когда свободный переходъ крестьянъ былъ запрещенъ, тогда понадобилось лишить этотъ законъ обратнаго дѣйствія, что и было достигнуто ссылкой статьи 166 на: «пръвыи соудъ, како пише оу пръвыимъ законъникоу», т. е. на ст. 116. Послѣ этого ст. 116, очевидно, сдѣлалась первоначальною формою закона о преслѣдованіи бѣлаго челоуѣка.

Кромѣ того слово: «законъникъ» никогда не употребляется въ смыслѣ одного какого-либо закона, а въ смыслѣ дѣлаго собранія различныхъ по своему содержанію узаконеній, напр. «законъникъ светыхъ штьць». Между тѣмъ о Законникѣ, изданномъ до Душана, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Вообще въ Законникѣ Душана послѣдовательно проведено различіе между закономъ, какъ однимъ общеобязательнымъ правиломъ, безразлично вытекало-ли его обязательность изъ обычая или воли государственной власти, и между Законникомъ, какъ собраніемъ въ одно цѣлое такихъ общеобязательныхъ постановленій.

Закрѣпощеніе крестьянъ, по моему мнѣнію, не могло быть прямо установлено въ Законникѣ 1349 г. Защита бѣдныхъ и убогихъ отъ притѣсненій сильныхъ считалась въ Византіи одною изъ важнѣйшихъ обязанностей царя; тоже самое мы замѣчаемъ

¹⁾ Ст. 93, 118 и слѣдующая за 22, но не помѣченная Пр. сп. относятся, по моему мнѣнію, къ личной зависимости людей, вытекающей или изъ рабства, или изъ долговыхъ обязательствъ. Ст. 64, запрещающая даже священникамъ въ вотчинныхъ церквяхъ оставлять своихъ господъ, вѣроятно позднѣйшаго происхожденія (см. у Фл. стр. 278 и 279). Кажется находится также одинъ намекъ на свободный переходъ крестьянъ. Ст. 30 Пр. сп. повелѣваетъ держать управителей церковныхъ имѣній связанными, въ случаѣ если они разогнали церковныхъ меропховъ и влаховъ, до тѣхъ поръ, пока они не соберутъ разогнанныхъ. Если бы уходъ такой могъ исключительно произойти въ формѣ убѣга, тогда трудно допустить у управителей возможность снова собрать церковныхъ крестьянъ; но если послѣдніе только подъ вліяніемъ притѣсненій оставили церковныя земли и перешли на сосѣднія, то возвратъ крестьянъ на свои пепелища въ случаѣ прекращенія притѣсненій представлялся дѣломъ весьма возможнымъ.

въ Сербіи (ст. 71, 181 Пр. сп.). Крестьянство и его земли тщателью охранялись византійскимъ законодательствомъ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ постановленій¹⁾. Поэтому трудно, кажется мнѣ, предположить, чтобы Душанъ въ первомъ сербскомъ Уложеніи рѣшился открыто на соборѣ выступить съ закономъ, запрещающимъ свободный переходъ меропховъ, сокальниковъ и т. п. Такія мѣры противъ свободы перехода появились посредствомъ административныхъ распоряженій, какъ это мы видимъ въ Чехіи, Польшѣ, Россіи; въ Сербіи онѣ были слѣдствиемъ политическаго и экономическаго преобладанія властелей. Душанъ такому ходу дѣлъ не препятствовалъ; прикрѣпленіе крестьянства къ землѣ ему могло казаться полезнымъ подѣ влияніемъ податной системы, заимствованной изъ Византіи; притомъ въ увлекающей его Византіи такое прикрѣпленіе было извѣстно еще съ конца III-го вѣка²⁾; даже *νόμος γεωργικὸς* не произвелъ въ этомъ отношеніи существенной перемѣны³⁾. Но между мѣрами относительно розыска бѣглыхъ и прямымъ установленіемъ крѣпостнаго права въ первомъ сербскомъ Законникѣ была громадная разница. Когда уже жизнь сдѣлала свое дѣло, когда появилась масса различныхъ указовъ, направленныхъ противъ бѣглыхъ, тогда несравненно легче было внести содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ указовъ въ соборныя дополненія 1354 г.

Кромѣ измѣненія взгляда на происхожденіе Законника подробное сравнительно-критическое изученіе рукописей дало воз-

¹⁾ О льготахъ крестьянъ еще при Юстиніанѣ см. стр. 225, 6 *Gesch. des griechisch-röm. Rechts von K. E. Zachariä von Lingenthal*. 2-е изд. Berlin. 1877; о состояніи крестьянъ съ VIII-го в., стр. 234—248 тамже; о мѣрахъ къ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія, стр. 248—255 тамже, въ особенности же статья проф. Васильевскаго въ *Ж. М. Н. П. Ч. ССII*, стр. 160 и слѣд. Относительно положенія крестьянъ также весьма важны общіе выводы проф. Васильевскаго о податной византійской системѣ въ *Ж. М. Н. П. Ч. ССХ*, стр. 355 и слѣд.; самыя эти выводы сдѣланы изъ матеріаловъ, разобранныхъ въ *Ж. М. Н. П. Ч. ССII*, стр. 386 и слѣд., ч. ССХ, стр. 98 и слѣд.

²⁾ *Zachariä von Lingenthal. Gesch. des griech.—röm. Rechts*. 2-е изд., стр. 223—233.

³⁾ Тамъ же, стр. 241—248. Нѣкоторыя положенія здѣсь должны быть исправлены по статьямъ, указаннымъ выше, проф. Васильевскаго.

возможность пр. Флоринскому попытаться установить объемъ Законника 1349 г. На основаніи весьма остроумныхъ соображеній онъ отдѣляетъ позднѣйшія дополненія отъ первоначальнаго текста и приходитъ къ мнѣнію, что первое сербское Уложеніе заключало въ себѣ приблизительно 133 ст., а именно: 1—41, 43, 45, 46, 49—55, 57, 58, 61, 62, 63, 65—82, 85—121, 123—130, 132, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 144, 146, 151—154 Пр. сп. Эти результаты могутъ быть приняты, на сколько они не видоизмѣнены предполагаемымъ мною существованіемъ отдѣльныхъ соборныхъ дополненій 1354 г., т. е. Законникъ 1349 г. заключаетъ въ себѣ статьи 1—136 съ указанными г. Флоринскимъ пропусками.

Немаловажную опору мнѣнію пр. Флоринскаго о редакціи Законника и его отношеніи къ другимъ памятникамъ, заимствованнымъ изъ византійскаго права, доставляетъ предполагаемое отсутствіе системы въ Законникѣ 1349 г. Этотъ вопросъ о системѣ, какъ тѣсно связанный съ редакціей Законника, я разсматриваю здѣсь.

Обращаясь къ распредѣленію статей въ древнѣйшихъ спискахъ, распредѣленію, извѣстному намъ благодаря указаніямъ почтеннаго автора, мы видимъ, что различіе далеко не представляется значительнымъ. Если мы признаемъ вѣстѣ съ пр. Флоринскимъ, что дополненія позднѣйшаго времени иной разъ помѣщались на мѣстахъ, казавшихся писцамъ наиболѣе подходящими, а иной разъ въ концѣ рукописи; если мы къ этому прибавимъ наше наблюденіе, что и сами писцы иногда переставляли статьи ради болѣе систематичности, то найдемъ достаточно обстоятельствъ для разъясненія разнообразія въ распредѣленіи статей. Такого рода смѣшеніе статей наблюдалось и въ рукописяхъ Статутовъ Казимира Великаго, тѣмъ не менѣе удалось доказать систему и даже воспользоваться ею для восстановленія первоначальнаго текста. Впрочемъ необходимо отмѣтить, что системы можно искать только въ Законникѣ 1349 г., а не въ дополненіяхъ 1354 г.

Если сравнимъ между собою древнѣйшіе по степени представляемыхъ редакцій списки, то придемъ, кажется, къ убѣжденію въ существованіи двухъ различныхъ типовъ рукописей относительно распредѣленія статей. Какъ видно изъ сопоставленія статей, сдѣланнаго весьма тщательно пр. Флоринскимъ, порядокъ статей въ спискахъ Первомъ Григоровичевомъ, Призрѣнскомъ, Ходошскомъ и Быстрицкомъ весьма близокъ между собою. Отъ нихъ довольно рѣзко отличается Второй Григоровичевъ списокъ. Различіе обоихъ типовъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что система перваго типа, какъ увидимъ ниже, носятъ на себѣ слѣды византійскаго вліянія и потому не легко поддается объясненію; напротивъ того система Втораго Григоровичева списка возникла подъ вліяніемъ желанія писца, незнакомаго съ разнообразными попытками юридической систематики, разставитъ статьи въ порядкѣ ихъ естественной послѣдовательности ¹⁾.

Послѣ этихъ замѣчаній нетрудно рѣшить вопросъ о томъ, какой типъ распредѣленія статей ближе къ неизвѣстному подлиннику. За первый типъ говорятъ не только бѣльшее количество списковъ и ихъ бѣльшая древность, но и приведенныя только что мною соображенія. Писецъ Вт. Гр. сп. измѣнилъ отчасти систему потому, что ея пониманіе для него уже было утрачено; самъ онъ руководился только здравымъ смысломъ, ибо не имѣлъ

¹⁾ Такъ напр. ст. 18—20 Вт. Гр. сп. поставлены между статьями о монастырскомъ управленіи; тѣже статьи въ Пр. сп. (33—35) составляютъ какъ-бы переходъ къ статьямъ о мірянахъ (ст. 35 запрещаетъ назначать мірянъ экзархами, а со ст. 37 идутъ статьи о властеляхъ). Ст. 38 и 39 Вт. Гр. сп. о священникахъ, близкія по содержанію, находятся одна подлѣ другой; напротивъ въ Пр. сп. онѣ раздѣлены цѣлымъ рядомъ статей (29 и 64) и т. д. и т. д. Но самое характерное и важное различіе заключается въ томъ, что во 2 Гр. сп. нѣсколько статей (65—69) о судебномъ правѣ поставлены между статьями о различныхъ видахъ крестьянъ, какъ будто-бы онѣ относились только къ этимъ людямъ. Если обратиться къ Пр. списку (65, 77, 91, 103—104), то оказывается, что въ немъ между статьями о населеніи въ Сербіи находится одна ст. объ отношеніи задруги къ суду. Эта то ст. (65 Пр. сп.) и вызвала, вѣроятно, въ мысляхъ писца воспоминаніе о судебномъ правѣ, а поэтому и была причиною того, что писецъ счелъ возможнымъ помѣстить упомянутыя ст. о судѣ непосредственно за нею.

юридическаго образованія. Наконецъ изъ всѣхъ списковъ 1-го типа особенное вниманіе заслуживаетъ Пр. сп., какъ по своей полнотѣ, такъ и по своей древности.

Обращаясь теперь къ этому списку, я нахожу, что въ немъ статьи Законника 1349 г. разставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Церковное право, ст. 1—36.
2. Міряне и ихъ общественное положеніе, ст. 37—72.
3. Имущественныя отношенія, ст. 73—83.
4. Уголовное и судебное право, ст. 84—112.
5. Публичное право, ст. 113—136.

Замѣтимъ при этомъ, что такую же систему можно наблюдать и во 2-мъ Гр. сп., т. е. во второмъ типѣ, за исключеніемъ указанной мною въ примѣчаніи особенности ¹⁾. Первый Гр. сп., особенно цѣнимый авторомъ за свою древность, также имѣетъ такой же распорядокъ статей ²⁾.

Намъ остается выяснитъ смыслъ такой системы. Въ первые вѣка государственной жизни у всѣхъ Славянъ замѣчается борьба двухъ началъ, старыхъ, еще унаслѣдованныхъ отъ язычества и крѣпко державшихся въ народныхъ массахъ, и новыхъ, внесенныхъ западною или византійскою образованностію. Эти противоположныя между собою представленія постепенно приходили къ примиренію, которое и можетъ быть наблюдаемо во всѣхъ сферахъ славянской общественной жизни. Тоже самое можетъ быть подмѣчено и на системѣ.

Языческое славянство оставило послѣ себя племенныхъ князей, которые положили начало боярству и на западѣ, и на востокѣ. Въ Сербіи этотъ элементъ, подъ влияніемъ благоприятныхъ условій, превратился въ сильное сословіе властелей. Они, вмѣстѣ съ властеличичами, собственно правили страной и, повятно, же-

¹⁾ Церковное право ст. 1—39, міряне и ихъ общественное положеніе ст. 40—75, имущественныя отношенія ст. 76—84, уголовное и судебное право ст. 85—108, публичное право ст. 109—125.

²⁾ Церк. пр. ст. 1—15, міряне и ихъ общественное положеніе ст. 16—29, имущественныя отношенія ст. 30—39, угол. и судеб. пр. ст. 40—67, публ. пр. ст. 68—79.

дали обезпечить вполнѣ свое положеніе законодательнымъ путемъ. Съ точки зрѣнія своихъ эгоистическихъ интересовъ они и смотрѣли на предполагавшееся Душаномъ законодательство. Далѣе, древнеславянскій бытъ не могъ выработать имущественныхъ отношеній. Оборотъ движимостей опредѣлялся началами обычнаго права, которыя славянскій юристъ еще не въ состояніи былъ формулировать; недвижимости почти безъ исключенія находились во владѣніи задругъ, церквей, казны; почти полное отсутствіе личной недвижимой собственности придавало недвижимостямъ большую неподвижность, что чрезвычайно затрудняло выработку общеобязательныхъ нормъ. Вслѣдствіе естественныхъ богатствъ, преимущественно разработки рудниковъ, особенно быстро изъ всѣхъ славянскихъ государствъ развивается Чехія, но и тамъ имущественное, вообще частное право начинаетъ выдѣляться не ранѣе самаго конца XIV в., въ *Výklad'ě* на *právo zemské české* пана Андрея изъ Дубе; Розенбергская книга, *Ordo iudicii terrae* и *Officium circa tabulas terrae* говорятъ объ одномъ судебномъ правѣ. Наконецъ уголовное и судебное право выработалось вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, потому что во всемъ славянскомъ мірѣ въ вѣдѣніи верховной власти и ея судей находилась по преимуществу уголовная юстиція. Въ Сербіи на преступленія смотрѣли какъ на «цареве дългове», за которыя всѣ жители государства должны были идти къ царскимъ судьямъ. Поэтому несомнѣнно о преступленіяхъ и уголовномъ процесѣ имѣлось много наказовъ, рассылаемыхъ верховною властью къ судьямъ. Такъ какъ гражданскій процесъ былъ построенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и уголовный, то не удивительно, что между статьями объ уголовномъ процесѣ нашли себѣ мѣсто статьи о судоустройствѣ, гражданскомъ судопроизводствѣ и даже кой-какія постановленія гражданскаго права (напр. о залогахъ, объ «издавѣ»), имѣвшія близкое отношеніе къ дѣятельности судовъ ¹⁾.

¹⁾ Какъ выкупъ залоговъ, такъ и вводъ во владѣніе происходили только при посредствѣ судебныхъ властей.

Подъ вліяніемъ Византіи возникло въ Сербіи христіанство; слѣдовательно вся организація церкви, монастырской жизни, установленіе и прекращеніе брака должны были опредѣляться началами, чуждыми славянскому языческому міросозерцанію. Византія также со своими обильными юридическими сборниками, и публичнаго, и частнаго происхожденія, должна была имѣть громадное значеніе для приведенія сербскими юристами юридическихъ явленій въ извѣстный порядокъ. Вѣдь памятники византійскаго законодательства не могли быть неизвѣстны въ Сербіи; вѣдь нѣкоторые изъ нихъ даже издавна были распространены тамъ въ славянскихъ переводахъ. И такъ мы въ полномъ правѣ искать вліянія византійскихъ взглядовъ на распорядокъ статей, если только это вліяніе не было парализовано мѣстными условіями.

Обобщая все доселѣ сказанное, я предполагаю найти объясненіе въ мѣстныхъ сербскихъ обстоятельствахъ преобладающему положенію среди мірянъ властелей и властеличичей, такъ что рѣчь о другихъ общественныхъ слояхъ идетъ по стольку, по скольку въ ихъ судьбѣ заинтересовано дворянство, далѣе — крайней скудости постановленій объ имущественныхъ отношеніяхъ, наконецъ — соединенію уголовнаго и судебнаго права въ одно цѣлое. Византійское вліяніе я вижу въ выдѣленіи церковнаго права, въ противоположеніи духовныхъ и мірянъ, въ публичномъ правѣ.

Переходя къ ближайшему анализу системы, я думаю, что *церковное право* выдѣлено и поставлено въ началѣ по примѣру *Василикъ*. Этотъ важнѣйшій византійскій законодательный сборникъ, возникшій при Македонской династіи въ 80-хъ годахъ IX-го в., начинается, по примѣру *Кодекса Юстиніана*, статьями о церковномъ правѣ. Сходство здѣсь замѣчается даже въ частностяхъ:

Basilica.

Законникъ 1349 г.

Lib. I. tit. 1. De summa Trinitate et fide Catholica, et ut Ст. 4 — 12. Объ отношеніи церкви къ ересямъ (отлуче-

Basilica.

Законникъ 1349 г.

nemo de ea publice contendere audeat.

ніе отъ церкви, мѣры къ исправленію, латинская ересь и т. п.).

Lib. III. tit. 1. De episcopis et clericis, et ordinatione et privilegiis eorum.

Ст. 13. О митрополищемъ судѣ.

Lib. IV. tit. 1. De monasteriis et Monachis et Ascetis et conversatione eorum.

Ст. 14—19. О монахахъ.

Lib. V. tit. 1. De Ecclesiis et monasteriis et venerabilibus domibus, et rebus et juribus eorum.

Ст. 22—37. О привилегіяхъ церквей, духовенства и церковныхъ людей; объ охранѣ церковнаго имущества; о владѣніи церквями ¹⁾.

tit. 2. De alienatione et emphyteusi rerum ecclesiasticarum.

tit. 3. De ecclesiasticis canonibus et privilegiis eorum.]

Ст. о бракѣ (1—3) поставлены въ Законникѣ въ самомъ началѣ ²⁾ подѣ влияніемъ мѣстныхъ условій. Въ Сербіи на бракъ смотрѣли исключительно съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, какъ на таинство. Въ Византіи колебались между старымъ взглядомъ на бракъ, какъ на договоръ (*solus consensus facit nuptias*), и христіанскимъ ученіемъ о супружествѣ ³⁾. Ст. 20, 21 и еще одна за нею слѣдующая, но не помѣченная, помѣщены

¹⁾ Даже отсутствіе группировки статей по предметамъ (напр. ст. о привилегіяхъ разбросаны) объясняется влияніемъ Василіикъ, въ которыхъ напр. ст. о свободѣ церквей отъ повинностей помѣщена въ Lib. V, и въ tit. 1. § 4, и въ tit. 3. § 6.

²⁾ Въ Basilica въ книгѣ XXVIII, но зато въ Эклогѣ и Прохиронѣ тоже въ самомъ началѣ.

³⁾ *Gesch. des griech.-röm. Rechts von Z. von Lingenthal. стр. 35—37, 50—52.*

здѣсь или потому, что для нихъ не могли найдти подходящаго мѣста, или потому, что онѣ не находились въ первоначальномъ Законникѣ, а возникли впоследствии. Наконецъ Кн. II Васяликъ, заключающая въ себѣ нѣкоторыя общія начала права, выпущена потому, что она для сербскихъ юристовъ была еще не совсемъ доступна.

Церковь, вслѣдствіе своего неземнаго происхожденія, занимала въ Сербіи съ самаго начала первенствующее положеніе; духовные, какъ наставники народа, какъ умственная сила въ обществѣ, пользовались всегда глубокимъ уваженіемъ. Въ средневѣковой византійской литературѣ попадаетъ даже дѣленіе всего народа на духовныхъ и мірянъ¹⁾. Это дѣленіе, какъ вполне соответствующее міровоззрѣнію среднихъ вѣковъ, должно было быть извѣстно и въ Сербіи. Такимъ образомъ опредѣленіе общественнаго положенія церковныхъ людей различнаго вида невольно должно было породить мысль объ организаціи другой части населенія, *мірянъ*, къ которымъ ст. 35, запрещающая назначать мірянъ экзархами, дѣлала какъ-бы естественный переходъ²⁾. Среди мірянъ первое мѣсто занимали власти и властеличи. Неудивительно поэтому, что отдѣлъ о мірянахъ прежде

¹⁾ Въ словѣ о монашеской жизни патриархъ Антиохійскій Іоаннъ, жившій въ самомъ концѣ XI в. и въ началѣ XII, говоритъ, что передъ императорами иконоборцами «вселенная раздѣлилась на 2 народа почти равночисленныхъ, на живущихъ въ бракѣ и остающихся безбрачными». Ж. М. Н. П. Ч. ССП, стр. 406, 7. Тотъ же самый взглядъ оказалъ вліяніе на выработку системы западноевропейскихъ каноническихъ сборниковъ. Vincentius изъ Beauvais въ своемъ *Speculum doctrinale* такъ объясняетъ возникновеніе 3-й книги въ этихъ памятникахъ: «Такъ какъ дагѣе человѣчество распадается на 2 класса, на духовныхъ и свѣтскихъ, и должно быть управляемо двоякимъ образомъ, естественнымъ правомъ и обычаями, такъ какъ образъ жизни духовенства и его положеніе стоитъ, по своему назначенію, несравненно выше жизни людей свѣтскихъ, то 3-я книга занимается прежде всего бытомъ духовенства». Philipps Kirchenrecht. 4 T. 1851. стр. 219—229.

²⁾ Ст. 36, запрещающая посылать царскихъ коней на прокормъ въ церковныя земли, возникла позже, какъ разрѣшеніе сомнѣнія по этому частному вопросу. Свобода отъ повинности какъ общее начало, было выражено въ ст. 25 относительно церквей и въ ст. 32 относительно церковныхъ людей вообще.

всего стремится опредѣлить властельскія права и обязанности, вслѣдствіе чего вносятся сюда даже статьи о преступленіяхъ, особенно свойственныхъ властелямъ или такихъ, въ которыхъ обижаящій или обиженный — властель; на томъ же основаніи помѣщены здѣсь процессуальныя преимущества властелей (ст. 37 — 61)¹⁾. За властелями слѣдуютъ статьи о другихъ общественныхъ слояхъ, въ порядкѣ ихъ болѣе и болѣе уменьшающагося общественнаго значенія, а именно о горожанахъ (ст. 62), о зависимыхъ священникахъ (64), о различныхъ видахъ крестьянъ (65²⁾ — 67). Послѣ изложенія правъ и обязанностей различныхъ общественныхъ слоевъ сгруппированы статьи общаго содержанія, не имѣющія отношенія къ извѣстному опредѣленному классу (68 — 72). Во главѣ этихъ статей поставлена ст. о себряхъ (68), т. е. о непривилегированномъ сербскомъ населеніи; эта статья даетъ понять, что и слѣдующія за нею статьи имѣютъ въ виду сербскій простой народъ. Наконецъ ст. 63, о свободѣ отъ налоговъ и повинностей сироты, помѣщена передъ статьею о зависимомъ священникѣ потому, что въ ней указывается для опредѣленія объема свободы сироты на свободу священниковъ.

Какъ въ церковномъ правѣ за статьями о духовенствѣ слѣдовали статьи о его имущественныхъ отношеніяхъ, точно такъ же вполне естественъ былъ переходъ отъ изложенія общественнаго положенія мірянъ къ изображенію ихъ *имущественныхъ отношеній*. Этими отношеніямъ посвящено, по вышеуказаннымъ причинамъ, очень мало статей въ Законникѣ и, кромѣ того, онѣ преимущественно излагаются съ процессуальной точки зрѣнія. Обѣ эти особенности вполне соответствуютъ той ступени развитія, на которой тогда находилась Сербія. Отвлеченныя понятія о правѣ собственности, правѣ на чужую вещь, о владѣніи и т. п. были еще недоступны для общества; они сознавались только въ

1) Зак. Стеф. Душ. Зигеля, стр. 106 и 107.

2) Ст. 65 о задругѣ поставлена въ началѣ статей о крестьянахъ потому, что задруги особенно крѣпко держались по селамъ, въ народныхъ массахъ.

моментъ ихъ нарушенія, т. е. на нихъ могли смотрѣть только съ процессуальной стороны. Наконецъ отмѣтимъ нѣкоторое сходство по содержанію этой части Законника съ тит. XXXVIII Прохирона, за которымъ въ Прохиронѣ, какъ и въ Законникѣ, слѣдуетъ уголовное право.

Какъ я уже замѣтилъ, соединеніе *права уголовного и судебнаго* въ одну группу произошло по причинамъ мѣстнымъ, славяносербскимъ, но отсутствіе порядка въ распредѣленіи статей было, кажется, слѣдствіемъ неимѣнія образцовъ въ Византіи. Ни въ Эклогѣ (tit. 17), ни въ Прохиронѣ (tit. XXXIX), ни въ Василікахъ (кн. LX) мы не находимъ руководящей мысли въ распредѣленіи статей о преступленіяхъ. Произошло это, думаю я, по слѣдующимъ причинамъ. Система преторскаго эдикта оказала громадное вліяніе на Дигесты и Кодексъ, а черезъ ихъ посредство на византійское право. Распредѣленіе матеріала въ преторскомъ эдиктѣ опредѣлилось различіемъ обыкновенныхъ (*jurisdictio*) и чрезвычайныхъ (*imperium*) средствъ защиты права¹⁾. Въ группѣ статей о *jurisdictio* поставлена только кража, на которую Римляне смотрѣли съ частной точки зрѣнія, всѣ-же остальные преступленія, подсудныя преторамъ, помѣщены въ отдѣлъ объ *imperium*, ибо частнаго *judex*'а здѣсь замѣняли *rescriptatores*²⁾. Порядокъ преторскаго эдикта въ отдѣлѣ объ *imperium* опредѣлялся экономической точкою зрѣнія, т. е. цѣною предмета спора, къ которой отчасти присоединялись и другія соображенія³⁾. Кромѣ преторскаго эдикта существовали важные уголовные законы, комментируемые римскими юристами (*lex Cornelia de sicariis et veneficis*, *lex Julia de vi publica et privata* и т. д.); порядокъ комментариевъ здѣсь, очевидно, зависѣлъ отъ изложенія каждаго отдѣльнаго закона. Хотя редакторы Дигестовъ и Кодекса соединили уголовное право въ одно цѣлое (*Dig. XLVII* и *XLVIII*,

¹⁾ Das edictum perpetuum von Dr. Otto Lenel. Leipzig. 1883. стр. 19—23, стр. VIII.

²⁾ Тамъ же, стр. 20, 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 33, 34.

Cod. IX), тѣмъ не менѣе они не сѣумѣли внести извѣстную систему въ этотъ разновременно сложившійся матеріалъ: Византійскіе юристы также не змогли справиться съ этою задачею, ибо въ Византіи мы находимъ законовѣдовъ, а не ученыхъ юристовъ¹⁾; сербскимъ-же юристамъ это совсѣмъ уже не было по силамъ. Присоединеніе къ уголовному праву права судебного, обыкновенно въ римско-византійскихъ сборникахъ помѣщаемого ближе къ началу, должно было еще болѣе увеличить отсутствіе единства и затруднить систематизацію.

Переходъ отъ права уголовного къ *праву публичному* объясняется византійскимъ вліяніемъ. Еще въ нѣкоторыхъ краткихъ обзорахъ римскаго до-юстиніанова права, вслѣдъ за изложеніемъ преторскаго эдикта, въ самомъ концѣ помѣщались *leges de publicis judiciis*, что оказало вліяніе на мѣсто уголовного права въ Дигестахъ и на Институціи²⁾. Изъ этихъ-то зародышей съ теченіемъ времени выдѣлилось съ одной стороны право уголовное, съ другой — публичное. Это произошло по многимъ причинамъ. Уголовное право уже тогда рассматривалось, какъ часть публичнаго права; порядокъ сочиненій часто опредѣлялся системою преторскаго эдикта, въ которомъ Римляне не находили мѣста для публичнаго права, такъ что волей, неволей приходилось необходимыя дополненія ставить на концѣ; наконецъ публичное право, какъ позже всего выработавшееся, естественно замыкало собою все произведеніе³⁾. Такимъ образомъ легко объяснимо помѣщеніе публичнаго права въ концѣ Дигестовъ и Кодекса, вслѣдъ за уголовнымъ правомъ. Тоже самое мѣсто занимаетъ публичное

¹⁾ Такъ характеризуетъ Цахаріа-фонъ-Лингенталь византійскую юриспруденцію, стр. 381. *Gesch. des griech.—roem. Rechts*. Berlin. 1877.

²⁾ *Leist. Versuch einer Gesch. der roem. Rechtssysteme*. 1850. стр. 41, прим. 1.

³⁾ Юристы первыхъ временъ имперіи (Labeo, Capito, Sabinus) изучали еще *jus pontificium*, *augurale* и связанное съ нимъ *jus publicum*, но послѣ прекращенія династіи Юліевъ вниманіе было исключительно поглощено практикою; занятіе публичнымъ правомъ было предоставлено грамматикамъ и любителямъ древностей, стр. 671, 696. *Roem. Rechtsgesch. v. Karlowa*. I. 1885.

право въ Эклогѣ¹⁾ и Прохиронѣ²⁾, двухъ сборникахъ издавна распространенныхъ на славянскомъ югѣ. Кромѣ того византийское вліяніе отразилось и на распредѣленіи статей въ самой этой группѣ. Еще въ Дигестахъ и Кодексѣ были соединены вмѣстѣ статьи о городахъ, а также статьи о военномъ правѣ. Тоже самое мы замѣчаемъ и впоследствии. Хотя Василіки оканчиваются уголовнымъ правомъ, а право публичное въ нихъ, не безъ вліянія Эпанагоге³⁾, болѣею частію поставлено въ началѣ, тѣмъ не менѣе и тамъ городское право и военное право, каждое, состав-

1) «Эклога состоитъ изъ 18 титуловъ, изъ которыхъ первые 3 говорятъ объ обрученіяхъ, бракахъ и приданомъ; 4-й о дареніяхъ между живыми и на случай смерти; 5 и 6 о духовныхъ завѣщаніяхъ и наследованіи по закону; 7 о попечительствѣ; 8 объ отпущеніяхъ на волю. За этимъ слѣдуютъ нѣкоторые договоры въ тит. 9—13, а въ тит. 14 и 15 излагается ученіе о свидѣтеляхъ и уступочномъ соглашеніи (transactionibus), такъ какъ оба ученія необходимы для рѣшенія споровъ. Наконецъ въ тит. 16 находится *causarum rescilium vel quasi*, въ тит. 17 наказанія, а въ тит. 18 раздѣлъ военной добычи. И такъ въ началѣ идетъ рѣчь о правѣ лицъ, затѣмъ объ обязательствахъ и искахъ, наконецъ о публичномъ правѣ, т. е. о военномъ (куда относится и *militare rescilium*) и уголовномъ: а къ праву лицъ присоединено кое-что изъ имущественнаго права». Такой порядокъ, далѣе замѣчаетъ Цахаріэ, вполне различается отъ системы Институцій, Дигестовъ и Кодекса. Вѣроятно онъ изобрѣтенъ самими кодификаторами. Причина его заключается въ томъ, что редакторы хотѣли сопоставить то, что находилось въ ежедневномъ употребленіи; между тѣмъ о правѣ собственности рѣчь шла въ судахъ рѣдко, а споры о сервитутахъ рѣшались болѣе на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, чѣмъ законодательныхъ правилъ. стр. XLIV и XLV. 'O *procheros nomos* C. E. Zachariae. Heidelbergae. MDCCCXXXVII.

2) «Въ началѣ (1—11) идетъ рѣчь о бракѣ и приданомъ; затѣмъ объ обязательствахъ (12—20); на третьемъ мѣстѣ (21—37) поставленъ отдѣлъ о наследственномъ правѣ, въ которомъ однако помѣщено много чуждаго этому праву... Отъ 38-го титула до конца излагаются важнѣйшіе предметы публичнаго права: сначала (38) то, что относится къ частнымъ зданіямъ и публичнымъ сооруженіямъ, къ чему присоединено многое о сервитутахъ и давности, затѣмъ (39)—относящееся къ преступленіямъ и проступкамъ, наконецъ (40)—право о военной добычѣ». Вообще такая система, по мнѣнію Цахаріэ, отчасти изобрѣтена самими редакторами, отчасти составлена по образцу Эклоги, а именно то, что въ первыхъ титулахъ говорится о бракѣ и приданомъ, а въ послѣднихъ о наказаніяхъ и дѣлѣжѣ добычи. Тамъ же, стр. LXI, LXII.

3) Система Эпанагоге прекрасно выяснена самими ея редакторами, см. стр. LXXIV—LXXVII. Тамъ же. Что касается Василікѣ, то я пользовался изданіемъ Хеймбаха; система Василікѣ разобрана на стр. 118—121, т. VI. *Prolegomena et manuele Basilicorum continens*.

ляють содержаніе отдѣльной главы (первое — главы LIV; второе — главы LVII). Тоже самое мы замѣчаемъ въ Законникѣ Душана; статьи о городовой правѣ соединены (125 — 129), хотя содержаніе ихъ выработано мѣстною жизнью, а не заимствовано изъ Византіи¹⁾; военное право въ немъ также поставлено, какъ одно цѣлое (130 — 136) на концѣ, по примѣру Эклоги и Прохирона.

Наконецъ необходимо замѣтить, что хотя проф. Флоринскій отрицаетъ систему въ Законникѣ Душана, тѣмъ не менѣе онъ самъ во многихъ мѣстахъ, говоря о сербской передѣлкѣ Синтагмы Властаря²⁾, отмѣчаетъ стремленіе древне-сербскихъ юристовъ къ извѣстному порядку въ распредѣленіи статей. Если такое стремленіе проявлялось даже тамъ, гдѣ юристы были связаны азбучнымъ изложеніемъ Синтагмы, то тѣмъ болѣе должно было оно найти себѣ мѣсто, гдѣ такой задержки не существовало, а самый излагаемый матеріалъ былъ въ значительной степени родной, выработанный своею же жизнью.

Въ III-мъ отдѣлѣ (285—491) почтенный авторъ останавливается на изученіи и описаніи сербскихъ компиляцій византійскихъ законовъ, а именно на сокращенной Синтагмѣ М. Властаря (285—447) и на «Законѣ царя Юстиніана» (448 — 491). Если велики заслуги Г. Флоринскаго относительно Законника Душана, то тѣмъ болѣе выдаются онъ въ этой части его труда. При ея разборѣ мнѣ приходится отдѣлить изученіе, описаніе и разъясненіе источниковъ отъ сдѣланныхъ авторомъ выводовъ въ отношеніи 2 упомянутыхъ византійско-сербскихъ работъ къ Законнику. Обращаемся прежде всего къ Синтагмѣ.

До г. Флоринскаго вопросъ о Синтагмѣ почти не былъ

¹⁾ Я считаю возможнымъ и предшествующія статьи о торговцахъ (119—124) присоединить къ статьямъ о городахъ, такъ какъ горожане, и притомъ иностранные—Дубровчане, преимущественно занимались торговлей, а города служили главнымъ мѣстомъ торговыхъ оборотовъ. Я даже думаю, что заглавіе 1-го тит. LIV кн. Василикѣ (*de mercatoribus et muneribus*) возбуждало въ редакторахъ Законника мысль о торговлѣ и торговыхъ оборотахъ.

²⁾ Стр. 390—392, 421—422, 433, 435, 436, 438.

затронуть; только авторъ этой рецензіи напечаталъ нѣсколько отрывковъ сокращенной сербской Синтагмы по Призрѣнской рукописи вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ¹⁾. Даже къ изученію греческаго оригинала Синтагмы еще почти не приступлено; изданія оказываются не вполне надежными, а источники Синтагмы еще не опредѣленными. Слѣдовательно г. Флоринскому здѣсь приходилось не только заняться славянскимъ полнымъ и сокращеннымъ переводами Синтагмы, но потратить время и на сличеніе греческихъ рукописей съ изданіями.

Отмѣтивъ широкую распространенность Синтагмы и высказавъ результатъ сравненія списковъ Синтагмы, хранящихся въ Вѣнской придворной библиотекѣ (текстъ болѣе или менѣе одинаковъ при существованіи вариантовъ въ редакціи отдѣльныхъ мѣстъ, иногда весьма любопытныхъ для объясненія славянскаго текста памятника), авторъ критически оцѣниваетъ изданія греческаго оригинала, отдавая предпочтеніе изданію гг. Ралли и Потли (285 — 306). Затѣмъ почтенный авторъ переходитъ къ изученію и описанію полныхъ славянскихъ переводовъ Синтагмы. Общіе выводы сводятся къ тому, что мы имѣемъ 4 рукописи (Пшинскую, Карловецкую, Церскую и Стружскую) сербской редакціи, одну рукопись (Драгомірову), указывающую на существованіе болгарскаго перевода, 2 рукописи (Румянцевскую и Погодинскую), ведущія свое происхожденіе отъ сербской редакціи, хотя и сохраняющія слѣды передѣлокъ и измѣненій, внесенныхъ русскими писцами, и наконецъ еще 2 перевода, сдѣланныхъ въ Россіи въ XVII и XVIII ст. Время и мѣсто сербскаго перевода опредѣляется только предположительно; оно отнесено г. Флоринскимъ къ 40-мъ годамъ XIV вѣка и было сдѣлано по распоряженію Душана. Переводъ отличается точностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поразительною, почти рабскою близостью къ подлиннику, нерѣдко вредящею ясности и правильности славянской рѣчи. Тѣмъ не менѣе въ общемъ переводчикъ умѣло спра-

¹⁾ Законникъ Стефана Душана Зигеля. Прил. 116—145.

вился съ византійской юридической терминологіей и удачно воспользовался въ своемъ переводѣ такими сербскими терминами какъ себрь, меропьшина и др.» (307—321).

Опредѣливъ значеніе Сятагмы на балканскомъ полуостровѣ, авторъ переходитъ къ извлеченію изъ нея, наиболѣе останавливающему на себѣ вниманіе г-на Флоринскаго. Онъ здѣсь не только изучилъ и описалъ рукописи, но и посвятилъ особое, весьма цѣнное изслѣдованіе отношенію сокращенной Сятагмы къ греческому оригиналу. Результаты его работъ надъ ея текстомъ сводятся къ тому, что она находится при Законникѣ Душана во всѣхъ древнихъ рукописяхъ (Призрѣнской, Ходошской, Второй Григоровичевой, Быстрицкой и Раковецкой) за исключеніемъ Первой Григоровичевой; это послѣднее явленіе объясняется авторомъ отрывочностью этого списка; кромѣ того, она иногда попадаетъ и отдѣльно отъ Законника, только вмѣстѣ съ «Закономъ царя Юстиніана». Всѣ эти рукописи, за исключеніемъ Раковецкой, представляютъ одну и ту же редакцію памятника, составленную на основаніи полнаго перевода (именно Пшинской рукописи), причемъ редакторы иногда справлялись съ греческимъ подлинникомъ. Происхожденіе сокращенной Сятагмы можетъ быть разрѣшено только предположительно, а именно она составлена до 1349 г. и на соборѣ этого года, по предложенію Душана, пересмотрѣна и утверждена, какъ главная часть его законодательныхъ работъ (322—328). Изданіе въ Приложеніи сдѣлано г. Флоринскимъ на основаніи Ходошской рукописи, какъ наиболѣе исправной, съ подведеніемъ разночтеній по 9 другимъ рукописямъ, бывшимъ у автора.

Отношеніе сокращенной Сятагмы къ греческому подлиннику (329 — 439) представляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе. Авторъ здѣсь сравниваетъ сокращенную Сятагму съ греческимъ текстомъ, отмѣчаетъ особенности первой, какъ относительно распредѣленія статей, такъ и относительно перевода, а также выясняетъ предполагаемыя причины, которыя вызвали пропуски, сокращенія, перемѣны, даже дополненія. Всѣ эти замѣчанія про-

являютъ въ почтенномъ авторѣ глубокаго знатока южно-славянскаго быта; они могли выйти только изъ-подъ пера ученаго, много потрудившагося надъ славянской исторіей. Результаты всего этого сгруппированы на стр. 437—439; они сводятся къ слѣдующему: «сокращенная Синтагма представляетъ въ значительной степени самостоятельную переработку византійской Синтагмы, задуманную и исполненную съ извѣстною опредѣленною цѣлью. Цѣль эта могла быть только одна: компиляція предназначалась выполнять функцію сербскаго Законника».

Все до сихъ поръ изложенное относилось къ чисто фактической сторонѣ трудовъ надъ Синтагмой. Теперь перехожу къ основному выводу, съ которымъ я считаю невозможнымъ согласиться. По мнѣнію г. Флоринскаго, сокращенная Синтагма и «царя Юстиніана законъ» были утверждены, по повелѣнію Душана, на соборѣ 1349 г. и тогда же внесены въ одинъ кодексъ съ Законникомъ, при чемъ главное основаніе сербскаго кодекса составляли именно эти византійскія юридическія статьи. «Онѣ содержатъ всѣ важнѣйшіе государственные законы и основные церковные, которымъ, понятно, должно принадлежать первое мѣсто въ кодексѣ. Собственно же сербскій Законникъ Душана, съ точки зрѣнія того времени, былъ только добавленіемъ къ византійскимъ законамъ», заключающимъ въ себѣ постановленія, касавшіяся такихъ сторонъ и явленій мѣстной сербской общественной жизни, для которыхъ не оказалось подходящихъ указаній въ византійскомъ правѣ (286, 287).

Этотъ выводъ г. Флоринскій старается обосновать данными, заимствованными изъ рукописныхъ матеріаловъ, а также основанными на различныхъ соображеніяхъ. Данныя рукописнаго матеріала заключаются въ слѣдующемъ: во многихъ древнихъ рукописяхъ обѣ сербо-византійскія статьи занимаютъ первое мѣсто; въ Законникѣ Душана неоднократно дѣлается ссылка на «законъ светихъ отць», «законикъ светихъ отць», которая удобнѣе всего можетъ быть отнесена къ помѣщенной передъ Законникомъ сокращенной Синтагмѣ; позднѣйшіе переписчики

(Раваницкій списокъ, списки Софійско-Текеліевой группы) безъ затрудненія перемѣщали отдѣльные законы изъ одного памятника въ другіе; въ Ходошской и Быстрицкой рукописяхъ послѣ оглавленія статей Синтагмы замѣчено: «По сихъ напредъ ищи законъ бл̄говѣрнаго и х̄столюбиваго ц̄ря Іоустиніана и законъ бл̄говѣрнаго ц̄ря Стефана»; Софійская рукопись начинается «Оглавленіемъ ц̄ря Стефана», но за этимъ слѣдуетъ не Законникъ Душана, а распространенная редакція закона царя Юстиніана; въ Раковецкой весьма поздней рукописи вслѣдъ за Синтагмой находится слѣдующая записка: «Си Законикъ или правило ст̄ихъ ап̄лъ по оуставу ц̄рквнному и прѣданію ст̄ихъ оц̄ь и соуд градскихъ съставники и оутврѣдени бл̄гочъствіемъ и х̄толюбивіемъ и самодръжавніемъ ц̄ремъ сръбскимъ и блъгарскимъ и поморію и Грьчскою землюю с̄нь ст̄го бл̄говѣрнаго х̄столюбиваго краля Дечанскаго Стефана третіаго Оуроша» (285 — 289); наконецъ во всѣхъ древнихъ рукописяхъ вслѣдъ за оглавленіемъ сокращенной Синтагмы находится слѣдующая помѣтка: «Съи законникъ избрахом из великаго, яко въскорѣ обрѣтати искомаа о вьсакои вещи, винахъ грѣховныхъ, о соуду ц̄рскомъ», которая должна, по мнѣнію автора, указывать на дѣятельность собора, такъ какъ напоминаетъ вступленіе къ Законнику Душана (326—328).

Весь этотъ рядъ рукописныхъ данныхъ, шаткость каждаго изъ которыхъ сознавалъ самъ авторъ, приводитъ, по моему мнѣнію, къ предположенію извѣстной связи между сокращенной Синтагмой, закономъ Юстиніана и Законникомъ Душана, но не рѣшаетъ вопроса о томъ, въ чемъ состояла эта связь. Для этого необходимо обратиться къ другому рода даннымъ, къ различнымъ соображеніямъ, долженствующимъ подтвердить положеніе г. Флоринскаго; къ этимъ соображеніямъ я теперь и перехожу.

Г. Флоринскій прежде всего указываетъ на соотвѣтствіе роли Душана, какъ образователя греко-сербскаго царства, съ ролью его, какъ кодификатора византійскаго права, на сколько оно проникло въ сербскую жизнь, вмѣстѣ съ народнымъ сербскимъ правомъ (287). Отношеніе сербской Синтагмы къ грече-

скому оригиналу также должно привести читателя къ убѣжденію въ стремленіи кодификаторовъ приноровить византійскія начала къ сербскому общественному быту. Неполнота Законника Душана заставляеть неизбѣжно искать памятниковъ, пополняющихъ его громадные пробѣлы, такъ какъ нѣтъ данныхъ, указывающихъ на то, что въ однихъ случаяхъ обычное право перешло въ писанный законъ, а въ другихъ продолжало сохранять свою обязательную силу, не будучи закрѣплено на бумагѣ. Несистематичность Законника объяснима только его дополнительнымъ характеромъ, что подтверждается, по мнѣнію г. Флоринскаго, отсутствіемъ противорѣчій статей Синтагмы съ Законникомъ. Наконецъ порядокъ статей въ Синтагмѣ нашелъ себѣ извѣстный отголосокъ въ распредѣленіи матеріала въ Законникѣ (440—447).

Изъ всѣхъ этихъ соображеній особеннаго вниманія заслуживаетъ предполагаемое отсутствіе противорѣчій Синтагмы съ Законникомъ, такъ какъ очевидно въ случаѣ противорѣчій не можетъ быть и рѣчи о томъ, «что оба памятника, взятые вмѣстѣ, представляютъ нѣчто довольно цѣльное, стройное и гармоничное». Другія данныя несостоятельны. Неполнотою своею Законникъ сближается со всѣми первоначальными славянскими (каковы напр. чешско-моравскіе Статуты Конрада Оттона 1189 г., Винодольскій Статутъ, Статуты Казимира Великаго и т. д.), а также со всѣми первоначальными законодательными памятниками всѣхъ народовъ (законы XII таблицъ, варварскіе законы и т. д.). Фактъ пополненія первобытныхъ законодательныхъ постановленій обычаями констатированъ всемірною исторіей права и объясненъ философски въ трудахъ извѣстнаго германскаго историка-юриста Геринга¹⁾. Предполагаемая несистематичность Законника мною разсмотрѣна ранѣе. Наконецъ нѣкоторое, необыкновенно слабое сходство распредѣленія матеріала въ Синтагмѣ и Законникѣ

¹⁾ Кромѣ того въ Законникѣ имѣются часто и прямыя ссылки на обычай, который не выдѣлялся еще въ нѣчто отличное отъ закона, а потому и обозначался словомъ: «законъ», т. е. обще-обязательное правило безъ различія того, откуда вытекала его обязательная сила. Зак. Стеф. Душ. Зигеля. Стр. 10—16, 63—65.

объясняется гораздо проще указанными мною влияніями Эклоги, Прохирона, Василикъ на Законникъ и даже на М. Властара, хотя онъ и слѣдовалъ азбучному порядку.

Обращаясь къ указаніямъ противорѣчій между Законникомъ и сокращенною Синтагмою, я помѣщаю для большей наглядности на одной сторонѣ постановленія Законника, а на другой противорѣчивыя положенія Синтагмы:

Законникъ.

Самоуправство карается пенею въ 7 разъ¹⁾.

Похищеніе женщины, равной по своему общественному положенію похитителю, наказывается отсѣченіемъ обѣихъ рукъ и отрѣзаніемъ носа.

Похищеніе женщины высшаго сословія членомъ нисшаго сословія наказывается повѣшеніемъ (52).

Воровство наказывалось первоначально, по моему мнѣнію,

Синтагма.

Самоуправный захватъ вещи наказывается пенею, равняющеюся двойной цѣнѣ захваченной вещи²⁾. Это было древнеримское начало, перешедшее въ Византію.

Строгость наказанія за похищеніе женщинъ зависитъ отъ того, были-ли пособники вооружены или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ похититель карается мечемъ, во второмъ случаѣ — отсѣченіемъ руки (стр. 117).

Воры богатые наказываются пенею, равняющеюся двойной

¹⁾ Ст. 28. . . . Аколи кто комѣ кривъ, да га ище соудомъ и правдомъ по законѣ. Аколи оурвѣ безъ соуда, или комѣ забави, да плати само седьмо. Ст. эта относится къ самоуправному насилію надъ человѣкомъ, но во второй своей, приведенной мною, половинѣ расширяется до запрещенія всевозможныхъ видовъ самоуправства. Наѣзды на домъ, т. е. самоуправство, состоящее не только въ захватѣ вещей, но и въ насиліяхъ надъ людьми, карается иначе (ст. 101), и притомъ согласно съ византійскими законами.

²⁾ Въскыщаеи землю или прѣлагаеи прѣдѣли соугубо еже въскыти да въздаеть, стр. 116. Видоизмѣненіе этого начала, если захваченная вещь принадлежала захватившему, см. тамъ же.

Законникъ.

общественною пеню, величина цѣнѣ украденной вещи; воры которой доходила иногда до увеличенной въ 7 разъ цѣны похищенной вещи¹⁾. Душанъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи перемѣну послѣ изданія Законника 1349 г. Для обузданія сильно расплодившихся въ государствѣ воровъ и разбойниковъ онъ издалъ законъ, повелѣвающій ихъ наказывать ослѣпленіемъ (146).

Разбойники по только что упомянутому закону Душана наказываются повѣшеніемъ головою внизъ (146).

Обиды словомъ или дѣйствіемъ наказываются общественными пенями, иногда весьма высокими (100 перперовъ, ст. 49, 54, 85, 95, 98). Въ случаѣ неравенства общественнаго положенія сторонъ, къ этому иной разъ присоединяются побои пал-

Синтама.

бѣдные — побоями. Рецедивисты наказываются строже (стр. 180)²⁾.

Явные разбойники наказываются распятіемъ на крестѣ въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали, для устрашенія другихъ и утѣшенія родственниковъ лицъ, ими убитыхъ (стр. 181).

Обиды словомъ или дѣйствіемъ, различаемыя по достоинству обиженнаго, по тяжести обиды и по мѣсту совершенія, наказываются различно, смотря по общественному положенію обидѣвшихъ: члены высшихъ сословій заточаются или

¹⁾ Намекъ на общественную пеню я вижу въ постановленіи Законника, что лице, у котораго нашли похищенную вещь, «шпакъ по законѣ», если оно не оправдываетъ себя сведеніемъ съ себя подозрѣнія на ту личность, отъ которой приобрѣтена вещь (182). Слѣды 7-ми кратной пени за воровство замѣтны въ ст. 193, 203 моего изданія. На то же самое указываетъ приведенная уже статья о самоуправствѣ: въ Римѣ самоуправный захватъ вещи наказывался, какъ тайное ея похищеніе (двойною цѣною); въ Сербіи самоуправный захватъ тоже считался воровствомъ, но величина пени значительно повышалась сравнительно съ Римомъ, ради бѣдшей репрессіи.

²⁾ Исторію этого преступленія см. у Цахаріэ *Gesch.*, стр. 317, 318.

Законникъ.

ками (49) или клеймленіе (54). Въ случаѣ бѣдности ¹⁾ пеня уменьшается, но присоединяются побои палками (85). Только за вырваніе волосъ изъ бороды у властеля или добраго чело-вѣка отрубаются обѣ руки (97), и за посрамленіе судьи назначается конфискація (112).

Отвѣтственность за преступленія падала на всѣхъ живущихъ въ одномъ домѣ. Это — общеславянское начало круговой поруки домочадцевъ; во время Душана оно примѣнялось только къ имущественной отвѣтственности; прежде несомнѣнно и къ другимъ родамъ наказанія (51, 70).

Отсѣченіе обѣихъ рукъ назначается за похищеніе женщины (52), за блудъ властелицы со своимъ чело-вѣкомъ (53), за умышленное убійство (87, 94), за вырваніе волосъ изъ бороды у властеля или добраго чело-

Синтагма.

лишаются извѣстныхъ правъ, напр. адвокатуры, права давать совѣты ²⁾; свободные наказываются палками; рабы — бичами и отдаются своимъ господамъ (стр. 197). Правила эти прямо перешли въ Византію изъ древняго Рима, какъ легко убѣдиться изъ сопоставленія упомянутой статьи Синтагмы съ Василіками Lib. LX. tit. 21. § 7 (на концѣ стр. 621) и § 43.

Законъ. Иже ничтоже съгрѣшшее дѣти отъческаа съгрѣшенія не поврѣждают, ниже оцѣвы иже чедь съгрѣшенія. съгрѣшенія бо главѣ послѣдуют (стр. 198).

Закон. Отсѣкает законъ еже обѣ отсѣщи рудѣ или нозѣ.

¹⁾ Этими я объясняю различіе въ наказаніи властеля и другихъ лицъ въ ст. 85.

²⁾ Такіе примѣры приводитъ схолия къ этой статьѣ въ Василікахъ кн. LX tit. 43.

Законника.

вѣка (97), за злоупотребленія судебныхъ приставовъ (164). Къ этой казни иногда присоединяются и другія добавочныя наказанія (52, 53, 94, 164).

Умышленное убійство наказуется отсѣченіемъ обѣихъ рукъ; неумышленное — общественною пенею въ 300 перперовъ (87). Убійство съ отягчающими обстоятельствами карается смертию, а именно духовнаго — повѣшеніемъ (95), близкаго родственника — сожженіемъ (96, какъ въ Синтагмѣ стр. 201), судебного пристава или его посланнаго — конфискаціей (107). Властели за убійство себрия платятъ только 1000 перперъ; себрии за убійство властелей подвергаются отсѣченію обѣихъ рукъ и пенѣ въ 300 перперовъ (94).

«И ни едина свадьба да се не оучины безъ вѣнчаніа. ако ли се оучины безъ благословеніа и оупрошеніа цркъве, таковы да се разлоуче» (3).

Синтагма.

Умышленное убійство, совершенное членомъ высшаго сословія, наказывается конфискаціей; убійца свободный предается мечу и звѣрямъ. Неумышленное убійство карается пятилѣтнимъ заключеніемъ (стр. 201). Кромѣ того упоминается постановленіе Андроника Старшаго о дѣлѣжѣ состоянія убійцы, вѣроятно бѣжавшаго, между всѣми дѣтьми, казною и родствомъ убитаго¹⁾ (стр. 202).

«Бракъ. . . любо блѣсвеніемъ любо вѣнчаніемъ любо съ записаніемъ. а иже прѣзь сіа биваемаа како не бывшаа вѣнчаніемъ» (стр. 137). Въ этихъ словахъ сохранилось указаніе на заключеніе брака посредствомъ одного соглашенія бра-

¹⁾ См. объ этомъ стр. 324 Gesch. des griech.—röm. Rechts. Zachariae-von Lingenthal.

Законникъ.

Синтагма.

Если тяжущіеся подлежали вѣдомству двухъ различныхъ судебныхъ учреждений, примѣнялось общеславянское начало смѣстнаго суда (31).

«А за мегю и за землю, що се потвараю села мегю собомь, да ище соудомь отъ светаго краля, кѣди се ꙗ прѣставиль» (78).

чущихся, безъ вѣнчанія. См. также Прохиронъ IV. 6, откуда Матвѣй Властарь заимствовалъ множество статей.

Если тяжущіеся были подсудны 2 различнымъ судамъ, дѣйствовало римское начало: *astor sequitur forum rei*¹⁾.

«Закон. Миранеже между собою о вещехъ недвижимихъ отъ тоу сущихъ десетолѣтіе свобождаетъ, а отъ несоущихъ тоу кѣ. то глѣтіе. потомъ соуда нѣсть» (стр. 160).

Приведенныя мною противорѣчія на столько существенны, что дѣлаютъ невозможнымъ предположеніе объ одновременной обязательной силѣ Законника и сокращенной Синтагмы.

Къ тому же результату приводитъ отношеніе Синтагмы къ Прохирону. Громадное количество статей Синтагмы заимствовано изъ Прохирона, а между тѣмъ Прохиронъ входилъ въ составъ обязательной для Сербіи Кормчей, принесенной еще св. Саввою. Привожу перечисленіе мѣстъ Синтагмы, заимствованныхъ изъ Прохирона, на сколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить, обозначая отдѣльною цифрою только постановленія, отмѣченныя словомъ «законъ».

А. Съставъ. I гл. Законъ град-

скы (стр. 104). XXXIX. 33—²⁾ 34.

¹⁾ «Закон. Цра же Алеѣіа ище раздѣленіе боудетъ рѣчъ въ судещихсе и овъ оубе мирьскаго естъ оустроеніа овъже бжствномуу причѣту съчетавъ естъ, позываен тогда старѣйшинѣ позванному подлежить и кждо въ прикладное ему идеть судище». стр. 160.

²⁾ — между двумя статьями Прохирона обозначаетъ, что соединенныя че-

- VI гл. 1, 4, 5 (дополненіе),
6, 7 XIV. 1—2 (съ пропусками),
XXXI. 3, 7, XIV. 8,
XXX. 4¹).
- VII гл. градскы оубо законь. XXXIX. 74.
- XI гл. 1 (дополненіе), 3 (до-
полненіе), 4. XXXIX. 25, 49, 48.
- XII гл. 1 (дополнено), 2 . . . XXXIX. 40—36, VII. 27.
- XIII гл. 1. XXXIX. 73 (пропускъ).
- В. съставъ. IV гл. 1 (дополнено). VII. 28.
- V гл. 1 (добавлено), 2 (добав-
лено). VII. 24, 20.
- VI гл. Плачевныхъ жены . . VI. 4—5 (гораздо подробнѣе).
- Г. съ ставъ. I гл. 2, 3 (дополне-
но), 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. V. 2, IV. 1, 2—3, 4, 17, 12,
13, 22, 27.
- II гл. 1. IV. 25 на концѣ со словъ Om-
nibus igitur...
- VI гл. 2—3, 4. XXXIX. 69, 72.
- VIII гл. Съ начала до словъ
на стр. 150: Аще ли
прѣзь оуоставленныхъ
речъ от насъ винь XI. Почти весь титулъ, но только
въ немъ подробнѣе и яснѣе.

резъ—статьи помѣщены въ сокращенной Синтагмѣ подъ одною статью или нѣсколькими статьями, обозначенными сообща всѣмъ словомъ «законь».

¹) Каждая цифра между двумя запятыми, обозначающая статью или статьи, помѣченная словомъ «законь» (если статья этимъ словомъ не помѣчена, то пишу: первое постановленіе и затѣмъ со статьи со словомъ «законь» начинаю нумерацию) въ Синтагмѣ, соотвѣтствуетъ на другой сторонѣ статьи подъ извѣстною цифрою въ Прохиронѣ тоже между двумя запятыми. Напр. эта строчка читается такъ:

- VI гл. 1 статья со словомъ «законь» соотвѣтствуетъ XIV тит. 1 и 2 ст. Пр.;
VI гл. 4 ст. XXXI. 3;
VI гл. 5 ст. XXXI. 7;
VI гл. 6 ст. XIV. 8;
VI гл. 7 ст. XXX. 4.

- Х гл. Закон. (стр. 153). Въ
 началѣ добавлено I. 1—7—5.
- XI гл. 2 (дополнено), 3. . . . XXXIX. 66, 65.
- Д. съставъ. II гл. 1 (подъ ко-
 нець немного измѣнено), IX. 15 — 16 — 17 — 18,
 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 . . . IX. 18, 19, 20, XVI. 12 (про-
 пускъ), 1, 3, 5.
- V гл. XXXVII. Весь титулъ съ из-
 мѣненіями.
- VII гл. 4 (дополнено), 8 . . . XXVII. 25, 22 — 23 — 24 —
 26—27—28—29—33.
- XI гл. Первое постановленіе
 (дополнено), 1 XIII. 3, XIII. 2—XXXI. 8—
 XXXII. 4 (въ самомъ кон-
 цѣ большой пропускъ).
- Е. съставъ. III гл. 1 XXXIX. 7.
- IV гл. Первое пост., 1. . . . XXXIX. 75, 76.
- VI гл. 2 XXXIX. 46.
- К. съставъ. II гл. Первое
 постан., 1 (измѣнено), XXXVIII. 1, 4—5—6—9—
 10,
 2, 3, 4, 5, 6. XXXVIII. 7 — 11, 8, 20, 15,
 17—18 (пропускъ),
 7, 8, 9 (сокращено) . . XXXVIII. 19, 22, 34.
- IV гл. Первое пост., 1, 2, XXX. 2, 4, 5—7,
 3, 6, 8, 9, 9 (пропускъ), 10, 11—12, 19,
 12 XXXV. 7.
- V гл. Вся сокращена. XXXIII. 1 до 16 включительно.
 Подробнѣе и поэтому
 яснѣе.
- VI гл. Въ нѣкоторыхъ мѣ-
 стахъ сокращена XXXIII. 18 до 21—24—25—
 32.

- VIII гл. 1 (измѣнено), 5, 6
(измѣнена), 7. XXXIX. 54, 53—55, 56, 16.
- М. составъ. I гл. 1 (дополнено),
2 (дополнено), XXXIX. 20, 78.
4 (сокращено), 5 (измѣ-
нено), 9, 10 (измѣнено). XXXIX. 21, 27, 2, 77.
- II гл. Первое пост. (допол-
нено), 1, 2 XVII. 25, 21, XXXIX. 50 (про-
пускъ).
- III гл. 3 (измѣнено), 4 XI. 7, XXXIX. 45.
- IV гл. Значительно измѣнено
и пополнено. XXXIX. 70.
- Н. составъ. III гл. 1. XXXVIII. 38—43.
- П. составъ. I гл. Первое пост., 1. XVIII. 1—11 (пропускъ), 10.
- III гл. Перв. пост., 2, 4 (про-
пускъ сравнительно съ
Прохирономъ и значи-
тельное затѣмъ допол-
неніе) VIII. 1—2 (пропускъ), V. 5,
IX. 4—9—10.
- V гл. Первое пост. (дополне-
но), 1, 2 (добавлено), 3
(измѣнено) XXXIX. 1, 3, 10, 11.
- Т. составъ. II гл. 2. XXXIX. 57.
- IV гл. 5. XXXIX. 23.
- Ф. составъ. IV гл. 3 (значитель-
но добавлена и измѣне-
на), 4, 6, 8, 10. XXXIX. 80, 8, 35, 4, 12, (про-
пускъ).

Изъ этого сопоставленія легко убѣдиться, какъ велико коли-
чество статей Синтагмы почти дословно взятыхъ изъ Прохи-
рона; замѣчу при этомъ, что иногда, какъ указано мною, поста-
новленія въ Прохиронѣ изложены подробнѣе и яснѣе, чѣмъ въ

Синтагмѣ. Наконецъ всѣ отмѣченныя мною измѣненія относятся не къ самому существу закона. Мѣста, гдѣ правила Прохирона существенно видоизмѣнены, хотя въ нихъ и была бы видна большая близость къ Прохирону, мною не отмѣчены; ибо они могли навести на мысль, что именно эти измѣненія и были причиною постановленій Синтагмы, долженствующихъ отмѣнить статьи Прохирона. Очевидно, при обязательной силѣ Прохирона, какъ составной части Кормчей, въ Сербіи Душана, не было никакой надобности помѣщать отмѣченныя мною статьи Прохирона въ сокращенную Синтагму.

Что касается отношенія Законника Душана къ Прохирону, то я придаю особенное значеніе слѣдующему соображенію. Въ Ходошской (89) и Второй Григоровичевой (101) рукописяхъ при запрещеніи наѣздовъ на домъ указывается Прохиронъ, гдѣ слѣдуетъ искать подходящее наказаніе для наѣхавшихъ, какъ для умысленныхъ убійць¹⁾. Между тѣмъ въ Синтагмѣ имѣется законъ, прямо относящійся къ указанному случаю²⁾. Весьма возможно, что это болѣе поздняя прибавка къ статьѣ, такъ какъ ее нѣтъ ни въ Первомъ Григоровичевомъ, ни въ Призрѣнскомъ спискахъ. Конечно можно это объяснить тѣмъ, что въ древнѣйшихъ спискахъ прибавленія не было, ибо казнь наѣхавшихъ была извѣстна изъ Синтагмы; поэтому Законникъ ограничился только постановленіемъ о коняхъ, употребленныхъ для наѣзда. Но такое объясненіе будетъ натяжкой. Важна здѣсь преимущественно ссылка двухъ древнѣйшихъ рукописей на Прохиронъ, какъ на составную часть церковнаго сборника (въ законѣ светихъ отць, въ градскихъ гранахъ), т. е. ссылка на Кормчую, принесенную св. Саввою, а не на находящуюся въ обѣихъ рукописяхъ

1) Силѣ да нѣсть никоу ни за единъ дльгъ въ земли царьской. аще ли кого шбрѣте наезда или сила похвална, шниси кони наездны вси да се възмутъ, половина царю а половина шмоуи, на кога соу нахали, и чловѣци нахалци да прімоутъ казнь, како пишеть въ законѣ светихъ отць, въ градскихъ гранахъ, да моучеть се яко и волны оубица.

2) Закон. Иже съ оружіемъ нападающе и разарающе туждее дома или села въ главу томымы соутъ. стр. 116.

передъ Законникомъ Синтагму. Трудно допустить, чтобы писцы двухъ такихъ древнихъ рукописей, какъ Ходошская и Вторая Григоровичева, позабыли о томъ, что пополненіе не требовалось, ибо основной законъ находился въ Синтагмѣ; да еще при этомъ сослались на Кормчую, а не на ими же, можетъ быть, переписанную Синтагму. Кромѣ того здѣсь надо отмѣтить указаніе на то, что подъ «законъ светихъ отць» («законникъ светихъ отць» по 2 Гр. сп.) слѣдуетъ понимать такой «законъ» или «законникъ», куда входилъ Прохиронъ, какъ отдѣльная составная часть, т. е. слѣдуетъ понимать Кормчую, принесенную Саввою, а не Синтагму, какъ думаетъ нашъ почтенный авторъ.

Такъ называемый «законъ царя Юстиніана» (448 — 491) обратилъ на себя вниманіе ученыхъ ранѣе г-на Флоринскаго. Знаменитый славянскій историкъ-юристъ Губе указалъ на источники этого закона и опредѣлил его характеръ, какъ мѣстной чисто сербской компиляціи, составленной изъ разныхъ византійскихъ памятниковъ ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ извѣстный юристъ В. Богшичъ занялся описаніемъ рукописей и указаніемъ источниковъ этого закона ²⁾. Классическія статьи нашего ученаго византиниста Васильевскаго о законодательствѣ иконоборцевъ ³⁾ также косвенно затронули этотъ вопросъ. Наконецъ изданіе проф. Павлова «Книгъ законныхъ» (Спб. 1885) вызвало нѣсколько ученыхъ замѣчаній, въ которыхъ коснулись отчасти и нашего памятника ⁴⁾. Слѣдовательно г-ну Флоринскому здѣсь приходилось иной разъ провѣрять ранѣе сказанное, а также подводить итоги.

¹⁾ Hube. O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantyńskiego u narodów słowiańskich. Warszawa. 1868. стр. 17—23. Того же: Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves. Paris. 1880 (переводъ съ дополненіями) стр. 21—27.

²⁾ V. Bogišić. Pisani zakoni na slovenskom jugu. U Zagrebu. 1872. стр. 56—67.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1878. Октябрь и Ноябрь Ч. ССІ. 1879. стр. 161—173.

⁴⁾ Ягича въ Archiv für slavische Philologie IX Bd.; В. Г. Васильевскаго и Соболевскаго въ Ж. М. Н. П. 1886, Февраль; Успенскаго въ Юрид. Вѣстн. 1886. Апрель. Отвѣтъ Павлова въ Ж. М. Н. П. ССXLVII. стр. 98—125.

Нашъ почтенный авторъ прежде всего обращается къ древнѣйшимъ рукописямъ, которыя содержатъ краткую редакцію «закона Юстиніана». Составъ здѣсь вездѣ одинъ и тотъ же (449—451), за исключеніемъ Раковецкой рукописи, отличающейся довольно рѣзко (451—455). Хотя послѣдняя и носитъ на себѣ слѣды значительной порчи со стороны позднѣйшихъ переписчиковъ, тѣмъ не менѣе авторъ отмѣчаетъ 2 статьи, входившія, по всему вѣроятію, въ болѣе ранніе списки. Распространенная редакція находится въ болѣе позднихъ рукописяхъ, изъ которыхъ Раваницкая, несомнѣнно наиболѣе древняя, заключаетъ въ себѣ также наиболѣе древній текстъ. Источниковъ для отдѣльныхъ статей пространной редакціи проф. Богишичъ подыскалъ не мало. Г. Флоринскій, однако, убѣдительно доказываетъ, что составъ пространной редакціи состоитъ главнымъ образомъ изъ сокращенной редакціи и сокращенной Сянтагмы Матвѣя Властаря. «Большая часть статей воспроизводитъ то въ точной, то въ вольной, то въ болѣе или менѣе искаженной передачѣ статьи и законы, составляющіе содержаніе краткой редакціи Закона царя Юстиніана и Сянтагмы М. Властаря». Затѣмъ обращаясь къ статьямъ, имѣющимъ иное происхожденіе, г. Флоринскій отмѣчаетъ 3 или 4 статьи позднѣйшаго времени и 4 или 5 относящихся, по всей вѣроятности, къ древней редакціи памятника, болѣе полной чѣмъ та, которую мы знаемъ изъ Ходошскаго и Призрѣнскаго списковъ (456—470).

Послѣ разбора текста и содержанія обѣихъ редакцій Закона Юстиніана, г. Флоринскій останавливается на происхожденіи и источникахъ краткой редакціи. Однообразіе краткой редакціи, засвидѣтельствованное 6 или 7 наиболѣе старыми списками, заставляетъ предполагать въ ней «самостоятельный юридическій памятникъ извѣстнаго установленнаго типа и опредѣленнаго значенія». По мнѣнію Флоринскаго, въ противоположность мнѣнію Р. Губе, этотъ памятникъ вѣроятнѣе всего есть переводъ или даже сокращеніе уже готовой византійской, до сихъ поръ не открытой, компиляціи, но пополненной законами мѣстнаго сербскаго проис-

хожденія (ст. 4, 7 и 26). Относительно источниковъ нашъ ученый авторъ прежде всего знакомитъ читателя съ результатами работы Р. Губе, а затѣмъ указываетъ уже самъ на 13 параллельныхъ мѣстъ въ византійскихъ законахъ для 13 статей. Оказывается, что источниками краткой редакціи были преимущественно «Земледѣльческіе законы», потомъ Эклога, новелла Константина Порфиророднаго 922 г., Прохиронъ, Синописисъ Василикъ, Prochiron Auctum. Всѣ эти источники, однако, значительно переработаны сообразно мѣстнымъ сербскимъ потребностямъ, какъ это видно изъ сопоставленія параллельныхъ текстовъ, приведенныхъ г-номъ Флоринскимъ. Что касается времени возникновенія краткой редакціи, то г. Флоринскій высказываетъ здѣсь тоже предположеніе, что и относительно Сокращенной Синтагмы, а именно, что эта редакція была подготовлена около 1349 г. для внесенія въ кодексъ сербскихъ законовъ, такъ что Законникъ Душана является дополненіемъ не только сокращенной Синтагмы, но и краткой редакціи закона царя Юстиніана. Наконецъ, по мнѣнію нашего автора, отъ этой редакціи, а также отъ пространной слѣдуетъ отличить болѣе полный сборникъ законовъ, не сохранившійся до нашего времени, на существованіе котораго указываютъ нѣкоторыя статьи обѣихъ редакцій «закона Юстиніана». Этотъ сборникъ вѣроятно былъ первымъ сборникомъ византійскихъ законовъ, приспособленныхъ къ употребленію въ сербскомъ государствѣ, а его возникновеніе можетъ быть относимо еще къ XIII в. (470—491).

Если теперь сравнить результаты изслѣдованія нашего автора о «законѣ Юстиніана» съ результатами его предшественниковъ (Р. Губе, В. Богишичъ), то нельзя не признать, что подробное изображеніе обѣихъ редакцій на основаніи самаго тщательнаго изученія рукописей, опредѣленіе отношенія подробной редакціи къ краткой, а также выясненіе послѣдней къ ея источникамъ составляютъ неоспоримую заслугу автора. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить мысль, мелькомъ высказанную г-номъ Флоринскимъ, но долженствующую, по моему мнѣнію, служить ру-

ководствомъ дальнѣйшихъ работъ, что обширный несохранившійся сборникъ византійско-сербскихъ законовъ XIII в. состоялъ вѣроятно изъ перевода Земледѣльческаго Закона съ нѣкоторыми дополненіями (471). Такимъ образомъ вопросъ о Законѣ царя Юстиніана сливается съ исторіей Земледѣльческаго Закона на славянскомъ югѣ и съ Книгами законными, изданными нашимъ знаменитымъ канонистомъ. Отдавая полную справедливость архивнымъ розысканіямъ нашего автора, я не могу однако согласиться съ нимъ въ томъ, что законъ царя Юстиніана составлялъ вмѣстѣ съ сокращенной Синагмой и Законникомъ часть одного сербскаго законодательнаго памятника. Причины моего сомнѣнія заключаются въ слѣдующихъ противорѣчіяхъ закона Юстиніана, какъ съ Синагмою, такъ одинъ разъ и съ Законникомъ.

Законъ Юстиніана.

Сокращенная Синагма.

Законникъ.

(28). О крагі за-
кон. Аще кто оукра-
дет что от цркви или
въ дні или въ нощи,
да се ослѣпитъ. аще
ли надворѣ что црков-
но оукрадет, да се
біет и осмудитъ и про-
женет от того мѣста.

Еже сщєннотать-
ства съгрѣшеніе по-
добно есть црвской
невѣрѣ. Сщєнно-
крадць въ нощи въ
сѣбѣ жрътьвникъ въ-
ходе и възложенаа
бѣви сщєннаа сквьрье
или отѣмлю мьчемъ
да мѣнь будетъ. въ
днѣ же мало отѣмлю
от цркви нищеты
ради быемъ да зата-
кается (стр. 171).

Послѣ изданія ука-
за о преслѣдованіи
воровъ и разбойни-
ковъ и назначеніи ос-
лѣпленія за воров-
ство вообще, свято-
татство, какъ болѣе
тяжелое преступле-
ніе, очевидно, должно
было подлежать бо-
лѣе суровой казни,
чѣмъ ослѣпленіе.

Законъ Юстиніана.

Сокращенная Синагма.

(31). Законъ. Аще кто возьметъ
по закону или съ прикіом или
безъ прикіе и оумрет моуж, а прикіи от подлога. мужеви же

Закон. Прѣмоудраго же Льва
нова: множае подобаетъ быти
прикіи от подлога. мужеви же

жена остане безчедна да се безчедно оумършу, аще не бу-
придає ки къ всемоу неиноу и дет съгласіа, въспріемкт жена
от моужевніе прикіе четвърты прикію и подлогъ, множае ни-
дѣль... чтоже (стр. 176).

Количество этихъ несогласій очень не велико, но если принять
еще во вниманіе повторенія въ Синтагмѣ, указанныя авторомъ
(490) «для двухъ-трехъ» статей закона Юстиніана (напр. для 9-й
и 32-й), и небольшой объемъ самаго закона, всего 33 статьи,
тогда наше мнѣніе объ этихъ фактахъ (противорѣчіяхъ и повто-
реніяхъ) должно будетъ, думаю я, измѣниться и мы должны бу-
демъ придать имъ большое значеніе.

Но если сокращенная Синтагма и законъ Юстиніана не со-
ставляли части одного сборника законовъ и притомъ если ру-
кописи все-таки намекають на извѣстную связь между Синтагмою,
закономъ Юстиніана и Законникомъ Душана, то спрашивается,
въ чемъ же состояла эта связь?

По моему мнѣнію, для разъясненія этого вопроса слѣдуетъ
обратиться къ административной дѣятельности современника Ду-
шана, Казимира Великаго. Когда онъ издалъ оба свои Статута,
то понадобилось еще поученіе для судей, какъ имъ обходиться
съ судебными доказательствами; юридическое образованіе не
только въ Польшѣ, но и во всей тогдашней Европѣ было черезъ
чуръ слабо, чтобы можно было изложить правила о доказатель-
ствахъ въ формѣ закона; ближе къ цѣли было назиданіе посред-
ствомъ практическихъ примѣровъ, какъ поступать въ извѣстныхъ
случаяхъ. И вотъ появилось такое объясненіе, которое носило на
себѣ всѣ признаки ученаго трактата, а не закона¹⁾. Тѣмъ не ме-
нѣе весьма скоро это поученіе слилось въ рукописяхъ со Стату-
тами Казимира Великаго, ибо оно возникло подъ вліяніемъ этого
законодателя. Въ Польшѣ подобное этому оффиціальное поученіе
было не единственнымъ примѣромъ. Въ 1506 г. вышло, по по-

¹⁾ R. Hube. *Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*. Warszawa. 1881. стр.
56—59.

становленію Радомскаго сейма, собраніе польскихъ законовъ короннаго канцлера Яна Ласкаго (*Commune incliti Regni Poloniae privilegium*); въ немъ мы находимъ въ концѣ сжатый очеркъ римскаго гражданскаго права, которому король Александръ воздаетъ чрезвычайныя похвалы, но слѣдовъ вліянія котораго въ жизни не находится (*Doctoris Raimundi Summa legum*).

Все сказанное указываетъ на особый родъ юридической литературы въ славянскихъ земляхъ, который занималъ среднее мѣсто между законами и чисто литературными произведеніями. Это были юридическія сочиненія, изданныя подъ вліяніемъ верховной власти и имѣвшія поэтому полуофициальное значеніе. Къ такимъ памятникамъ въ Чехіи можно причислить *Ordo iudicii tergae*, въ Моравіи—Товачевскую Книгу, въ Польшѣ—проекты законодательныхъ сборниковъ Пржилусскаго, Гербурта, Яна Янушевскаго; сюда же относится дѣятельность частныхъ лицъ по кодификаціи нѣмецкаго права въ Чехіи и Польшѣ. Отгѣнковъ обязательной силы здѣсь было довольно много, начиная отъ поученія Казимира Великаго судьямъ, какъ имъ примѣнять Статуты къ практикѣ, и отъ Товачевской Книги, и кончая напр. произведеніемъ Матвѣя Сливницкаго по нѣмецкому праву, хотя возникшимъ по инициативѣ Сигизмунда I, но не оказавшимъ никакого вліянія на юридическую жизнь Польши. Первые 2 работы отличались отъ законовъ только формою изложенія, между тѣмъ какъ послѣдняя такъ и осталась погребенною въ книгохранилищахъ. Вообще необходимо замѣтить, что во всей средневѣковой юридической литературѣ преобладалъ дидактическій характеръ, на появленіе котораго можетъ быть оказала вліяніе проповѣдническая дѣятельность церкви.

Но нигдѣ этотъ родъ официальной юридической литературы не былъ, по моему мнѣнію, столь распространенъ, какъ на славянскомъ югѣ. Здѣсь къ только что указанному мною вліянію церкви присоединились еще остатки древнегреческихъ взглядовъ. Какъ извѣстно, Платонъ, основатель политики, смотрѣлъ на государство, какъ на челоуѣка въ большихъ размѣрахъ; государ-

ство поэтому имѣло ту же цѣль, какъ и отдѣльный человѣкъ по отношенію къ самому себѣ, а именно воспитаніе народа къ высшему нравственному совершенству. Такимъ образомъ политика составляла часть этики и виѣсть съ послѣднею входила въ философію. Аристотель въ своей политикѣ вполнѣ остался вѣренъ этому основному греческому воззрѣнію. И такъ воспитаніе народа составляло существеннѣйшую задачу государства. Христіанство, очевидно, должно было усилить эти мысли, тѣмъ болѣе, что сами историческія обстоятельства чрезвычайно способствовали этому. Между тѣмъ древній Римъ разработалъ право и внесъ поэтому въ объемъ общенароднаго воспитанія ознакомленіе съ юриспруденціей. Если мы теперь припомнимъ то громадное вліяніе, какое оказала политика Аристотеля на дѣятельность Симеона болгарскаго, то поймемъ, что чрезвычайное обиліе переводовъ и передѣлокъ съ греческаго, дѣлаемыхъ подъ личнымъ наблюденіемъ геніальнаго болгарскаго царя, не столько вытекало изъ любви Симеона къ литературѣ, сколько изъ широко понятой имъ административной дѣятельности. Перевоспитаніе полужызыкаго славяно-болгарскаго народа въ религіозномъ и общественномъ отношеніи по византійскимъ образцамъ составляло самое задушевное стремленіе Симеона. Величавый его образъ оказалъ громадное вліяніе на всѣхъ славянскихъ правителей. Поэтому у всѣхъ ихъ замѣчается особенное стремленіе покровительствовать книжному дѣлу. То же самое намъ засвидѣтельствовано и о сербскомъ Душанѣ, о которомъ кромѣ того мы знаемъ, какъ о горячемъ сторонникѣ византійской образованности. Поэтому неудивительно, что подлѣ законодательной дѣятельности и подлѣ административныхъ реформъ выдается также его дѣятельность по отношенію къ просвѣщенію народа. Вотъ въ эту послѣднюю категорію и слѣдуетъ отнести сокращенную Синтагму и законъ царя Юстиніана. Синтагма представляла послѣднее, исправленное и дополненное изданіе всѣхъ византійскихъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ; составить поэтому извлеченіе всего наиболѣе поучительнаго изъ нея было весьма жела-

тельно. Законъ Юстиніана имѣлъ вѣроятно весьма продолжительную исторію, восходящую въ своихъ основахъ (Земледѣльческіе законы) можетъ быть ко времени Симеона болгарскаго; земледѣльческіе законы затѣмъ пополнялись подѣ влияніемъ практическихъ потребностей уголовными и церковными законами (Книги законныя). Изъ такого сборника должно было быть взято очень немного, такъ какъ церковное законодательство находилось въ Синтагмѣ, а уголовное въ Законникѣ Душана и Прохиронѣ. И такъ, по моему мнѣнію, сокращенная Синтагма и краткая редакція закона царя Юстиніана возникли по инициативѣ Душана, который смотрѣлъ на нихъ не какъ на законы, а какъ на сочиненія, чрезвычайно поучительныя для сербскихъ юристовъ.

Если теперь мы обратимся къ тому значенію, какое подобныя работы имѣли для самаго общества, независимо отъ видовъ правительства, то должны отмѣтить двѣ стороны. Одна заключается въ ознакомленіи сербскихъ юристовъ съ различными теоретическими началами. Напр. въ Законникѣ сдѣлано различіе въ наказаніи между убійствомъ умышленнымъ и ненамѣреннымъ, а въ Синтагмѣ выясняется это различіе ¹⁾; въ Синтагмѣ находится выясненіе права представленія (174 — 177), степеней родства (121 — 133), тѣхъ качествъ, которыми должны обладать свидѣтели (161 — 163), понятія закона (191). Другая болѣе важная сторона состоитъ въ видоизмѣненіи народныхъ юридическихъ воззрѣній. Напр. въ Законникѣ, какъ общеобязательномъ законодательномъ памятникѣ, существуетъ отвѣтственность невинныхъ за виновныхъ; въ Синтагмѣ наоборотъ проводится начало личной отвѣтственности за преступленія; въ Законникѣ часто назначается отсѣченіе обѣихъ рукъ; Синтагма отрицаетъ такую казнь; въ сербскомъ обществѣ челоуѣкъ, признанный лихимъ своимъ родствомъ и общиной, не возбуждалъ къ себѣ ни малѣй-

¹⁾ Зак. Душ., ст. 87. Сокр. Син., стр. 201: Оубиство от завѣщанія сматрається. аще мысль ималь есть оубити или ни, от ноужде есть обрѣсти. яко оударивы, не оубивъже, яко оубица мучиться. аще тькмо въсхотѣ оударити томъи есть яко оубица. таковое же завѣщаніе от оударившаго орудія сматрається и есть волному оубиству томленіе.

шаго состраданія; Синтагма побуждаетъ епископовъ къ посѣщенію заключенныхъ въ тюрьмахъ (стр. 199). Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ постановленія переводимыхъ съ греческаго законодательныхъ сборниковъ шли прямо въ разрѣзъ съ жизнію, а потому они могли вліять только посредствомъ смягченія общества поученіемъ его; какъ обязательные законы они не могли бы имѣть никакого примѣненія.

Послѣ всего изложеннаго я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о величинѣ византійскаго вліянія на чисто юридическій, въ противоположность политическому, бытъ православныхъ славянъ. По моему убѣжденію, вліяніе это далеко не соответствовало тѣмъ громаднымъ усиліямъ, которыя дѣлались правительствами для перевоспитанія общества посредствомъ переводовъ и переработокъ византійскихъ законовъ. Видя большое количество различныхъ славяно-византійскихъ юридическихъ работъ, ученые приходятъ къ противоположному результату и смотрятъ на византійское право у православныхъ славянъ, какъ на «современное римское право» въ Германіи. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, большая ошибка. Римское право завоевало западную Европу, кромѣ своей научной высоты, благодаря школамъ Глоссаторовъ и преимущественно Комментаторовъ, которые приспособили древне-римскія понятія, иногда существенно измѣнивъ ихъ, къ потребностямъ болѣе новыхъ временъ ¹⁾. Прекрасная разработка процесса канонистами съ своей стороны очень способствовала укорененію римскихъ началъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Византіи. Тамъ не было широкой университетской жизни, совершенно видоизмѣнявшей на Западѣ юридическіе взгляды нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, поляковъ, чеховъ и т. д. въ одномъ опредѣленномъ направленіи; тамъ не было стремленія приспособить древне-римскія понятія къ тогдашнимъ потребно-

¹⁾ Stintzing. *Gesch. der deutschen Rechtswissenschaft*. 1-е отд. München. 1880. стр. 49: *Der Sache nach recipirte man nicht das Corpus juris, sondern die Ergebnisse der Literatur der Postgllossatoren, in welcher Justinians Gesetzgebung zu einem halbmodernen Rechte umgebildet war.*

стямъ; совершенно наоборотъ Василики несравненно ближе стояли къ Юстиніанову праву, чѣмъ законодательство иконоборцевъ; процессъ былъ совершенно неразработанъ ¹⁾. Само византійское право было наполнено массою противорѣчій, ибо въ немъ, не смотря на подавляющее значеніе Юстиніанова права, кое-гдѣ проявляли свою жизненную силу реформаторскія стремленія иконоборцевъ и начала славянскаго обычнаго права. Наконецъ славянамъ византійское право становилось извѣстно посредствомъ переводовъ и передѣлокъ, дѣлаемыхъ очень плохо ²⁾. Не будетъ, думаю я, преувеличеніемъ, если скажу, что пятую часть оригинала переводчики обыкновенно не понимали. Если мы присоединимъ къ этому отсутствіе школъ правовѣдѣнія въ славяно-православныхъ странахъ, то должны, надѣюсь я, согласиться съ тѣмъ, что переводныя юридическія произведенія несравненно чаще переписывались, чѣмъ примѣнялись въ жизни. Вообще значеніе византійскаго права въ юридическомъ быту православныхъ славянъ проявилось троякимъ путемъ: 1) какъ византійская формулировка славянскихъ юридическихъ обычаевъ (Земледѣльческіе Законы, законы въ защиту крестьянскаго землевладѣнія ³⁾), можетъ быть нѣкоторыя положенія Эклоги); здѣсь, собственно говоря, мы имѣемъ дѣло не съ византійскимъ правомъ, а наоборотъ съ вліяніемъ славянскаго права на византійское; 2) въ брачномъ и наследственномъ правѣ; здѣсь византійское право вторгалось при посредствѣ церковнаго права подъ вліяніемъ духовенства; 3) въ уголовномъ правѣ, ибо лихой человекъ, выданный на казнь правительству своимъ родствомъ или общи-

1) Zacharia-von-Lingenthal. Gesch. des. griech.-röm. Rechts. Berlin 2-е изд. стр. 364—381.

2) До чего плохо усваивалось содержаніе переводимаго даже во времена Душана, видно напр. изъ того, что, не смотря на статью, запрещающую отсѣкать обѣ руки, переводчики вездѣ переводили, при назначеніи отсѣченія руки, единственное число греческаго оригинала множественнымъ, такъ что въ славянскомъ переводѣ вездѣ оказывается отсѣченіе обѣихъ рукъ.

3) Ж. М. Н. П. ч. ССХХV, стр. 30 и слѣд., стр. 301 и слѣд., замѣчательныя статьи Ѳ. Успенскаго.

ной, предоставлялся на произволъ верховной власти и ея органовъ, которые часто руководствовались византійскимъ правомъ.

Наконецъ намъ слѣдуетъ указать заслуги почтеннаго автора относительно судьбы законодательной дѣятельности Душана послѣ его смерти. Г. Флоринскій тщательно отмѣчаетъ по рукописямъ, гдѣ находятся поясненія, какъ появляются заглавія отдѣльныхъ статей, гдѣ дѣлаются добавленія, гдѣ замѣчаются пополненія изъ другихъ юридическихъ памятниковъ, напр. перенесеніе статей изъ сокращеній Синтагмы въ Законникъ, гдѣ видны подновленія языка, указывающія на непониманіе переписчикомъ стариннаго текста. Все это бросаетъ обильный свѣтъ на позднѣйшую, по Душановскую внѣшнюю исторію сербскаго права. Но и здѣсь отмѣтимъ одно весьма сомнительное положеніе. Авторъ вездѣ высказываетъ свою мысль о томъ, что Законникъ Душана сохранялъ свою обязательную силу до самаго поздняго времени. Съ этимъ нельзя согласиться. Прямые ссылки на Законникъ не восходятъ далѣе первыхъ годовъ правленія Уроша ¹⁾; но гораздо важнѣ здѣсь внутреннія причины, лежащія въ самомъ содержаніи Законника. Прежде всего въ немъ замѣчается чрезвычайная неопредѣленность юридическаго языка, долженствующая необыкновенно затруднять примѣненіе Законника. Напр. слово *бащина* обозначаетъ: 1) обширныя поземельныя владѣнія влстелей, недвижимыя имѣнія съ государственнымъ отгѣнкомъ, сильно напоминающія феодальныя владѣнія на Западѣ; 2) недвижимую собственность каждаго человѣка, перешедшую отъ предковъ; 3) земли зависимыхъ (церковныхъ, влстельскихъ) крестьянъ, на которыя слѣдуетъ смотрѣть не какъ на поземельную собственность, а какъ на потомственное владѣніе и пользованіе чужею (церковною или влстельскою) землею. Понятно, что при такой неопредѣленности долженъ былъ постоянно на практикѣ возни-

¹⁾ Зак. Стеф. Душана *Θ. Зигеля*, стр. 116—120. Кромѣ здѣсь приведенныхъ ссылокъ см. у Флоринскаго *Авоискіе акты* стр. 72: «и синга записани и оутврѣдени цѣва ми никто да не шрѣчюу, кто ли забави и потворити да се распе... и накаже, како повелѣва законикъ цѣв ми» (грам. Душана. 1355 г.).

кать вопросъ, въ какомъ объемѣ слѣдуетъ примѣнять ту или другую статью о бащинахъ. Другой примѣръ; ранѣе указанный мною ¹⁾, заключается въ словѣ отрокъ; статьямъ объ отрокахъ несомнѣнно придавалось распространительное толкованіе, что едва-ли согласовалось съ намѣреніями Душана. Далѣе отдѣльныя статьи часто не соответствовали самой жизни. Напр. Законникъ освобождалъ бащины отъ всѣхъ налоговъ и повинностей (ст. 40 Пр. сп.), между тѣмъ какъ это невѣрно. Церкви пользовались также полною свободой (ст. 25), что также не согласовалось съ существующими порядками; стоитъ прочесть любой хрисовулъ въ пользу церквей и монастырей, дабы убѣдиться, что свобода эта обыкновенно предоставлялась жалованною грамотою, да и то не всегда въ полномъ объемѣ. Очевидно съ одной стороны статьи были весьма плохо формулированы, а съ другой соборъ стремился ввести посредствомъ Законника извѣстныя реформы, которыя не привились. Наконецъ главное содержаніе Законника относится не къ частному, а къ государственному и уголовному праву, которыя значительно видоизмѣнились послѣ паденія Душанова царства. Напр. о стражахъ по дорогамъ и помина нѣтъ впослѣдствіи, а къ нимъ относится нѣсколько статей Законника. Всѣ эти соображенія, взятые вмѣстѣ, приводятъ меня къ убѣжденію, что Законникъ не привился къ сербскому обществу и весьма скоро по своемъ изданіи вышелъ изъ употребленія ²⁾.

Это наше замѣчаніе о внутренней несостоятельности Законника неожиданно выясняетъ то, что до сихъ поръ оставалось еще не совсѣмъ понятнымъ. Законникъ Душана очень рано потерялъ

¹⁾ Зак. Стеф. Душана Ф. Зигеля, стр. 143, 144.

²⁾ Конечно это положеніе здѣсь не можетъ быть мною вполне доказано, такъ какъ оно требовало-бы изложенія всего общественнаго быта Сербіи на основаніи всѣхъ сохранившихся памятниковъ и сравненія этого быта съ содержаніемъ Законника. Только такое сравненіе дозволяло-бы точно опредѣлить, на сколько статьи Законника отражали на себѣ тогдашній общественный бытъ и могли руководить юридическою жизнью сербскаго народа. Но эта работа, очевидно, переходитъ предѣлы рецензій.

свое практическое значеніе, но нельзя того же сказать о сокращенной Синтагмѣ, вслѣдствіе обилія въ ней правилъ каноническаго права, и о законѣ царя Юстиніана, заключающемъ въ себѣ много славянскаго обычнаго права. Поэтому неудивительно, что сокращенная Синтагма и законъ Юстиніана занимаютъ въ рукописяхъ XV в. и болѣе позднихъ временъ первое мѣсто, а также, что писецъ совѣтуетъ обращаться къ нимъ ранѣе, чѣмъ къ Законнику. Вообще Душанъ стремился вліять на общество двоякимъ путемъ, посредствомъ изданія Законника и посредствомъ передачи полезныхъ для Сербіи византійскихъ юридическихъ работъ; первый путь производилъ прямо реформы, второй — подготавливалъ, посредствомъ поученія, почву для будущихъ реформъ. Послѣ смерти Душана всѣ эти 3 юридическіе памятники обыкновенно ¹⁾ переписывались вмѣстѣ, ибо всѣ они возникли по инициативѣ Душана, а въ XV-мъ вѣкѣ и позже Законникъ, вслѣдствіе своей непригодности для жизни, совершенно отступилъ на задній планъ, а первое мѣсто заняли сокращенная Синтагма и законъ Юстиніана, благодаря своей практической важности.

Приступая къ окончательной оцѣнкѣ замѣчательнаго труда г-на Флоринскаго, мы видимъ, что совершенно новый взглядъ почтеннаго автора на законодательную дѣятельность Душана едва-ли можетъ быть признанъ справедливымъ, хотя и въ немъ имѣется извѣстная доля истины. Что же касается до результатовъ многолѣтнихъ архивныхъ розысканій, до описанія и критическаго изданія весьма важныхъ памятниковъ, до опредѣленія ихъ состава и ихъ источниковъ, то эта, и притомъ неизмѣримо болѣе важная, сторона труда осталась внѣ всякихъ критическихъ замѣчаній, такъ какъ она выполнена безукоризненно. Вслѣдствіе этого я считаю необходимымъ наградить сочиненіе автора полною преміею преосвященнаго Макарія; такія работы, какъ работа Флоринскаго, появляются чрезвычайно рѣдко, сопряжены съ гро-

¹⁾ О рукописяхъ сокращенной Синтагмы и закона царя Юстиніана безъ Законника Душана см. у Флоринскаго. Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 322.

мадными затратами не только времени и труда, но даже денежных средств и нуждаются въ поддержкѣ и поощреніи. Сочиненіе г-на Флоринскаго существенно обогащаетъ науку, внося въ нее новые факты и наблюденія; что же касается его самостоятельности, то она стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

IV.

О СОЧИНЕНИИ ПРОФЕССОРА А. А. КОЧУВИНСКАГО: НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ РУССКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ. ОДЕССА 1887—1888. 8°. 324. СЛ.

Отзывъ Академика И. В. Ягича.

Послѣднія десятилѣтія обогатили русскую литературу множествомъ мемуаровъ, автобіографій, писемъ и разнаго рода воспоминаній, освѣщающихъ жизнь и дѣятельность, образъ мыслей и нравы русскаго общества въ теченіе XVIII и XIX в. Хотя большая часть этихъ матеріаловъ относится къ виднымъ представителямъ государственной, политической и военной, русской службы, все же и скромные труженики науки не оставлены совсѣмъ безъ вниманія. Имѣя свой естественный центръ въ Императорской Академіи Наукъ и явившейся потомъ ей въ помощь Россійской академіи, эти представители русской учености того времени отчасти уже нашли своихъ историковъ въ рядахъ эпитгоновъ того же сословія. Розысканія акад. Пекарскаго, обширныя біографіи акад. Сухомлинова останутся на долгое время неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній о ходѣ науки, о разработкѣ различныхъ научныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ Россіи въ XVIII и въ началѣ XIX стол. Уже на основаніи этихъ общедоступныхъ пособій можно подвергнуть научную дѣятельность цѣлой эпохи критическому анализу. Но гораздо полнѣе выйдетъ картина, если взяться за дѣло по частямъ, въ точно-опредѣлен-

ныхъ рамкахъ отдѣльныхъ специальностей; если ограничиться какимъ либо однимъ рядомъ наукъ и подвести результаты для оцѣнки подъ уровень нашего разумѣнія. Такъ поступилъ проф. А. А. Кочубинскій, поставивъ себѣ въ выше приведенномъ сочиненіи задачу разсмотрѣть и критически оцѣнить первые годы зарождавшагося въ Россіи въ началѣ текущаго столѣтія «славяновѣдѣнія». Онъ озаглавилъ свой трудъ именами двухъ передовыхъ дѣятелей въ этой области, адмирала Шишкова и канцлера Румянцова. Помимо всѣхъ прочихъ источниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ Россіи и за границу, доставившихъ ему обильныя свѣдѣнія по этому вопросу, авторъ внесъ въ свой трудъ и самыя нѣсколько новыхъ, имъ впервые изданныхъ матеріаловъ, а именно: а) переписку канцлера Румянцова съ Бантышъ-Каменскимъ, б) переписку канцлера съ Малиновскимъ, с) переписку Кеппена съ Ганкою и d) отчетъ Греча о своихъ грамматикахъ Кеппену. Этотъ матеріалъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ «Начальнымъ годамъ».

Новособранные источники не столь важны, чтобы на основаніи ихъ однихъ можно было создать обширную исторію начальныхъ годовъ русскаго славяновѣдѣнія. Они послужили лишь толчкомъ, напомнили автору о благодарной темѣ, никѣмъ еще не разработанной. Вотъ онъ и взялся за эту тему, онъ порѣшилъ воспользоваться богатыми указаніями, разсѣянными по различнымъ повременнымъ изданіямъ, не только русскимъ, но и чешскимъ, польскимъ, для критической оцѣнки идей, одушевлявшихъ нашихъ предковъ въ началѣ текущаго столѣтія по части славянской филологіи, исторіи и археологіи, и людей, посвятившихъ себя служенію этимъ идеямъ.

Обширная характеристика — она обнимаетъ 324 стр. убористой печати — вышла на мой взглядъ очень удачно, она написана живо, увлекательно, съ глубоко вникающей наблюдательностью свѣдущаго въ своей наукѣ специалиста, съ мѣткимъ сужденіемъ знатока. Авторъ развернулъ передъ нами картины очень рельефно сгруппированныхъ кружковъ людей благородныхъ, болѣе или

менѣ даровитыхъ, энергичныхъ и настойчивыхъ, стремившихся, хотя бы и различными путями, но къ одной общей цѣли, навѣянной Россіи и западнымъ славянамъ романтизмомъ тогдашняго времени—къ изслѣдованіямъ своей родной старины, къ разыскиванію всѣхъ возможныхъ слѣдовъ ея, къ собиранію, описыванію и изданію памятниковъ русской и славянской древности.

Все то, что намъ рассказываетъ авторъ о дѣятельности адмирала Шишкова, канцлера Румянцова, ихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ въ Россіи, и ихъ поклонниковъ или почитателей за границею, представляетъ, правда, только блестящій эпизодъ въ обширной, еще не написанной исторіи славянской филологіи, но я вполне раздѣляю его чувства, когда онъ съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о незабвенныхъ годахъ по исторіи русской научной мысли первой четверти текущаго столѣтія, когда, ссылаясь на слова И. И. Срезневскаго, величаетъ Румянцовскую эпоху счастливымъ временемъ русской науки. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взять въ руки какое либо изъ классическихъ изданій, пущенныхъ въ свѣтъ щедрою рукою канцлера Румянцова, чтобы проникнуться почти тельнымъ уваженіемъ къ этому русскому меценату; стоитъ сравнить всѣ приемы этихъ изданій съ появившимися въ свѣтъ потомъ, въ теченіе второй и третьей четверти текущаго столѣтія, чтобы еще сильнѣе въ памяти нашей проснулось сознаніе долга признательности. Даже мысли и воззрѣнія, высказываемыя въ трудахъ первыхъ русскихъ филологовъ, археологовъ и библиографовъ, несмотря на неполноту свѣдѣній, отличались симпатичнымъ простодушіемъ, спокойною объективностью; понятное дѣло, всѣхъ ихъ одушевляла одинаковая любовь къ избранному предмету, ихъ прельщало великолѣпіе задачи, восторгала новизна открытій; нѣтъ еще разочарованій, не видно предвзятыхъ мыслей, не слышно взаимныхъ нареканій. Въ скромное «славяновѣдѣніе» того времени не вторгся еще духъ высокомерія и самолюбія, не дѣлалось различія между братьями старшими и младшими, большими и меньшими, не осуждались цѣлыя племена изъ за исторически сложившихся фактовъ, не было повода поднимать

жалобы на неблагодарность, и т. д. Однимъ словомъ, общая цѣль всѣхъ стремленій стояла высоко какъ недосягаемый идеаль, котораго не заслоняли и не затмѣвали непріглядныя стороны реальной дѣйствительности.

Вотъ какую эпоху въ исторіи умственнаго движенія Россіи выбралъ авторъ для критической разработки въ своихъ «Начальныхъ годахъ русскаго славяновѣдѣнія». Хорошія стороны предмета нашли отзывчиваго оцѣнителя, благородство стремленій сообщилося перу его, и онъ не поскупился похвальными отзывами объ истинныхъ заслугахъ, хотя въ то же время не умолчалъ и о слабыхъ сторонахъ времени и людей. Какъ и можно было ожидать, авторъ не удовольствовался удобною ролью хвалителя «temporis asti», не ограничился пересказомъ того, что находилъ въ своихъ источникахъ, напротивъ вездѣ слышенъ также голосъ стоящаго на уровнѣ современныхъ требованій науки критика, подвергающаго мнѣнію нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ суду внуковъ, обогатившихся опытами, измѣнившихъ кое въ чемъ прежніе взгляды. Такимъ образомъ изложеніе предмета приняло характеръ субъективныхъ соображеній, на первый планъ выступило личное мнѣніе автора; читая книгу проф. Кочубинскаго знакомишься на столько же съ дѣятельностью Шишкова, Румянцева и ихъ сообщниковъ, на сколько и со взглядами современнаго «славяновѣда» о значеніи той эпохи. Выставляю это не въ упрекъ автору; напротивъ охотно сознаюсь, что отъ сочиненія подобнаго рода, написаннаго въ этомъ духѣ, ожидаю значительнаго успѣха. Оно читается съ большимъ интересомъ и если что въ состояніи расшевелить дремлющее сочувствіе къ этой отрасли филологической науки въ Россіи, то скорѣе всего можно ожидать нѣкотораго дѣйствія отъ такихъ бойко написанныхъ очерковъ.

Вопросъ только въ томъ, на сколько эта характеристика времени и людей можетъ рассчитывать на общее согласіе? въ состояніи ли и мы усвоить взгляды автора и раздѣлить его впечатлѣнія?

Пишущій эти строки находится въ пріятномъ положеніи за-

нимающагося, параллельно съ профессоромъ Кочубинскимъ, тѣмъ же вопросомъ, только съ другого конца. Пока проф. Кочубинскій собиралъ матеріалъ для уясненія зарождавшейся славянской науки въ Россіи, я былъ въ состояніи внести немалую долю подобнаго же матеріала въ изданія нашей академіи, для освѣщенія просыпавшагося въ то же время славизма у западныхъ и южныхъ славянъ. Первымъ томомъ моихъ источниковъ авторъ могъ уже воспользоваться для своихъ критическихъ очерковъ, что онъ и сдѣлалъ вполне добросовѣстно. Почти на каждой страницѣ «Начальныхъ годовъ русскаго славяновѣдѣнія» видно, что какъ эти, такъ и прочія изданія нашей академіи (переписка Востокова, Евгенія, Исторія россійской академіи) сослужили автору существенную службу. Но мнѣ еще пріятнѣе констатировать фактъ, что между мною и авторомъ существеннаго разногласія въ оцѣнкѣ эпохи и главныхъ дѣятелей ея не оказывается. По моему разумѣнію — у проф. Кочубинскаго обрисовка дѣятельности адмирала Шишкова, рассказъ о громадныхъ заслугахъ канцлера Румянцова, характеристика Кеппена, Востокова, Калайдовича съ одной, Добровскаго, Копитара, Ганки съ другой стороны — все это написано съ большимъ, даже нѣсколько преувеличеннымъ краснорѣчіемъ, но убѣдительно и — въ концѣ концовъ — справедливо. Только изрѣдка мнѣ приходилось останавливаться на томъ или другомъ соображеніи которое поражало меня неожиданностью и казалось неосновательнымъ. Укажу на нѣсколько такихъ мѣстъ, вовсе не желая этимъ умалить достоинство труда.

Чтобы начать съ общихъ взглядовъ, мнѣ сдается, что авторъ отнесся нѣсколько пристрастно къ адмиралу Шишкову въ первой части своего сочиненія. Слѣдовало ли столь рѣзко подсмѣиваться и издѣваться надъ этимологическими заблужденіями его, когда знаемъ, что это былъ общій недугъ того времени? Не унаслѣдовалъ ли онъ эту страсть отъ временъ императрицы Екатерины? Да и сама задача, нѣсколько узко понятая, о составленіи русскаго словаря, не была ли намѣчена Россійской академіи уже издавна? Положимъ, онъ усердствовалъ въ этомъ дѣлѣ не по ра-

зуму, но все-таки едва-ли справедливъ упрекъ, сдѣланный ему (на стр. 14), что онъ-де «поглотилъ» своею безбрежною этимологическою дѣятельностью всю академію, принявъ въ себя всѣ ея раннія увлеченія, безъ возраженія повелъ ее за собою, а съ собою увлекъ и въ могилу». Шишковъ считалъ главнымъ завѣщаніемъ для російской академіи—составленіе словаря. Стало быть съ формальной точки зрѣнія онъ былъ правъ, бѣда только въ томъ, что именно какъ филологъ и этимологъ онъ отличался замѣчательною бездарностью. Но гдѣ же тѣ сочлены, которые, видя бесплодность затѣй Шишкова, могли имъ воспротивиться? Не относится ли упрекъ, сдѣланный Шишкову, въ равной мѣрѣ и къ нимъ? Въ оправданіе Шишкова нужно, кромѣ того, замѣтить, что онъ не помѣшалъ поступленію въ академію людямъ гораздо даровитѣе его, какъ на примѣръ Востокову и Евгению. Не говоритъ ли также въ пользу его сочувственное отношеніе къ ходатайствамъ Кеппена, о которыхъ и самъ авторъ отзывался во второй части своего сочиненія съ полнымъ одобреніемъ? Въ одномъ, конечно, теперь уже никто не сомнѣвается: Шишковъ, какъ славянорусскій филологъ, зналъ очень мало, воображалъ же себѣ очень много. Только я не назвалъ бы его фантастомъ (на стр. 13), а скорѣе нѣсколько тупымъ педантомъ съ довольно неповоротливымъ умомъ.

Самая главная часть сочиненія профессора Кочубинскаго посвящена возвеличенію заслугъ канцлера Румянцова. Отдавая полную справедливость восторженнымъ отзывамъ автора, я позволю себѣ и здѣсь замѣтить, что не вижу причины выставять кружокъ Румянцова какъ прямую противоположность и противовѣсь «бреднямъ» Шишкова. Охотно соглашаюсь, что научное направленіе главныхъ дѣятелей, группировавшихся около Румянцова, не соотвѣтствовало идеаламъ Шишкова, но никакой вражды, никакого противорѣчія тутъ не было; они расходились, но не стояли другъ другу поперекъ дороги. Это были два различныхъ направленія, одно историческое (московское, по мнѣнію автора), другое сравнительное (петербургское), которыя не исключали

другъ друга, а при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы взаимно пополняться. Мы видимъ дѣйствительно, что такъ-называемый Румянцовскій кружокъ относился не менѣе почтительно къ Добровскому, чѣмъ Шишковъ и Россійская академія, что съ обѣихъ сторонъ одинаковымъ образомъ выражалось сочувствіе и оказывалась поддержка Вуку Караджичу. Не состоялъ ли Востоковъ, такъ сказать, на службѣ у Румянцева, а въ то-же время былъ же членомъ и Россійской академіи? А Калайдовичъ — трудился надъ Іоанномъ эксархомъ подъ покровительствомъ и на средства канцлера и все-таки, окончивъ свой трудъ, поднесъ его Шишкову и дорожилъ отзывомъ академіи, въ чемъ я не вижу ничего неяснаго или непонятнаго (стр. 131). Поэтому я считаю непозволительною утрировкой говорить про Петербургъ, что онъ былъ штабъ-квартирой Шишковской этимологіи (стр. 38), когда всѣмъ извѣстно, что тотъ же Петербургъ далъ кружку Румянцева Оленина, Ермолаева, Востокова и Кеппена! (стр. 67). Не всякое красное словцо выдерживаетъ критику.

Если профессоръ Кочубинскій, по собственному признанію, поставилъ себѣ задачу «уяснить исторію возникновенія славянскихъ штудій въ Россіи» (введеніе, стр. I), то было бы съ его стороны излишне предварительно опредѣлить, что такое «славяновѣдѣніе». Вѣдь по принятому обычаю въ русской литературѣ, когда говорятъ о «славянскихъ нарѣчіяхъ», о «славянской филологіи», о «братьяхъ славянахъ», втихомолку исключаютъ самого себя, т. е. русскихъ и все русское, отчасти даже и поляковъ. Положимъ, это непохвальное злоупотребленіе, но и «славяновѣдѣніе» обыкновенно употребляютъ въ этомъ ограниченномъ смыслѣ. Если бы авторъ «Начальныхъ годовъ» придавалъ такое же значеніе своему «славяновѣдѣнію», обширная положенная дѣятельность Румянцовскаго кружка являлась бы въ сочиненіи его лишнею вставкою, такъ какъ интересы кружка вращались по большей части въ другой области. Надо было оговорить прежнюю, болѣе правильную точку зрѣнія, съ которой въ то время смотрѣли на «славяновѣдѣніе», которую не мѣшало бы снова пустить

въ ходъ въ русской литературѣ. Съ той первоначальной точки зрѣнія изданія Румянцовскаго кружка, каковы «Древнія русскія стихотворенія», или «Памятники русской словесности XII вѣка», или «Софійскій временникъ», или «Государственныя грамоты» — такіе же предметы славяновѣдѣнія, какъ изданіе «Іоанна эксарха болгарскаго», или «Собранія словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», или «Остромирова Евангелія». Я вмѣняю дѣйствительно въ заслугу Румянцовскому кружку, что онъ не дѣлалъ еще различія между этими вопросами, что напримѣръ Калайдовичъ чувствовалъ себя въ той же области славянскій науки, когда издавалъ «Памятники русской словесности XII вѣка» и когда съ удивительнымъ трудолюбіемъ отыскивалъ слѣды Іоанна эксарха болгарскаго, или же, что Востоковъ съ одинаковымъ мастерствомъ приготовилъ къ печати «Фрейзингенскіе отрывки», какъ и «Остромирово Евангеліе».

Съ этой оговоркою и я охотно включаю въ исторію зарождающагося въ Россіи славяновѣдѣнія обширный разсказъ о грандіозномъ для своего времени предпріятіи канцлера Румянцева, объ изданіи государственныхъ грамотъ, отлично объясненномъ въ трудѣ проф. Кочубинскаго съ внѣшней стороны.

Излагая кипучую дѣятельность Румянцовскаго кружка, авторъ затронулъ много любопытныхъ вопросовъ, вывелъ много замѣчательныхъ людей. О всѣхъ ихъ нельзя было подробно распространяться, но эскизы набросаны умѣлою рукою. Особенно удалась автору характеристика Калайдовича. Полное теплое сочувствіе отношеніе къ этому судьбою неизбалованному труженнику составляетъ нѣсколько лучшихъ страницъ въ сочиненіи проф. Кочубинскаго. Но въ приуроченіи Калайдовичемъ эмбриона славянскій письменности къ славянамъ средняго Дуная (стр. 132) я, признаюсь, не умѣю найти ничего блестящаго.

У автора есть свои любимцы, въ числѣ ихъ — Евгений и Востоковъ. Оба конечно вполне заслуживаютъ живѣйшаго признанія, но надо остерегаться отъ избыточнаго панегиризма. Роль Евгения нѣсколько преувеличена, къ заблужденіямъ его авторъ

непомѣрно снисходителенъ въ сравненіи съ рѣзкостью, обрушившеюся на голову бѣднаго Шишкова. Въ характеристикѣ Востокова тоже слишкомъ громко звучитъ похвальная струнка. Авторъ приписываетъ «своеобразно сложившимся обстоятельствамъ», что Востоковъ не сталъ русскимъ Гриммомъ и не положилъ основы исторіи славянскихъ языковъ (стр. 178), но едва-ли въ этихъ несбывшихся надеждахъ, которыхъ впрочемъ современники Востокова и не высказывали, виноваты только «своеобразно сложившіяся обстоятельства». По словамъ проф. Кочубинскаго выходитъ чуть-ли не личнымъ оскорбленіемъ для Востокова, что и онъ принялъ нѣкоторое участіе въ изданіи русскаго перевода грамматики Добровскаго. Такой взглядъ на «анахроническія» Institutiones Добровскаго положительно не вѣренъ. Не отрицаю крупныхъ ошибокъ грамматики, но онѣ касаются только двухъ частей ея, науки о звукахъ и формахъ, во всемъ же прочемъ грамматика Добровскаго не только не представляла ничего «анахроническаго» или отсталого, а напротивъ стройностью и полнотою, грамматическимъ глубокомысліемъ превышала чуть-ли не всѣ подобнаго рода сочиненія въ европейской грамматической литературѣ. Поэтому можно конечно жалѣть, что переводъ грамматики явился въ непереработанномъ видѣ, въ чемъ много виновата торопливость Погодина, — но никакъ нельзя и не должно переводъ этотъ дѣлать отвѣтственнымъ за непоявленіе грамматики Востокова. Слова автора, что эта книга (переводъ церковно-славянской грамматики Добровскаго) «на цѣлыя десятилѣтія, почти до самой смерти Востокова, затормозила въ русской школѣ благое дѣйствіе благихъ научныхъ мыслей великаго нашего учителя о славянскомъ и отечественномъ языкахъ», — переполнены исторической несправедливости, они плохо маскируютъ одинъ чувствительный пробѣлъ въ дѣятельности Востокова. Если бы Востоковъ, какъ авторъ продолжаетъ (стр. 187), давно приготовлялъ «историческую, т. е. научную грамматику церковно-славянскаго языка, какъ понимаетъ ее современное славяновѣдѣніе», цѣлыя десятилѣтія, послѣ состоявшагося

второпяхъ изданія перевода Погодинова, оставались въ его распоряженіи, а Императорская Академія Наукъ, въ которой Востоковъ продолжалъ быть членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности послѣ прекращенія Россійской академіи, не отказалась бы напечатать и его грамматику, такъ же какъ она охотно напечатала его словарь.

И на счетъ учебниковъ русскаго языка, написанныхъ Востоковымъ по порученію, у меня сложился совсѣмъ другой взглядъ, чѣмъ тотъ, который авторъ высказываетъ объ этомъ дѣлѣ (на стр. 196—7). Востоковъ, конечно, долженъ былъ пожертвовать не мало труда и времени для составленія учебниковъ, но жертва эта не была напрасно сдѣлана; а чтобы онъ пожертвовалъ также своимъ авторитетомъ, взявшись за это дѣло, эта мысль мнѣ уже никакъ не идетъ въ голову.

Славяновѣдѣніе, понимая это слово въ обыкновенномъ узкомъ значеніи, можетъ пустить корни въ наукѣ и безъ офиціально существующихъ кафедръ. Не далеко идти за доказательствами. Не только у западныхъ славянъ родовачальники «славяновѣдѣнія», Добровский, Копитаръ, Шафарикъ, не были офиціальными славистами *ex cathedra*, но и въ Россіи Востоковъ написалъ знаменитое «Разсужденіе» и издалъ Остромирово Евангеліе безъ кафедры, а Калайдовичъ не получилъ за свой великолѣпный трудъ о Іоаннѣ экзархѣ ни ученой степени, ни профессуры. Желательнѣе и необходимѣе сознаніе важности славянской науки въ литературѣ и обществѣ, чѣмъ офиціально признанная замкнутость ея на кафедрѣ безъ поддержки, безъ сочувствія со стороны общества и литературы. На эту тему можно бы долго и много говорить. Авторъ «Начальныхъ годовъ» сдѣлалъ очень хорошо, показавъ на одномъ примѣрѣ, на перечнѣ статей «Вѣстника Европы», что въ русской литературѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ дѣйствительно существовалъ большой спросъ на статьи, входящія, по нынѣшнему опредѣленію, въ «славяновѣдѣніе». Столь отградныхъ фактовъ не отыщешь даже въ позднѣйшее время, когда кафедры славянскихъ нарѣчій давно уже существовали въ русскихъ уни-

верситетахъ. Но мнѣ кажется, что и по этому вопросу авторъ поступилъ нѣсколько произвольно, внеся его цѣликомъ въ очеркъ дѣятельности кружка Румянцовскаго и связавъ его, изъ-за одного Каченовскаго, слишкомъ узко съ интересами кружка. Да и заслуги Москвы въ этомъ дѣлѣ не столь велики, какъ выходитъ по словамъ проф. Кочубинскаго, прославляющаго свою московскую alma mater съ понятнымъ уваженіемъ, но въ данномъ вопросѣ нѣсколько черезъ мѣру (стр. 33—62). Не думаю, конечно, отрицать важности учрежденія славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ—я вполне понимаю и раздѣляю усердіе, съ которымъ авторъ прослѣдилъ этотъ вопросъ въ самыхъ раннихъ фазисахъ его появленія. Даже неудачи, постигавшія этотъ планъ не разъ, очень поучительны для насъ; онѣ свидѣтельствуютъ, что всякое дѣло, расчтыивающее на успѣхъ, должно опираться на широкое сознаніе полезности его и на ясное представленіе о немъ. Сколько же людей въ Россіи въ началѣ столѣтія имѣло или могло имѣть хоть бы самыя смутныя представленія о славянской наукѣ, о значеніи ея для Россіи? Не встрѣтили ли Калайдовичъ и его Іоаннъ эксархъ болгарскій полнѣйшее недовѣріе не только въ Россіи (Каченовскій, Евгений), но и у западныхъ славянъ, гдѣ столь выдающійся, даже единственный «славяновѣдъ», какъ Добровскій, не могъ разобраться въ массѣ новыхъ, совсѣмъ неожиданныхъ открытій!

Въ связи съ вопросомъ о кафедрахъ всплылъ наружу особый планъ «призванія славянъ» для занятія этихъ кафедръ. И этому эпизоду, не лишенному большого интереса, но заключающему въ себѣ также не мало трагикомизма, посвящена отдѣльная глава, обнимающая чуть ли не треть всего сочиненія. Не ошибусь, я думаю, если скажу, что въ этой любопытной главѣ русскій читатель найдетъ много новаго. Авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія отчасти изъ переписки между Кеппеномъ и Ганкою, имъ же впервые изданной, отчасти изъ писемъ и отзывовъ самихъ чеховъ между собою. Матеріалы послѣдняго рода, хотя и напечатаны въ доступныхъ чешскихъ изданіяхъ или журналахъ,

въ Россіи мало извѣстны, они и по языку доступны лишь спеціалистамъ-славистамъ. Поэтому русская литература поставитъ проф. Кочубинскому въ заслугу, что онъ пересадилъ отрывки этого матеріала, много трактующему о Россіи, на почву русскую и на основаніи его изобразилъ мысли и желанія цѣлаго кружка людей, мечтавшихъ одно время о перенесеніи своей дѣятельности въ Россію. Я такъ привыкъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и нареканіямъ, когда въ сочиненіяхъ русскихъ рѣчь идетъ о славянахъ, въ славянскихъ же о русскихъ, что признаться и въ трудѣ проф. Кочубинскаго съ нѣкоторымъ страхомъ началъ читать объ послѣднія главы «націонализація жизни» и «призваніе славянъ», но вскорѣ у меня отлегло отъ сердца, когда я убѣдился въ рѣдкой осмотрительности автора, осторожномъ взвѣшиваніи всѣхъ факторовъ, принявшихъ участіе въ дѣлѣ неосуществившагося «призванія», въ снисходительномъ извиненіи ошибокъ, сдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ въ затѣѣ непривычной, внушенной менѣ холоднымъ разсудкомъ, чѣмъ благороднымъ влеченіемъ сердца. Не опасаясь возраженія, если назову изложеніе этой главы мастерски сдѣланнымъ. Читая ее, я слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ разсказа, отдавалъ полную справедливость искусству автора, сумѣвшаго извинить слабости людскія, принять въ расчетъ неподготовленность замысловъ, и въ то же время не пощадить тѣхъ, кто въ этомъ эпизодѣ достоинъ порицанія передъ судомъ исторіи. Очень мѣтко охарактеризованъ симпатичный старикъ, гениальный Добровскій; по заслугамъ восхвалена свѣтлая личность Шафарика, только я не назвалъ бы его ученикомъ Добровскаго (стр. 201); удачно Ганка прозванъ юркимъ, въ поступкахъ же Копитара вѣрно различено чрезвычайное остроуміе отъ злословія и другихъ дурныхъ качествъ этого не очень симпатичнаго характера. Только вліяніе этого «слависта-мефистофеля» на серба Вука Караджича, по моему, изображено невѣрно. Я удивляюсь, что и проф. Кочубинскій повторяетъ прежнія сказки о сознательномъ желаніи Копитара разъединить черезъ Вука сербовъ отъ русскихъ (стр. 18, 231),

о литературномъ расколѣ, имъ вызванномъ, о его австрійской пропагандѣ (258) среди сербовъ. Я считаю лишнимъ доказывать, что все это не такъ; повторю только сказанное мною уже давно. Вукъ сдѣлалъ по отношенію къ націонализаціи сербскаго языка то, что Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ въ области языка русскаго. Поэтому недовольствіе автора могло, пожалуй, накинуться на вуковскую орфографію; реформа Вука по отношенію къ сербскому языку и къ графикѣ дѣйствительно мыслима и безъ введенія принципа фонетическаго въ орфографію. Последнее отчасти вправду дѣло Копитарово, но и это участіе даровитаго словенца въ дѣлахъ сербскихъ объясняется безъ коварныхъ замысловъ разъединенія, безъ австрійской пропаганды, гораздо проще индивидуальнымъ характеромъ Копитара. Несмотря на замѣчательную эрудицію, Копитаръ былъ, какъ человекъ, очень непрактиченъ и недалководивенъ, рядомъ съ рѣдкимъ остроуміемъ у него постоянно всплывали наружу мелочные провинціальныя взгляды, у него не было ни малѣйшаго политическаго чутья. Вышедшій изъ маленькой среды, поддававшійся большому самолюбію, не имѣвшій случая близко сойтись съ жизнью большихъ славянскихъ народовъ, русскаго или польскаго, онъ наивно увлекался примѣромъ древнегреческой литературы, процвѣтавшей когда-то безъ единства литературнаго языка, и полагалъ, что такіе же идеалы литературной разрозненности осуществимы и въ наше время среди славянъ! Для литературной и культурной кристаллизаціи славянскихъ племенъ у него не было ни малѣйшаго смысла. Въ этомъ заключалось его роковое заблужденіе, это былъ его — грѣхъ, и только. Пора бы перестать приписывать ему коварныя замыслы тамъ, гдѣ дѣйствовали лишь непримѣнимые къ нашему времени идеалы или наивныя убѣжденія самолюбиваго провинціала. Въ доказательство намекну лишь на странное поведеніе Копитара по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ словенцевъ, къ хорватамъ. Какъ извѣстно, онъ накинулся на Гаю и его сотрудниковъ съ непозволительною грубостью, но смѣшные протесты его противъ иллиризма не помѣ-

шали объединенію сербовъ и хорватовъ, потому что условія, благоприятствовавшія объединенію, коренились глубоко въ жизни народа. Сербскій языкъ вошелъ бы въ свои естественныя права и помимо Копитара, и даже Вука: вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ до появленія Вука, но Вуку обязана сербская письменность, помимо всего остального, еще удивительно простою графикою, пригодность которой признается всѣми безпристрастными русскими учеными. Для южныхъ славянъ, раздвоенныхъ вѣроисповѣданіемъ и письмомъ, чрезвычайно важно, чтобы кирилловское письмо совершенствомъ своимъ въ примѣненіи къ звукамъ сербскаго языка нисколько не уступало латинскому. Благодаря Вуку, въ графической реформѣ котораго принялъ участіе также Мушицкій, такъ ово и вышло, и это качество обезпечиваетъ существованіе и господство его. Замѣчательно; что русскимъ румяновскихъ временъ орфографическая реформа Вука не мѣшала отнестись къ молодому и даровитому сербу съ теплымъ сочувствіемъ.

Изъ богатаго содержанія послѣдней главы я могъ бы указать еще то или другое сужденіе автора, съ которымъ мнѣ трудно согласиться. Напримѣръ характеристику Палацкаго, противъ котораго проф. Кочубинскій разразился громомъ тяжкихъ обвиненій на стр. 277, я считаю крайне односторонней и не справедливой. Напротивъ, Челаковскаго онъ рисуетъ черезъчуръ человѣкомъ идеальнымъ; по собственному признанію чешскаго поэта (на стр. 294) его заставляла лишь крайняя нужда ухватиться за Россію, какъ якорь спасенія отъ голода. Окажись возможность выбирать между Бреславлемъ, куда онъ потомъ и попалъ, и Харьковомъ, куда его, по проекту Кеппена и Ганки, назначили — я убѣжденъ, онъ бы съ самаго начала непремѣнно предпочелъ Бреславль. Нечего грѣха таить, всѣ трое избранныковъ Кеппена и Шишкова порядочно боялись Россіи и русской жизни, и готовы были всякую комбинацію, которая доставила бы имъ средства существованія и не выгоняла ихъ изъ родины, предпочесть поѣздкѣ въ Россію. Если нашъ авторъ не

высказалъ этого прямо, то его удержала лишь деликатность и большое сочувствіе чехамъ и ихъ «золотой» Прагѣ.

Переселеніе трехъ чеховъ въ Россію не состоялось, но я вполне согласенъ съ авторомъ въ томъ, что объ этой неудачѣ скорбѣть нечего.

Едва-ли нужно подчеркивать, что я считаю трудъ проф. Кочубинскаго первымъ шагомъ, сдѣланнымъ для критической исторіи славяновѣдѣнія въ Россіи, и цѣннымъ въ очень небогатую по славяновѣдѣнію литературу вкладомъ, который вполне достоинъ одной изъ наградъ, имѣющихся въ распоряженіи Императорской Академіи Наукъ.

V.

РУКОПИСНОЕ СОЧИНЕНІЕ К. Ф. ОРДИНА: «ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ».

Отзывъ генералъ-лейтенанта Н. Э. Дубровина.

Въ послѣднее время русская историческая литература стала обогащаться изслѣдованіями, посвященными преимущественно изученію нашихъ окраинъ и приобрѣтеній. Столь отрадное явленіе вызывается, конечно, естественнымъ желаніемъ ближе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ Россіи относительно присоединенныхъ провинцій и съ тѣми историческими началами, которыя положены въ основу ихъ взаимныхъ отношеній. Къ числу такихъ приобрѣтеній принадлежитъ и Финляндія, историческій ходъ присоединенія которой и составляетъ предметъ изслѣдованія К. Ф. Ордина.

До настоящаго времени обстоятельства, заставившія Россію присоединить Финляндію къ своей территоріи, оставались почти не тронутыми русскими изслѣдователями и всѣ свѣдѣнія по этому вопросу заимствовались изъ многочисленныхъ шведскихъ и финскихъ источниковъ, къ сожалѣнію не вполне безпристрастныхъ. Въ русской литературѣ, основному вопросу—покоренію Финляндіи—посвящены сочиненія академика Я. К. Грота ¹⁾, Михайловскаго-Данилевскаго и графа

¹⁾ Я. К. Гротъ былъ первымъ изслѣдователемъ вопроса о покореніи Финляндіи и еще въ 1849 г. появились его статьи подъ заглавіемъ: «Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808—1809 гг. (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1849 г., №№ 79—82 и № 101). Впослѣдствіи онъ напечаталъ еще нѣсколько статей по тому же вопросу.

Сухтелена, имѣющія, впрочемъ, спеціально военный характеръ, касающіяся послѣдней войны въ царствованіе Императора Александра и при томъ изданныя полвѣка тому назадъ, когда близость времени не дозволяла приступить къ безпристрастной оцѣнкѣ лицъ и событій. Такимъ образомъ г. Ординъ является первымъ изслѣдователемъ, тѣмъ болѣе счастливымъ, что соединяетъ въ себѣ и знаніе шведскаго языка; столь необходимаго при изслѣдованіи такого вопроса какъ присоединеніе Финляндіи. Получивъ разрѣшеніе пользоваться архивными документами, авторъ не оставилъ безъ вниманія печатной литературы и изслѣдованій своихъ предшественниковъ. Изъ приложеннаго библиографическаго указателя источниковъ видно, что авторъ, за немногими исключеніями (см. прилож.) воспользовался главнѣйшими изслѣдованіями какъ въ русской, такъ шведской и финской литературахъ и это, конечно, придаетъ особое значеніе его изслѣдованію. Онъ дѣлитъ свой трудъ на три части. Въ первой — излагаетъ отношенія Россіи къ Финляндіи съ древнѣйшихъ временъ до царствованія императора Александра I; во второй — описываетъ шведскую войну до Фридрихсгамскаго мира, и въ третьей — говоритъ о созваніи финляндскаго сейма, внутреннемъ устройствѣ Финляндіи и о мирныхъ переговорахъ въ Фридрихсгамѣ.

Взаимныя сношенія русскихъ и шведовъ начались съ древнѣйшихъ временъ, были большею частью враждебны и первый письменный договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ заключенъ 12-го августа 1323 г. въ Орѣховѣ (Орѣшкѣ — нынѣ Шлиссельбургѣ). Договоръ этотъ, какъ и многіе другіе, не препятствовалъ однако же отдѣльнымъ шайкамъ врываться въ чужіе предѣлы, разорять города, селенія и уводить въ плѣнъ жителей. Первый крупный походъ въ предѣлы Швеціи былъ предпринятъ Иваномъ III въ 1495 году. Военныя дѣйствія продолжались до 1497 года, когда въ Новгородѣ было заключено перемиріе на 6-ть лѣтъ, не установившее однако же никакихъ опредѣленныхъ границъ и международныхъ отношеній между двумя государствами. Каждая сторона владѣла тѣмъ, что успѣла захватить въ послѣднюю войну.

Въ такомъ положеніи были дѣла до 1617 года, когда былъ заключенъ Столбовскій договоръ, по которому Россія возвратила себѣ Новгородъ, Ладогу, Гдовъ, Руссу и Порховъ; шведамъ же были уступлены города: Ивангородъ, Ямъ, Копорье и часть Финляндіи, бывшей нѣкогда во владѣніи Россіи. Не только Кексгольмъ, но и Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), а съ нимъ и входъ въ Ладожское озеро остались въ рукахъ шведовъ. Послѣдніе тотчасъ внесли религіозную пропаганду и ввели особое управленіе въ новопріобрѣтенныхъ провинціяхъ. Съ этихъ поръ мирныя отношенія между Россіею и Швеціею установились и продолжались до 1656 года, когда царь Алексѣй Михайловичъ, желая возвратитъ уступленные шведамъ провинціи, самъ выступилъ въ походъ въ Ливонію. Желанія его не осуществились и 21-го іюня 1661 года въ Кардисѣ былъ заключенъ миръ, подтвердившій только всѣ условія Столбовскаго договора. Россія не приобрѣла ничего и въ послѣдующіе годы не имѣла никакого вліянія на дѣла Швеціи.

Со вступленіемъ на престолъ императора Петра I отношенія наши къ Швеціи круто измѣнились. Сознывая необходимость въ приобрѣтеніи приморскихъ областей, бывшихъ прежде въ рукахъ Новгорода, великій преобразователь Россіи составилъ коалицію изъ Даніи, Польши и Россіи. Первая имѣла въ виду овладѣніе Гольштейнъ-Готторпомъ, вторая желала получить Лифляндію, а Россія—Ингерманландію и Финляндію. 18-го августа 1700 года былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Швеціею и возгорѣвшаяся великая Сѣверная война длилась до 30-го августа 1721 года. Въ этотъ день былъ заключенъ Ништадтскій миръ, по которому король шведскій уступилъ Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кореліи и Выборгской губерніи. Во владѣніи Россіи поступили крѣпости: Рига, Динамунде, Пернава, Ревель, Дерптъ, Нарва; а въ Финляндіи: Выборгъ и Кексгольмъ со всѣми ихъ округами, городами и поселеніями. На водахъ Россія приобрѣла острова: Эзель, Даго, Мено, а также всѣ тѣ,

которые находились по берегамъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и ингерманландскимъ.

Приобрѣтеніе всего южнаго побережья Финскаго и большей части Рижскаго заливовъ составляютъ громадную заслугу Петра, а низведеніе Швеціи на степень второстепенной державы обезсмертили его имя и по заключеніи Ништадтскаго мира Сенатъ поднесъ ему титулъ Императора и назвалъ отцомъ отечества.

Шведы не могли, конечно, помириться съ уступками, сдѣланными Россіи и при содѣйствіи Франціи, желавшей ослабить Россію, искали случая возвратить потерянные провинціи. Безпорядки внутри страны и отсутствіе вѣрныхъ союзниковъ долго лишали шведовъ возможности стать въ явно-враждебныя къ намъ отношенія и только въ 1738 году, пользуясь тѣмъ, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціею, шведское правительство вело переговоры съ Франціею и Портою объ активномъ вмѣшателствѣ противъ Россіи. Кончина Анны Іоанновны и послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ правленіи, давали поводъ предполагать о слабости петербургскихъ правительственныхъ сферъ и возможности возвратить потерянное. Интриги Франціи, сыпавшей золото въ карманы вліятельныхъ членовъ сейма, подготавливали общественное мнѣніе о необходимости войны съ Россіею. Въ концѣ-концовъ шведы готовы были предпочесть постыдному Ништадтскому миру войну, хотя бы и жестокою.

Въ февралѣ 1741 года, главнокомандующій въ Финляндіи Будденброкъ получилъ приказаніе двинуть войска къ русской границѣ и 28 іюля послѣдовало въ Стокгольмѣ объявленіе войны съ Россіею. Въ Петербургѣ манифестъ о войнѣ съ Швеціею былъ объявленъ 13-го августа и войска поручены фельдмаршалу графу Ласси. Спустя десять дней русскія войска взяли Вильманстрандъ, разграбили его и сожгли. Прибывшій въ Финляндію главнокомандующій шведскими войсками генералъ Левенгауптъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не предпринималъ ничего серьезнаго, а между тѣмъ въ ночь съ 25-го на 26-е ноября въ Петербургѣ произошли событія, возведшія на престолъ Елизавету Петровну.

Въ Стокгольмѣ питали надежду, что новая императрица, выразившая симпатіи къ Швеціи, возвратитъ ей хотя часть территоріи завоеванной Петромъ Великимъ. Дѣйствительно, вскорѣ по желанію императрицы было заключено перемиріе до марта 1742 года и начались переговоры о мирѣ; но они не привели ни къ чему и въ концѣ февраля въ Петербургѣ рѣшено было возобновить военныя дѣйствія. Одновременно съ этимъ изданъ былъ манифестъ Елизаветы, обращенный къ герцогству Финляндскому, въ которомъ говорилось, что война объявлена по себялюбивымъ видамъ нѣкоторыхъ шведскихъ чиновъ, что она тягостна для Финляндіи и если ея жители не будутъ помогать Швеціи и противодѣйствовать Россіи, то могутъ надѣяться стать независимымъ государствомъ подъ собственнымъ правленіемъ. Въ противномъ же случаѣ императрица грозила разорить страну огнемъ и мечомъ. Манифестъ этотъ не имѣлъ послѣдствій, такъ какъ король шведскій издалъ контръ-манифестъ, въ которомъ опровергалъ русскій и выразилъ увѣренность, что финляндцы останутся вѣрными шведскому правительству.

Военныя дѣйствія возобновились и крайне неудачно для шведовъ. 26 іюня русскіе подошли къ Фридрихсгаму, который былъ очищенъ неприятелемъ безъ боя и зажженъ. Армія Левенгаупта отступила къ р. Кюмени и находилась въ крайне затруднительномъ положеніи: войска не имѣли продовольствія, нижніе чины оставляли ряды арміи и бѣжали, а начальники, не оказывая никакого уваженія главнокомандующему, самовольно уѣзжали въ Стокгольмъ. При такихъ условіяхъ шведамъ не оставалось ничего болѣе какъ отступить передъ побѣдоноснымъ противникомъ и сдавать свои укрѣпленныя позиціи. 7-го августа сдалась на капитуляцію крѣпость Нейшлотъ, 21-го числа заняты безъ боя Тавастгусъ, а нѣсколько ранѣе, и именно 11-го августа главныя силы подошли къ Гельсингфорсу, окружили шведскую армію и отрѣзали ей путь отступленія. 24-го августа была подписана капитуляція, по которой шведамъ разрѣшено было отправиться въ отечество: пѣхотѣ на шведскихъ галерахъ, кавалеріи — кругомъ

черезъ Торнео подъ русскимъ конвоемъ. — Финская конница и половина пѣхоты сдали свои знамена и оружіе нашимъ войскамъ, присягнули на вѣрность императрицѣ и разошлись по домамъ. Русскіе вступили въ права владѣнія завоеванной страной вплоть до Улеборга; населеніе приведено было къ присягѣ, назначенъ генераль-губернаторъ и главное управленіе страной сосредоточено въ Гельсингфорсѣ.

Между тѣмъ въ Швеціи происходила борьба партій по вопросу о наслѣдникѣ престола послѣ скончавшейся королевы Ульрики-Элеоноры. — Зная желаніе императрицы Елизаветы Петровны видѣть на шведскомъ престолѣ племянника своего гольштинскаго принца Петра Федоровича, вполнѣдствіи императора Петра III, сеймъ отправилъ въ Петербургъ депутатовъ, но пока они прибыли въ русскую столицу, принцъ принялъ православіе и былъ назначенъ наслѣдникомъ русскаго престола. Тогда Елизавета выразила готовность ограничить свои требованія при заключеніи мира, если наслѣдникомъ шведскимъ будетъ избранъ другой гольштинскій принцъ, дядя Петра III, Адольфъ-Фридрихъ, епископъ любскій. — Такое требованіе не могло легко пройти на сеймѣ, такъ какъ были другіе кандидаты на престолъ и въ числѣ ихъ пфальцграфъ цвейбрюкенскій и принцъ датскій. Заявленіе Россіи, что въ случаѣ исполненія ея требованій возможно возвратъ Швеціи части завоеванной Финляндіи, одержало преимущество и чины сейма готовы были принять кандидатуру Адольфа-Фридриха, при условіи если мирные переговоры будутъ окончены къ 4-му іюля. Обѣ договаривающіяся согласились и Россія отказалась въ пользу Швеціи отъ Нюландской и Тавастгуской провинцій и сохранила за собою только Кюменегородскую провинцію и Нейшлотъ съ округомъ. Граница перешла отъ Выборга на рѣку Кюмень.

23-го іюня состоялось избраніе Адольфа-Фридриха въ наслѣдники шведскаго престола, а 7-го августа 1743 года былъ подписанъ въ Або мирный договоръ, который былъ повтореніемъ Ништадтскаго съ небольшими измѣненіями. Такимъ образомъ,

не смотря на блестящіе военные успѣхи, всѣ территоріальныя приобрѣтенія Россіи ограничились 220-ью квадратными географическими милями. Главнѣйшее значеніе Абосскаго мира состояло въ томъ, что граница переносилась нѣсколько далѣе отъ Петербурга и онъ не подвергался опасности отъ нечаяннаго нападенія.

Вновь присоединенная территорія вошла въ составъ Выборгской губерніи, внутреннему устройству которой авторъ посвящаетъ особую главу. Разказавши о перемѣнахъ въ управленіи губерніею, ея административномъ и судебномъ устройствѣ, г. Ординъ переходитъ къ описанію дальнѣйшихъ событій и говоритъ, что послѣ Абосскаго мира дружественныя отношенія между Россіею и Швеціею не прерывались въ теченіе 45-ти лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени внутренній порядокъ въ Швеціи пришелъ въ такой упадокъ и разстройство, что король лишился правъ даже нанять себѣ прислугу, безъ участія сеймоваго комитета, изъ дворянъ. Такая опека сейма продолжалась до 1771 года, когда на шведскій престолъ вступилъ Густавъ III. — «Бывъ кронпринцемъ, говоритъ авторъ, онъ могъ близко видѣть все безобразное положеніе страны, которою ему предстояло управлять. Честолюбивый и пылкій, обладая личными чертами характера, способными расположить въ его пользу массы населенія, онъ задался цѣлью возвратить Швеціи утраченное ею значеніе и прежде всего освободиться отъ ненавистной опеки сейма». — Вражда двухъ политическихъ партій, ослаблявшихъ другъ друга, дали королю возможность, при помощи войска, возстановить порядокъ управленія, бывший при Густавѣ-Адольфѣ, и сейму предоставлено исключительно заниматься финансовыми дѣлами, съ сохраненіемъ права объявленія наступательной войны. Перемѣна эта повидимому должна была имѣть благотѣльное вліяніе на внутреннее положеніе страны; но привыкшее къ своеволю дворянство не оставляло своихъ интригъ и не рѣдко прибѣгало къ заговорамъ. Явился вопросъ объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и душею его былъ Георгъ Спренгпортень, перешедшій въ

1786 году въ русскую службу. Агитаторы предлагали избрать королемъ Финляндіи сначала Петра Ѳедоровича, потомъ младшаго брата короля Фридриха, а затѣмъ другаго брата Карла герцога Зюдерманландскаго. По поводу отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи Спренгпортенъ входилъ въ сношеніе съ русскимъ посланникомъ въ Гагъ Колычевымъ и, при помощи распускаемыхъ слуховъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы возстановить финляндцевъ противъ короля. Сторонниками его были близкіе пріатели финляндскіе массовы, причемъ орденъ Валгалла пользовался особымъ значеніемъ.

Всѣ эти интриги не скрылись отъ короля и одно средство водворить внутреннее спокойствіе онъ видѣлъ въ приобрѣтеніи Швеціею ея прежняго политическаго значенія, а для того военные успѣхи и возстановленіе границъ въ прежнихъ предѣлахъ являлось дѣломъ наиболѣе соотвѣтственнымъ. Императрица Екатерина II не желала первая начинать войны, сознавая, что такой поступокъ доставитъ возможность Густаву требовать отъ страны, помимо сейма, всѣхъ средствъ необходимыхъ для обороны. Она предоставляла починъ королю, чтобы сохранить за собою всѣ шансы на успѣхъ. Заручившись денежными субсидіями отъ Англіи и Турціи, король сталъ искать предлога къ разрыву. Достигнуть послѣдняго было не трудно. Когда съ открытіемъ навигаціи была отправлена въ Средиземное море эскадра вице-адмирала Фонъ-Дезина, то встрѣтившій ее въ морѣ братъ короля герцогъ Зюдерманландскій потребовалъ салюта, отмигненнаго Абосскимъ трактатомъ. Завязавшіеся по этому поводу переговоры окончились требованіемъ короля, чтобъ нашъ посланникъ графъ Разумовскій выѣхалъ изъ Стокгольма въ теченіе восьми дней. Тотъ же срокъ былъ назначенъ императрицею шведскому посланнику Нолькену для выѣзда изъ Петербурга. Обѣ стороны стали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ.

Авторъ подробно излагаетъ приготовленія, дѣлаемые съ той и другой стороны; но при этомъ нельзя не выразить сожалѣнія, что онъ не воспользовался записками Чичагова, прекрасно рису-

щими то время и тѣ морскія средства, которыми располагали обѣ державы.

21 іюня 1788 года, Густавъ III прибылъ на галерахъ въ Гельсингфорсъ, а начальникъ шведскихъ войскъ въ Кореліи и Саволакскѣ, бригадиръ баронъ Гастферъ, подступилъ къ Нейшлоту и занялъ его предмѣстье. На другой день онъ отправилъ требованіе коменданту, секундъ-маіору Кузьмину, сдать крѣпость и далъ полчаса времени на размышленіе. Кузьминъ отказался исполнить требованіе, а шведы не рѣшились атаковать крѣпости. Первые выстрѣлы послѣдовали 27 іюня подъ Нейшлотомъ, а затѣмъ 1 іюля (ст. ст.) на р. Кюмени и въ присутствіи самаго короля, двинувшагося съ значительными силами изъ Ловизы къ Фридрихсгаму. Военныя дѣйствія велись обѣими сторонами крайне вяло и не рѣшительно. Шведы терпѣли недостатокъ почти во всемъ и солдаты ихъ гибли отъ дурныхъ гигиеническихъ условій; отсутствіе дисциплины между офицерами отражалось на солдатахъ и въ арміи стали появляться брошюры, въ которыхъ доказывалось, что государство основано на договорѣ между народомъ и королемъ и обѣ обязанностяхъ послѣдняго на основаніи такого договора. Русскіе начальники старались воспользоваться такимъ настроеніемъ и съ нѣкоторымъ успѣхомъ завели переписку съ шведскими офицерами. 23 іюля нижніе чины Абоскаго и Бьернеборгскаго полковъ потребовали обратнаго перехода въ шведскую Финляндію. Около 100 офицеровъ подали въ отставку и объявили войну не законною. При такихъ условіяхъ трудно было воевать и шведы отступили отъ Фридрихсгама, а самъ король отошелъ къ Гекфорсу и Кюменогороду. Къ русскимъ начальникамъ стали поступать отъ шведскихъ командировъ мирныя предложенія. Броженіе умовъ развивалось все сильнѣе и наконецъ приверженцы Спренгпортена, преслѣдуя идею обѣ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и образованіи самостоятельнаго государства, рѣшились помимо короля вступить въ переговоры съ императрицею.

29 іюля (9 августа) въ лагерь при дер. Ликкола была под-

писаца семью офицерами нота, въ которой требовалась обратная уступка того, что было приобрѣтено Россіею по Абосскому миру. Почти одновременно съ этимъ въ Аньялѣ образовалась конфедерация изъ 100 челов. офицеровъ, готовыхъ идти противъ короля и дѣйствовать самостоятельно. Въ договорѣ, ими составленномъ 2 (13) августа, говорилось о незаконности объявленія войны Густавомъ, о неправильномъ вторженіи его въ русскіе предѣлы и о нежеланіи войскъ вести войну съ такимъ народомъ, о коемъ думаютъ они, что желаетъ сохранить съ ними союзъ. Сверхъ того, обношенные мундиры въ финской арміи, всеобщій недостатокъ въ припасахъ, трудность доставать провіантъ и скудость въ аммуниціи усугубили еще болѣе неудовольствіе и унылость въ солдатахъ. Побѣда, одержанная русскимъ флотомъ надъ шведскимъ, по мнѣнію подписавшихся, свидѣтельствуетъ о великодушіи русскихъ, не предающихъ жителей разоренію и портовъ сожженію. Мы должны благодарить не себя, говорили они, и не оружіе наше, а челоуѣколюбіе русскихъ. Одновременно съ этимъ, конфедераты отправили копію съ этого акта и королю Густаву, съ заявленіемъ вѣрности и увѣреніемъ, что актъ этотъ даетъ ему средство съ достоинствомъ заключить миръ съ Россіею. Король не могъ раздѣлять такого мнѣнія и требовалъ покорности, но конфедераты, отказавшись отъ этого, пошли далѣе: предлагали заключить миръ съ Россіею, созвать общій сеймъ, возстановить права гражданъ и удовлетворить ихъ требованіямъ.

Требованія эти, постепенно развиваясь и усиливаясь, дошли наконецъ до того, что рѣшено было арестовать короля, и только поспѣшный отъѣздъ въ Швецію спасъ его. Присланному въ Петербургъ депутату Егергорну было объявлено, что Россія не можетъ входить въ переговоры съ заговорщиками, что только дѣйствительные представители народа могутъ пользоваться довѣріемъ, что собраніе представителей должно прежде разрѣшить всѣ свои внутренніе вопросы и затѣмъ прислать депутатовъ, но не въ Петербургъ, а къ главнокомандующему. При этомъ императрица требовала прежде всего вывода шведскихъ войскъ изъ

предѣловъ Россіи, прибавляя, что въ противномъ случаѣ она силой заставитъ сдѣлать это. — Съ этою цѣлью были усилены войска графа Мусина-Пушкина, а главное увеличено число судовъ гребнаго флота. Шведы просили перемирія, но императрица соглашалась не иначе какъ по очищеніи нашей территоріи непріателемъ. Она шла далѣе и рѣшилась переходомъ въ наступленіе тѣснить шведовъ до созванія сейма. «Отъ этого послѣдняго, говоритъ авторъ, она ожидала можетъ быть удовлетворенія своему враждебному чувству, полагая, что Густаву не одобровать передъ раздраженными государственными чинами».

14 сентября шведы очистили Гёгсфорсъ, Кюменегородъ и отступили къ Ловизѣ, а русскія войска заняли пограничную нашу линію. Въ тотъ же день прибыла изъ Кронштадта въ Выборгъ наша гребная флотилія. Кампанія 1788 года была окончена и затѣи Аньяльской конфедераціи погибли. Удачныя дѣйствія короля противъ датчанъ, нашихъ союзниковъ, вызвали къ нему сочувствіе народа, Аньяльская конфедерація подверглась порицанію и конфедератовъ называли измѣнниками; финскіе полки были разъединены и на нашей границѣ поставлены шведскіе. Тѣмъ не менѣе Спренгпортенъ не оставлялъ своихъ интригъ и велъ переговоры съ финами. Результатами ихъ было прибытіе въ концѣ ноября въ Петербургъ маіора Егергорна съ проэктомъ союзнаго дѣйствія финовъ и русскихъ противъ шведовъ. Императрица отказалась принять этотъ проэктъ и совѣтовала финанмъ принести повинную своему королю. Вскорѣ большая часть главныхъ заговорщиковъ была арестована и заключена въ замкѣ Фридериксгофѣ. — Самъ Спренгпортенъ бѣжалъ въ Россію и былъ приговоренъ заочно къ смертной казни. Власть Густава была восстановлена и въ началѣ 1789 года онъ самъ созвалъ сеймъ. Всѣ предложенія его были не только приняты, но король получилъ право начинать войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію, безъ участія государственныхъ чиновъ.

Обѣ стороны готовились къ военнымъ дѣйствіямъ, но крупныя столкновенія начались не ранѣе конца мая. Военныя дѣй-

ствія велись вяло и съ перемѣнными успѣхами. Побѣда нашего флота подъ Роченсальмомъ заставила опять шведовъ очистить наши предѣлы. Екатерина сожалѣла, что наша сухопутная армія по бездѣятельности главнокомандующаго графа Мусина-Пушкина не преслѣдовала отступавшихъ. Она требовала, чтобы военныя дѣйствія были перенесены на территорію непріятеля и наступленіе было произведено на Гельсингфорсъ. «Овладевъ мѣстомъ симъ, писала императрица, овладеемъ мы почти всею Финляндіею». Желанія Екатерины не были исполнены и кампанія 1789 года окончилась ничѣмъ: оба противника остались на своихъ границахъ и на слѣдующій годъ приходилось начинать снова.

Видя бездѣятельность графа Мусина-Пушкина, императрица назначила вмѣсто него главнокомандующимъ графа Н. П. Салтыкова, но не подчинила ему флота, дѣйствія котораго были тѣсно связаны съ дѣйствіями сухопутной арміи. Въ послѣдней было много больныхъ и пополнять убыль было нечѣмъ; къ тому же главнокомандующій получалъ часто приказанія императрицы объ отправленіи изъ арміи людей на пополненіе гребнаго флота. Всю зиму Густавъ III трудился надъ усиленіемъ своихъ боевыхъ средствъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Открытыя въ началѣ марта дѣйствія клонились въ его пользу; но 21 апрѣля, генералъ Нумсенъ одержалъ побѣду надъ самимъ королемъ и принудилъ его отступить за р. Кюмень; русскіе заняли Аньялу. Густавъ перешелъ на галерный флотъ съ намѣреніемъ дѣйствовать противъ Фридрихсгама, а затѣмъ подвинуться ближе къ Петербургу. Но побѣда, одержанная при Ревелѣ нашимъ корабельнымъ флотомъ, и неудача шведовъ подъ Кронштадтомъ, разстроила всѣ ихъ планы и надежды: шведскій флотъ оказался запертымъ Чичаговымъ. Ему оставалось только пройти Березовымъ зундомъ и прорвать блокаду. Но въ это время подошелъ нашъ гребной флотъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зингена. Послѣдній, получивъ извѣстіе о передвиженіи шведскаго флота и попыткѣ его уйти, рѣшился атаковать его, не смотря на наступающую ночь. Около 11-ти часовъ вечера 21 іюня произошла

встрѣча между двумя гребными флотами, причемъ шведскій принужденъ былъ отступить. Происшедшій на другой день бой между корабельными флотами имѣлъ результатомъ разсѣяніе шведскихъ судовъ. Самъ Густавъ спасался на небольшой шлюпкѣ и едва не попалъ въ плѣнъ; шведы потеряли отъ 7—9 кораблей, 3 т. убитыми и 5 т. плѣнными.— «Положеніе Густава, справедливо замѣчаетъ авторъ, было самое критическое: все что было оппозиціоннаго смѣло могло поднять голову. Флотъ былъ безсиленъ, войско унало духомъ; самъ Густавъ съ трудомъ боролся съ одолѣвавшимъ его уныніемъ; въ перспективѣ было безславіе и потеря короны, или въ крайнемъ случаѣ, новое ограниченіе его королевскихъ правъ, вырванныхъ имъ изъ рукъ мятежнаго дворянства съ такими усиліями».

Желая воспользоваться плодами побѣды, императрица настаивала на скорѣйшемъ наступленіи. Нассау-Зингенъ приступилъ къ обложенію шведскаго гребнаго флота у Ротченсальма, но происшедшій 28 іюня бой окончился не въ нашу пользу и едва ли не подалъ поводъ къ заключенію мира.

Описавъ кровавые бои на морѣ, авторъ прекрасно рисуетъ внутреннее состояніе Швеціи и характеръ ея короля, напряженное состояніе Россіи и затруднительное положеніе Екатерины. Понятно, что при такихъ условіяхъ обѣ стороны желали мира и посредничество Испаніи привело къ желаемой цѣли. Секретныя сношенія о мирѣ начались съ начала 1790 года и авторъ подробно и весьма обстоятельно излагаетъ ихъ ходъ. — 3 (14) августа въ Верелѣ былъ подписанъ миръ, не измѣнившій ни въ чемъ нашихъ отношеній къ Швеціи, и границы остались прежнія.

Послѣ верелскаго мира Густаву не долго пришлось пользоваться успѣхами внутри и внѣ государства. — 4 (15) марта 1792 года, при выходѣ изъ театра, онъ былъ смертельно раненъ дворяниномъ Анкарстремомъ, но успѣлъ возстановить порядокъ въ управленіи государствомъ. Регентомъ 14-ти лѣтняго Густава Адольфа былъ назначенъ братъ короля, принцъ Карлъ, герцогъ зюдерманландскій. Въ августѣ 1796 года, молодой король, вмѣ-

стѣ съ регентомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и произошло неудачное сватовство великой княжны Александры Павловны. Императрица Екатерина вскорѣ скончалась, а молодой король, по достиженіи 18-ти лѣтняго возраста вступилъ въ управленіе государствомъ подъ именемъ Густава Адольфа IV. — Дружба между имъ и императоромъ Павломъ продолжалась во все время царствованія послѣдняго, но при императорѣ Александрѣ I отношенія измѣнились. Безпокойный и взбалмошный характеръ Густава и его мелочныя придирки и выходки были тому причиною.

Желаніе подражать Карлу XII вызывало въ Густавѣ войнoлюбіе и онъ сталъ усиливать войска. Въ русской Финляндіи стали также принимать мѣры предосторожности. Политическое поведеніе Густава не имѣло ничего опредѣленнаго: изъ друга онъ весьма скоро дѣлался противникомъ, а затѣмъ опять другомъ. Онъ не соблюдалъ никакихъ трактатовъ. Въ январѣ 1808 года онъ заключилъ тайный союзъ съ Англіею, обѣщавшею ему ежемѣсячно по милліону фунт. стер. и въ случаѣ войны съ сосѣдями 14 т. англійскаго войска. Желая отклонить Густава отъ союза съ нашимъ противникомъ Англіею и заставить его исполнять трактаты, императоръ Александръ I двинулъ войска въ Финляндію и, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, война между Россіею и Швеціею возгорѣлась.

9 февраля русскія войска подъ начальствомъ графа Буксгевдена перешли границу и застали шведовъ не готовыми къ дѣйствіямъ: войска ихъ были разбросаны по всей странѣ и главнокомандующій Клингспорръ находился еще въ Стокгольмѣ. По мѣрѣ движенія нашего впередъ, шведы, избѣгая боя, отступали и въ три недѣли русскія войска успѣли занять Тавастгусскую и Нюландскую области, а черезъ мѣсяць и столицу Финляндіи — г. Або.—Вслѣдъ за тѣмъ были заняты Свартгольмъ и Гангудъ, а Свеаборгъ былъ блокированъ и отрѣзанъ отъ шведской арміи.

Продолжая наступленіе, войска наши подъ начальствомъ Раевского, 17 марта, заняли Вазу. Шведскія войска отходили къ самой сѣверной оконечности Ботническаго залива и въ Улеа-

боргъ предполагали соединиться съ мѣстными отрядами и войсками, слѣдовавшими изъ Саволакской области. Успѣхъ увлекъ графа Буксгевдена и онъ разбросалъ свои войска небольшими отрядами. Сосредоточившіеся шведы 15 апрѣля перешли въ наступленіе; населеніе поднялось противъ русскихъ и началась партизанская война. «Шедшіе къ войскамъ транспорты, говоритъ авторъ, атакывались и по большей части расхищались; лѣса наполнились вооруженными людьми, дѣйствовавшими въ разсыпную и находившими убѣжище по деревнямъ; курьеры перехватывались и отряды оставались безъ свѣдѣній о взаимномъ положеніи».

Главнѣйшая причина всѣхъ нашихъ неудачъ лежала въ томъ довѣрїи, которое наше правительство оказывало словамъ Спренгпортена и другихъ финляндскихъ выходцевъ, увѣрявшихъ, что Финляндія искренно желаетъ присоединенія къ Россіи. Для успѣха дѣйствій пришлось усилить войска, переимѣнить нѣкоторыхъ начальниковъ и во главѣ бывшаго корпуса Раевского поставить графа Каменскаго 2-го. — Послѣдній повелѣ дѣла столь успѣшно и энергично, что непрерывно тѣснилъ шведовъ на сѣверѣ и заставилъ Густава Адольфа пытаться дѣлать значительныя высадки на югѣ, у Або. — Успѣха въ этомъ король однакоже не имѣлъ, такъ какъ князь Багратионъ заставлялъ десанты удаляться на суда, а послѣдняя высадка, бывшая въ сентябрѣ, потерпѣла рѣшительное пораженіе. Личный свидѣтель всѣхъ этихъ неудачъ, король шведскій далъ полную волю своему гнѣву и бывшую въ дѣлѣ свою гвардію лишилъ знаменъ и разныхъ преимуществъ. — «Наказаніе это, обратившееся, между прочимъ, на офицеровъ изъ лучшихъ шведскихъ фамилій, усилило и безъ того уже значительное неудовольствіе противъ короля и вмѣстѣ съ другими причинами оказало вліяніе на послѣдовавшую вскорѣ въ Стокгольмѣ революцію».

Дѣла Густава Адольфа шли неудовлетворительно и его армія, оттѣсненная къ Лапландіи, терпѣла крайнія лишенія отъ суроваго климата, недостатка продовольствія и неустройства госпи-

тальной части. Шведскіе солдаты упали духомъ и начались побѣги. Главнокомандующій шведскими войсками графъ Клингспорръ предложилъ заключить перемиріе, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность уѣхать въ Стокгольмъ и убѣдить короля въ невозможности возвратить Финляндію. Предложеніе о перемирії было принято графомъ Буксгевденомъ, такъ какъ и наша армія нуждалась въ отдыхѣ и ощущала недостатокъ въ продовольствіи. Перемиріе это не было утверждено и графу Буксгевдену приказано, нарушивъ его, быстрымъ движеніемъ корпуса графа Каменскаго вознаградить потерянное время. Русскія войска перешли въ наступленіе и успѣхи графа Каменскаго были на столько велики, что заставили шведовъ просить вновь о перемирії. 7 ноября въ Олькюки была заключена конвенція, по которой шведская армія обязалась очистить всю Улеборгскую провинцію и расположиться за р. Кеми, болѣе 100 верстъ за Улеборгомъ; русскія же войска остановились у Торнео на шведской территоріи.

Кампанія была окончена и 1808 годъ останется навсегда памятнымъ въ русской исторіи окончательнымъ покореніемъ Финляндіи. Виновникъ этого событія, графъ Буксгевденъ, былъ однакоже отозванъ и командующимъ войсками былъ назначенъ генералъ Кноррингъ; во главѣ гражданскаго управленія явился Спренгпортенъ, такъ давно мечтавшій объ этомъ. Съ назначеніемъ послѣдняго началась интрига и Финляндія постепенно стала уходить изъ русскихъ рукъ. Авторъ прекрасно излагаетъ всѣ подробности интриги и посвящаетъ на это главу X. — Въ этой главѣ возстаетъ передъ нами голая историческая истина и вполне безпристрастная оцѣнка событій. — Люди преданные Россіи были удалены, ихъ заступили противники, но не прошло и пяти мѣсяцовъ, «какъ судьба смела и ихъ со сцены финляндскихъ событій также безпощадно, какъ они подкапывались подъ генерала (Буксгевдена), заслуги коего передъ Россіей не отвергнетъ и самая пристрастная критика».

Съ назначеніемъ Кнорринга императоръ Александръ потре-

боваль, чтобы война была перенесена въ Швецію. Наступившая зима позволяла совершить прямой переходъ по льду. Кноррингъ, упрекавшій прежде Буксгевдена въ бездѣйствіи, теперь самъ медлилъ движеніемъ, представилъ возраженія, которыми императоръ былъ недоволенъ. Однако декабрь 1808, январь и февраль 1809 г. прошли въ перепискѣ и пререканіяхъ, пока наконецъ Государь не отдалъ категорическаго приказанія наступать. «Я привыкъ, писалъ онъ Кноррингу, требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять. Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете». Кноррингъ просилъ увольненія, но Государь не согласился и послалъ графа Аракчеева съ приказаніемъ двинуть войска черезъ Ботнической заливъ и слѣдовать съ ними. Графъ Аракчеевъ проявилъ замѣчательную энергію и въ началѣ марта войска двинулись впередъ.

Мы не будемъ говорить о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ русскими войсками во время похода, но скажемъ, что они были преодолены съ блестящимъ успѣхомъ и въ промежутокъ времени 7—10 марта явились на шведскомъ берегу и не далѣе 100 верстъ отъ шведской столицы. Въ Стокгольмѣ произошла революція и король вмѣстѣ съ супругою были отвезены въ замокъ Дротнинггольмъ. Созванный въ маѣ сеймъ объявилъ Густава лишеннымъ, вмѣстѣ съ его наслѣдниками, права на шведскій престолъ и впоследствии на его мѣсто избранъ былъ престарѣлый герцогъ зюдерманландскій подъ именемъ Карла XIII. Новый король предложилъ заключить перемиріе, но оно было отвергнуто графомъ Аракчеевымъ, объявившимъ, что онъ присланъ императоромъ заключить миръ, а не перемиріе. Тогда стокгольмское правительство изъявило согласіе на заключеніе мира, но съ условіемъ, чтобы ни одинъ русскій отрядъ не вступалъ на берега Швеции. Аракчеевъ, неизвѣстно почему, согласился и приказалъ Кульневу немедленно возвратиться на Аландъ, а Барклаю де-Толли — въ Вазу. Императоръ Александръ остался весьма недоволенъ такимъ исходомъ дѣла, смѣнилъ Кнорринга и назначилъ на его

мѣсто Барклая де-Толли. Новому главнокомандующему воспрещено было вступать въ какіе либо переговоры, а доносить о томъ Государю, не прекращая военныхъ дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе, среди военныхъ дѣйствій, съ 3 августа открылись мирные переговоры въ Фридрихсгамѣ и 5 сентября Фридрихсгамскій мирный договоръ былъ подписанъ.

Прежде чѣмъ говорить о подробностяхъ и результатахъ мирныхъ переговоровъ, авторъ касается вопроса объ отношеніяхъ Финляндіи къ Швеціи и къ Россіи, вліянія шведскихъ эмигрантовъ на императора Александра и на будущее устройство Финляндіи. Главнѣйшими совѣтниками въ этомъ дѣлѣ были Спренгпортенъ и Кликъ. Приводя проектъ послѣдняго, К. Ф. Ординъ цитируетъ слѣдующія замѣчательныя слова Клика: «Конечно, не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы ни было соглашенія. Побѣдивъ страну силой, ей предоставятъ потомъ *какъ милость*, тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя ей дать. Всякое соглашеніе, каково бы оно ни было, предполагаетъ нѣкоторое равенство соглашающихся и можетъ породить *опасныя разномыслія и недоразумѣнія*. Побѣдитель, напротивъ, жалуется милостями и ихъ за такія принимаютъ жалюемые, не имѣя права ни о чемъ договариваться».

Совершенно иного мнѣнія былъ другой совѣтникъ императора Александра I — генералъ Спренгпортенъ. Непривлекательная личность его хорошо обрисована г. Ординымъ по архивнымъ документамъ, письмамъ Буксгевдена и самого Спренгпортена. Приговоренный въ Швеціи къ смертной казни за измѣну и бѣжавшій въ Россію, онъ привыкъ къ интригѣ и не имѣя отечества, работалъ исключительно въ свою пользу. Къ сожалѣнію, онъ находилъ поддержку среди лицъ, стоявшихъ во главѣ нашего правительства, вѣрившихъ въ его политическія способности и авторитетъ среди финляндцевъ. Назначенный въ распоряженіе главнокомандующаго собственно для гражданскихъ дѣлъ, Спренгпортенъ искалъ самостоятельности, вмѣшивался во все, путалъ,

критиковалъ и жаловался. По мѣрѣ занятія провинцій, Буксгевденъ намѣренъ былъ установить временное правленіе, «не посягая на существующія права и привилегіи жителей». — Графъ Румянцовъ отвѣчалъ, что Государь одобрилъ его мнѣніе и просилъ составить инструкцію, по соглашенію съ барономъ Спренгпортенемъ. Но послѣдній всѣми средствами уклонялся отъ этого, завелъ обширную переписку съ главнокомандующимъ, интриговалъ, порицалъ его дѣйствія и хотѣлъ стать въ положеніе совершенно независимое. Возникшіе споры и пререканія вели къ тому, что всѣ распоряженія по гражданскому управленію ограничивались отрывочными законоположеніями. Въ числѣ ихъ были: 1) увеличеніе прогивной платы; 2) снятіе таможенныхъ заставъ на р. Кюмени и возстановленіе свободной торговли, и 3) снабженіе Финляндіи солью. «Но мѣры эти, справедливо замѣчаетъ авторъ, не имѣли столь близкаго отношенія къ ежедневнымъ потребностямъ, къ будничной такъ сказать жизни обывателей занятаго края, какъ устройство мѣстнаго управленія. Въ принципѣ, собственно говоря, все оставалось въ прежнемъ порядкѣ».

Попытка графа Буксгевдена, назначить на должность губернаторовъ русскихъ чиновниковъ, не удалась и надо полагать потому, что императоръ заботился не столько объ устройствѣ внутренняго управленія, сколько о расположеніи умовъ въ свою пользу. Большая часть административныхъ мѣръ принималась неудачно въ виду множества совѣтниковъ и происходившихъ отъ того колебаній, нерѣшительности и проч. Эти колебанія и частыя перемѣны въ воззрѣніяхъ были причиною того, что русское правительство долго не могло добиться присяги жителей покоренной части Финляндіи. Авторъ подробно излагаетъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчались въ этомъ отношеніи, игру страстей, поспѣшность выбора нѣкоторыхъ лицъ, на вліяніе и услуги которыхъ желали опереться. Вообще въ Петербургѣ придавали болѣе значенія рекомендаціямъ Спренгпортена, чѣмъ главнокомандующаго графа Буксгевдена, и это было крупнѣйшею ошибкою. Единственная просьба главнокомандующаго, которую приз-

нали нужнымъ исполнить въ Петербургѣ — это объявленіе, что занятая страна никогда не будетъ возвращена Швеціи. 5-го (17) іюня состоялся манифестъ, въ которомъ императоръ Александръ писалъ, что «въ чредѣ народовъ, скипетру російскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава *противу воли и предопредѣленной Вышняго ничто отторнутъ ихъ не можетъ...*

«Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ.... Судьба страны вашей рѣшена невозвратно. Всякое разглашеніе о возстановленіи шведскаго надъ вами владычества было бы тщетное заблужденіе, единственно во вредъ вамъ устремляемое»....

Объщаніе полного покровительства и улучшенія внутренняго благосостоянія подъ скипетромъ Россіи не увлекало, однако же, жителей. — Рядомъ съ манифестомъ, населеніе читало и сочувствовало горячей рѣчи 70-ти-лѣтняго профессора абосскаго университета Колоніуса. «Пусть, говорилъ онъ, военное счастье тѣлесно отдало насъ силѣ врага и принудило идти туда, куда гонитъ насъ сила оружія, но души наши будутъ тверды, съ неослабною вѣрностью и съ неизмѣнною покорностью принадлежать нашему прирожденному королю. По этому, пока исходъ войны еще неизвѣстенъ и пока не заключенъ такой мирный договоръ, въ которомъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права, — отъ воли подданнаго не зависить отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны».

Подобныя рѣчи и сочувствіе имъ оказываемое населеніемъ далеко не оправдывали увѣренія Спренгпортена въ томъ, что Финляндія охотно отдѣлится отъ Швеціи и съ радостью бросится въ объятія Россіи. Не смотря на неопровержимые факты въ противномъ, Спренгпортенъ продолжалъ еще служить авторитетомъ и по его совѣту рѣшено было вызвать изъ Финляндіи депутатовъ, чтобы отъ нихъ узнать о нуждахъ страны, затѣмъ созвать сеймъ и пригласить въ Петербургъ частныхъ лицъ, го-

воря, что появленіе ихъ въ русской столицѣ будетъ весьма пріятно императору. Частныя лица не ѣхали, а присылка депутатовъ или, какъ финскіе историки говорятъ, «*посольства*»(?) также встрѣтила нѣкоторыя затрудненія и замѣдлилась; вопросъ же о сеймѣ былъ долгое время подвергнутъ колебаніямъ и встрѣтилъ возраженія какъ со стороны самихъ финляндцевъ, такъ и со стороны русскаго правительства. Извѣстный Кликъ находилъ, что собирать сеймъ не безопасно; абосскій губернаторъ Троиль и епископъ Тенгстремъ говорили, что собирать сеймъ бесполезно. Графъ Аракчеевъ и графъ Румянцовъ были противъ сейма, причемъ послѣдній высказалъ мысль, что собранные на сеймъ представители «не только не будутъ способствовать къ восстановленію порядка и устройства, но умножать къ тому затрудненія». Главнокомандующій графъ Буксгевденъ подтвердилъ мысль министра иностранныхъ дѣлъ и высказался опредѣленнѣе всѣхъ.

«Мнѣ казалось съ самаго начала, писалъ онъ графу Румянцову, что таковой сеймъ, гдѣ каждый членъ онаго водимъ частными своими видами, дѣйствительно не могъ бы сдѣлать другаго, какъ только умножить затрудненія. Болѣе почти ста лѣтъ какъ подобныя сеймы, здѣсь собиравшіеся, имѣли власть и могли дѣлать, по усмотрѣнію, прочныя и твердыя постановленія, но послѣ того и особенно за 25 лѣтъ отсель, сеймы сіи были всегда одною только проформою. Имъ напередъ давались уже пункты, по которымъ они должны были трактовать и которые относились единственно или къ учрежденію новыхъ податей, или къ собранію войска, или, собственно сказать, къ хозяйственнымъ внутреннимъ края ихъ распоряженіямъ. И когда встрѣчались при такихъ случаяхъ противорѣчія, тогда весь сеймъ, котораго собраніе стояло весьма большихъ издержекъ, немедленно былъ распускаемъ королевскимъ повелѣніемъ».

На этомъ основаніи Буксгевденъ отрицалъ пользу сейма въ полномъ значеніи этого слова, но находилъ полезнымъ собрать сословія только съ единственною цѣлью — принести присягу на подданство Россіи. Одинъ Спренгпортень настаивалъ на необхо-

димости созвать сеймъ и беззапѣчиво говорилъ, что «теперь особенно важно имѣть во главѣ финскаго народа такое лицо, которое сумѣетъ его вести и пользуется его довѣріемъ, и я не *предложилъ бы себя, если бы можно было остановить выборъ на комъ нибудь другомъ*. Именно въ этихъ видахъ я настаиваю на созывѣ депутатовъ въ Або, гдѣ, дѣйствуя именемъ Его Величества публично, можно было бы приличными мѣрами благотворительности (т. е. подкупомъ) овладѣть умами и извлечь необходимыя намъ пособія (?). Я беру за это дѣло и обѣщаю, что оно не остановится на полпути».

Онъ даже сообщилъ перечень главнѣйшихъ девяти вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сейма. Мнѣніе это оставлено, до времени, безъ исполненія, а въ замѣнъ его пришли къ мысли, что для узнанія нуждъ народа необходимо вызвать въ Петербургъ депутацію отъ четырехъ сословій. 9-го юня графъ Румянцовъ писалъ графу Буксгевдену, что императоръ, «желая сколь можно ближе узнать ихъ (финляндцевъ) положеніе, ихъ нужды и собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго бремени, каковымъ они донинѣ были угнетаемы» — соизволяетъ, чтобы присланы были депутаты отъ всѣхъ сословій. Распоряженіе это встрѣтило сопротивленіе со стороны финляндцевъ, не желавшихъ подъ разными предлогами выбирать депутатовъ, и только рѣшительное приказаніе графа Буксгевдена заставило ихъ исполнить это желаніе русскаго правительства.

Авторъ подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія выборы, и даетъ намъ совершенно новое и ясное понятіе объ этомъ эпизодѣ нашей политической исторіи. Очертивъ вкратцѣ характеръ и нравственныя качества депутатовъ, К. Ф. Ординъ описываетъ ихъ пребываніе въ Петербургѣ, аудіенцію у императора, и переходитъ къ выясненію причинъ ихъ пріѣзда въ Россію.

Наше правительство желало узнать отъ нихъ о нуждахъ края и придти къ нимъ на помощь, а депутаты рѣшили прежде всего добиваться сохраненія прежнихъ порядковъ. Съ этою цѣлью

они подали особый меморіаль, въ которомъ благодарили за милости, оказанныя Императоромъ Финляндіи, и имѣя въ виду добиться созваніе сейма, скромно высказывали мнѣніе, что не могутъ считать себя уполномоченными отъ всей страны и слѣдовательно имѣющими право трактовать объ ея нуждахъ. Они писали, что на основаніи шведскихъ конституцій 1617 и 1723 гг., въ случаѣ возникновенія вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ страны, созывалось общее собраніе земскихъ чиновъ, *которые вмѣстѣ съ Государемъ составляли власть законодательную*. По этому они полагаютъ, «что не бывъ представителями всего народа, не могутъ войти въ сужденія, принадлежащія земскимъ чинамъ, созваннымъ въ обыкновенномъ порядкѣ, предписанномъ конституціею». Съ паружнымъ подобострастіемъ и по видимому съ полною покорностію они представляли Императору, что «если бы оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей, повелѣтъ созвать общее собраніе земскихъ чиновъ въ странѣ, чтобы выслушать голоса народа по дѣламъ, касающимся блага и пользы всѣхъ, то голосъ этотъ всегда окажется единодушнымъ *въ почитаніи и любви* къ Августѣйшей Особѣ Его Императорскаго Величества, въ покорности ея повелѣніямъ и въ признательности за благодѣянія, въ томъ депутаты смѣютъ удостовѣрить».

Рядомъ съ этимъ и даже нѣсколько ранѣе, съ самага прибытія депутатовъ, Спренгпортенъ велъ интригу о созваніи сейма и назначеніи его генераль-губернаторомъ Финляндіи. При участіи его, графа Аракчеева и генерала Кнорринга, 19-го ноября 1808 года было утверждено Положеніе о главномъ правленіи въ новой Финляндіи, въ которомъ говорилось о предстоящемъ созваніи генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній. Въ этотъ же самый день и Спренгпортенъ назначенъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Для управленія Финляндіею учреждался комитетъ главнаго правленія Финляндіи, который состоялъ изъ 12-ти членовъ, избранныхъ народомъ, половина отъ дворянъ, а другая — отъ прочихъ состояній. Комитетъ дол-

женъ былъ состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора и производить дѣла «на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, *доколь войдетъ въ употребленіе російскій, и по законамъ, коими досель Финляндія управляема была*». Генералъ-губернаторъ, былъ отвѣтственъ одинъ передъ Государемъ за порядокъ и правосудіе, ему подчинялись всѣ гражданскіе чины, *«коихъ онъ самъ опредѣляетъ и увольняетъ за исключеніемъ губернаторовъ»*. Генералъ-губернаторъ представляетъ всѣ дѣла прямо Императору. Въ заключеніи говорилось, что въ будущемъ предоставляется генералъ-губернатору представить добавленія къ составленію полной инструкціи и признается необходимымъ сдѣлать генеральное и конституціонное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ сословій.

Между тѣмъ въ концѣ декабря 1808 года общее завѣдываніе финляндскими дѣлами было поручено М. М. Сперанскому, на котораго вмѣстѣ съ тѣмъ возлагались и обязанности государственнаго секретаря. Мѣра эта была совершенно рациональна въ виду того, что вновь присоединяемая провинція должна была подчиняться вполнѣ цѣлямъ и управленію обще-государственнымъ. Помощникомъ Сперанскому былъ назначенъ камеръ-юнкеръ шведскаго двора баронъ Ребиндеръ.

Приступая къ описанію открытія сейма, авторъ дѣлаетъ весьма обстоятельный очеркъ сословій, существовавшихъ въ Финляндіи, порядка созванія сейма въ Швеціи, его задачъ и затѣмъ переходитъ къ подробностямъ, относящимся къ созванію сейма въ Борго. Послѣдній хотя и былъ предметомъ изслѣдованій нѣсколькихъ лицъ, но г. Ординъ, основываясь на необнародованныхъ до нынѣ запискахъ, письмахъ и другихъ архивныхъ документахъ, даетъ намъ совершенно новый эпизодъ изъ русской исторіи. Онъ знакомитъ насъ въ подробности съ ходомъ вопроса по приготовленіямъ къ сейму, совершенно чуждому формамъ правленія Россіи и потому неизвѣстному нашему правительству. Не знакомыя съ правами и особенностями правленія въ Финляндіи лица, стоявшія во главѣ русскаго правительства, принуждены

были соглашаться на всё исканія финляндцевъ, часто незаконныя и вымышленныя. Вотъ почему критическая оцѣнка и анализъ всего происходившаго на сеймѣ весьма важны и составляютъ достоинство сочиненія автора. Мы не можемъ слѣдить за тѣми подробностями, которыя хорошо характеризуютъ желанія и попытки представителей Финляндіи обособиться и придать ей форму самостоятельнаго государства, подъ протекторатомъ русскаго Императора. Послѣдній 13-го марта выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ новую свою провинцію, въ сопровожденіи немногочисленной свиты, и 15-го числа имѣлъ торжественный въѣздъ въ Борго. Въ день прибытія была издана грамота, къ которой императоръ Александръ вновь повторилъ свое обѣщаніе сохранять финляндцамъ ихъ религію и привилегіи. Неточный переводъ этой грамоты послужилъ впоследствии къ многимъ неправильнымъ толкованіямъ и къ особенностямъ положенія Финляндіи относительно Россіи. Авторъ подробно разбираетъ разницу въ русскомъ и шведскомъ текстахъ, положившую начало дальнѣйшимъ уклоненіямъ отъ исторической истины.

16-го марта послѣдовало торжественное открытіе сейма, которому предложены были на разсмотрѣніе всего четыре вопроса: 1) О военномъ устройствѣ (милиціи); 2) О взиманіи податей; 3) О монетной системѣ, и 4) О назначеніи членовъ въ Правительственный совѣтъ, учрежденный 19-го ноября 1808 года.

Между тѣмъ Спренгпортенъ и Кноррингъ были уволены, а главнокомандующимъ и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Барклай де-Толли. Оставленные на полной свободѣ депутаты, собиравшіеся на сеймъ, старались забыть, что имъ даны на обсужденіе только четыре вопроса, коснулись даже дѣлъ политическихъ, желая принять нѣкоторое участіе и въ заключеніи мира съ Швеціею. Въ поданной по этому поводу петиціи говорилось, что по причинѣ недавняго покоренія Финляндіи «мы не смѣемъ надѣяться, чтобы Ваше Императорское Величество, когда Ваше драгоценное время занято безчисленными заботами о благѣ многихъ другихъ народностей и подданныхъ, могли еще, въ столь

короткій срокъ, вполне освѣдомиться о всѣхъ нашихъ нуждахъ, или что вы уже имѣли время настолько углубиться въ дѣла нашей страны, чтобы трактуя со Швеціей о мирѣ дать свое весьма просвѣщенное всемілостивѣйшее вниманіе по всѣмъ предметамъ, того заслуживающимъ, и войти во всѣ необходимыя подробности».

На этомъ основаніи подписавшіеся просили устроить на сеймѣ особый комитетъ, который бы подготовилъ всѣ вопросы, о которыхъ необходимо было бы позаботиться при заключеніи мира. Одновременно съ этимъ представители сейма просили, чтобы имъ было разрѣшено разсуждать обо всемъ касающемся хозяйства, промышленности и внутренняго устройства Финляндіи, т. е. другими словами, чтобы сеймъ былъ фактическимъ распорядителемъ судебъ страны. Разумныя вліянія въ Петербургѣ отвратили эту выходку и маршалу сейма было сообщено, что Государь, не желая отвлекать сословія отъ предложенныхъ имъ вопросовъ, «не считаетъ умѣстнымъ» дѣлать новыя предложенія. Не смотря на такой категорическій отвѣтъ, сеймъ нѣсколько разъ поднималъ вопросъ объ утвержденіи конституціи, но получалъ постоянный отказъ. Такимъ образомъ сейму оставалось только отвѣчать на заданныя ему вопросы, и онъ просилъ: 1) чтобы обязанность выставлять и снабжать войска лежала исключительно на земледѣльцахъ, и чтобы милиція не собиралась по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ, и чтобы она не назначалась для дѣйствій внѣ предѣловъ Финляндіи; 2) чтобы было произведено болѣе правильное распредѣленіе податей и прекращены нѣкоторые сборы, и 3) чтобы учрежденъ былъ національный банкъ, въ основу котораго положено бы было 2 миліона рублей изъ русскаго казначейства. Это рѣшеніе сейма было представлено на усмотрѣніе Императора и 7-го іюля сеймъ былъ закрытъ. Спустя мѣсяць, и именно 6-го августа была окончательно утверждена организація Правительствующаго совѣта для управленія Финляндіею, а 20-го сентября совѣтъ открылъ свои дѣйствія въ г. Або.

Изложивъ подробно права и обязанности какъ совѣта, такъ

и генераль-губернатора, авторъ переходитъ къ описанію переговоровъ по заключенію Фридрихсгамскаго мира, по которому Россія приобрѣла Аландскіе острова и всю Финляндію по рѣки Торнео и Муоніо.

Вотъ, весьма краткій перечень труда г. Ордина, труда, имѣющаго весьма важное значеніе для уясненія первоначальныхъ отношеній Россіи къ Финляндіи. До настоящаго времени основанія, на которыхъ присоединена Финляндія къ Россіи, оставались неизвѣстными для русскаго общества и даже для правительственныхъ органовъ. Правда, что до появленія труда г. Ордина, въ нашей журналистикѣ было напечатано много статей, относящихся къ разнымъ эпохамъ, но онѣ въ большинствѣ заимствованы изъ тѣхъ же шведскихъ источниковъ. Наибольшею достовѣрностью и полнотою отличаются изслѣдованія, посвященные описанію военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. Но въ такихъ изслѣдованіяхъ вопросы политическіе и внутренней жизни остаются на второмъ планѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Ординъ сдѣлалъ первую попытку и далъ въ своемъ изслѣдованіи столь много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ можно считать весьма выдающимся приобретеніемъ для русской исторической науки. Обиліе архивнаго, никому не извѣстнаго, матеріала, заставило автора снабдить свое изслѣдованіе большимъ числомъ драгоценныхъ приложеній, по нашему мнѣнію значительно усиливающихъ достоинство труда. Знакомый съ шведскимъ языкомъ, г. Ординъ помѣстилъ въ своихъ приложеніяхъ необходимые и наиболѣе важные документы изъ шведскихъ источниковъ въ переводѣ на русскій языкъ.

Касаясь частныхъ сочиненія, долженъ сказать, что, подавленный богатствомъ архивнаго матеріала, авторъ не избѣгъ повтореній, которыя, несомнѣнно, будутъ имъ самимъ замѣчены при печатаніи его изслѣдованія. Указавъ на источники, которыми пользовался, онъ пишетъ цѣлыя главы безъ всякихъ ссылокъ, а это лишаетъ возможности повѣрять цитаты. Эти немногіе впрочемъ недостатки выкупаются крупными достоинствами: нѣтъ истори-

ческаго событія, въ которое г. Ординъ не вносилъ бы новыхъ фактовъ, не приводилъ бы новыхъ документовъ. Такъ, Аньяльская конфедерація, извѣстная по изслѣдованіямъ академика Я. К. Грота и Брикнера, написана съ освѣщеніемъ ея многими новыми документами; точно также и Верельскій миръ, извѣстный по изслѣдованіямъ графа Д. А. Толстаго и Н. И. Григоровича. Самою важною и интереснѣйшею частью труда слѣдуетъ признать описаніе внутренняго устройства Финляндіи по ея присоединеніи, созваніе Боргоскаго сейма и заключеніе Фридрихсгамскаго мира. — Здѣсь все ново и основано на архивныхъ документахъ до сихъ поръ не изданныхъ. Принимая во вниманіе все вышеизложенное, я считаю нравственною обязанностью просить Академію удостоить сочиненіе г. Ордина Макарьевскою премію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Краткій перечень статей, не включенныхъ авторомъ въ библиографическій обзоръ источниковъ.

- 1) О мирныхъ договорахъ между Россією и Швецією въ XIV столѣтіи. Ученыя Записки Казанскаго университета, 1855 г., кн. II, стр. 103.
- 2) Очерки изъ Финляндскаго похода въ 1809 г., Я. Г. (Грота) Современникъ, 1855 г., т. 51, отд. V, стр. 1.
- 3) О поселенномъ войскѣ въ Финляндіи, поручика Гакмана. (Свѣдѣнія о началѣ этого войска во время владычества шведовъ). Русскій Инвалидъ, 1855 г., № 221.
- 4) Историко-статистическое обозрѣніе Финляндіи. С.-Петербур. Вѣдомости, 1855 г., №№ 31 и 57.
- 5) Описаніе военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ 1788, 1789 и 1790 годахъ, Ал. Ск. (Соколова). Морской Сборникъ, 1857 года, т. 31, отд. IV, стр. 33.
- 6) Военныя дѣйствія эскадры вице-адмирала Круга, въ троекратное сраженіе со шведскою эскадрою близъ острова Сеснаро, 23 и 24 мая 1790 года, А. Соколова. Морской Сборникъ, 1857 г., т. 31, отд. IV, стр. 41.
- 7) Исторія царствованія Петра Великаго, Устрялова.
- 8) Собственныя строки Петра, помѣщенныя въ Шафировомъ разсужденіи о причинахъ шведской войны. (Изъ исторіи царствованія Петра великаго, Устрялова). Журналъ Военно-Учебныхъ заведеній, 1858 г., т. 133 (№ 530).

- 9) **Осада Нарвы въ 1700 г., В. Ратча. Артиллерійскій журналъ, 1858 г., № 3.**
- 10) **О муниципальных учрежденіяхъ въ Финляндіи. (Извлеченіе изъ сочиненія профессора Nordström'a). Журн. Мин. Внутр. дѣлъ, 1858 г., ч. 32 (кн. 10). Тоже, Моск. Вѣдом. 1859 г., №№ 30 и 32.**
- 11) **Письмо генерала отъ-кавалеріи графа Буксгевдена къ военному министру графу Аракчееву отъ 13 сентября 1809 г. (О потеряхъ и приобрѣтеніи пороха). Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1858 г., кн. I, смѣсь, стр. 133.**
- 12) **Переговоры со Швеціею 1699 г. Журналъ Военно-Учебныхъ заведеній, 1859 г., т. 139 (№ 555).**
- 13) **Патнуль. (Эпизодъ изъ исторіи 1699 г.). Журн. Воен.-Уч. заведеній, 1855 г., т. 139 (№ 554).**
- 14) **Очеркъ развитія городскихъ учреждений въ Германіи, Англіи, Франціи, Сѣверной Италіи, Швеціи и Финляндіи. Журн. Мин. Внутр. дѣлъ, 1859 г., ч. 35, кн. 3, стр. 1—35.**
- 15) **Пятидесятилѣтіе финляндскаго сената. Сѣверн. Пчела, 1859 г., № 208.**
- 16) **Сраженіе въ окрестностяхъ Або 1808 года. Сѣв. Арх., т. VII, стр. 137; т. XXI, стр. 3, 109.**
- 17) **Отвѣтъ на вопросъ: что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора, въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведской войны, о прочемъ тому подобномъ, соч. князя М. М. Щербатова. Чтенія въ Моск. Обществѣ, 1860 г., кн. I.**
- 18) **Празднованіе Ништадтскаго мира, П. Зарубаева. Саратовскія Губернскія Вѣдомости, 1860 г., №№ 48 и 49.**
- 19) **Толкованіе нѣкоторыхъ постановленій великаго княжества Финляндскаго (переводъ со шведскаго), Свелъмана. Сѣверная Пчела, 1861 г., № 208.**
- 20) **Объ истолкованіи нѣкоторыхъ положеній въ актѣ управленія и въ охранный грамотѣ, дѣйствующихъ въ Финляндіи (изъ официальной Финляндской газеты). Русскій Инвалидъ, 1861 г., № 207.**

- 21) О конституціонныхъ льготахъ, которыми пользуется Финляндія и о финляндскомъ сеймѣ. Русскій Инвалидъ, 1861 г., № 207.
- 22) Православіе въ Финляндіи (Историческій обзоръ), священника Н. Флоровскаго. Церков. Лѣтоп. Духов. Бесѣды, 1861 г., №№ 2—6 и № 8.
- 23) Швеція въ 1738—1742 гг. (Изъ записокъ датскаго полковника генеральнаго штаба, Фроста. Переводъ съ датскаго). Петербургскій Вѣстникъ, 1861 г., № 17.
- 24) Густавъ III, король шведскій (1746—1792 гг.), соч. Музона Ле-Дюка, статья В. П. Попова. Русское Слово, 1861 г., №№ 11 и 12.
- 25) Деяносто лѣтъ назадъ или Густавъ III въ Парижѣ (1771 г.). Русскій Инвалидъ, 1861 г., № 195.
- 26) Разговоры, бывшіе между двухъ російскихъ солдатъ, случившіеся на галерномъ флотѣ, въ кампаніи 1743 года. Чтенія, 1862 г., кн. I.
- 27) Историческій взглядъ на политическое устройство Финляндіи. Сѣверная Почта, 1862 г., № 17.
- 28) Второе Роченсальмское морское сраженіе. Кронштадтскій Вѣст., 1862 г., № 12.
- 29) Изъ записокъ Ивана Ивановича Кушелева. Кронштадтскій Вѣст., 1862 г., № 13. (Отрывокъ изъ дневника Кушелева, заключающій свѣдѣнія о сраженіи при Роченсальмѣ 28-го іюня 1790 г.).
- 30) Еще нѣсколько словъ о второмъ Роченсальмскомъ сраженіи. Кронштадтскій Вѣстн., 1862 г., № 41.
- 31) Обзоръ современныхъ конституцій. Часть I, конституціи: швейцарская, французская, германская, шведская, норвежская, датская, финляндская и польская. Составилъ профессоръ Лохвицкій. Спб., изд. 1862 г.
- 32) О сословіяхъ въ Швеціи, В. Герье. Русскій Вѣст., 1862 г., т. XXXVIII (№ 4).
- 33) Финляндскій сеймъ. Особенности политическихъ судебъ Финляндіи и особенности ея конституціи. Отзывы русскихъ га-

- зеть объ открытіи сейма. Тронная рѣчь и впечатлѣніе, произведенное на Финляндцевъ и на русскихъ. Отечественныя Записки, 1863 г., т. СІ (№ 9).
- 34) Финляндскій сеймъ. О государственномъ сеймѣ. Лекціи профессора В. Росенборга, С. И. Барановскаго. С.-Петербург. Вѣдомости, 1863 г., №№ 197, 199, 211, 221, 288 (есть отдѣльный оттискъ).
- 35) Нечаянное ночное нападеніе при Иденсальми въ Новой Финляндіи. Благонамѣренный, 1822 г., ч. XX, стр. 459.
- 36) Храбрость русскаго офицера на финскихъ водахъ. Русскій Вѣстникъ, 1811 г., ч. XIII, № 1.
- 37) Копіи съ подлинныхъ документовъ о дѣйствіяхъ вазовскаго корпуса въ царствованіе императора Александра I, оставшихся послѣ смерти генераль-маіора Берга. Записки Военно-Топографическаго депо, 1853 г., ч. XIV, стр. 57—76.
- 38) Занятіе острова Готланда русскими въ 1808 г. Финскій Вѣстникъ, 1845 г., т. V, отд. III, стр. 37.
- 39) Финляндскій походъ 1808 г. во время послѣдней войны Россіи съ Швеціею. Славянинъ, 1829 г., чч. X и XI.
- 40) Переходъ русскихъ войскъ черезъ Кварненъ въ 1809 году подъ предводительствомъ генерала Барклая-де-Толли. Славянинъ, 1828 года, ч. VII, № 37.
- 41) Взятіе Свеаборга въ 1808 г. Славянинъ, 1828 г., ч. VIII, № 43.
- 42) Нѣчто о Финляндіи въ 1809 г. Финскій Вѣстникъ, 1845 г., т. IV, стр. 31.
- 43) Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808—1809 гг., Я. Грота. С.-Петербург. Вѣдомости, 1849 г. №№ 79—82 и № 101.

